

В. Н. ПИЛИПКО

**ПАРФЯНСКОЕ
СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
ГАРРЫ-КЯРИЗ**





**ТУРКМЕНИСТАН ССР ҒЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ
Ш.БАТЫРОВ АДЫНДАКЫ ТАРЫХ ИНСТИТУТЫ**

В.Н.ПИЛИПКО

ПАРФЯН ДӨВРҮНДӨКІ ГАРРЫЮРИЗ ОБАЧЫЛЫҒЫ

Редакторлар:
тарых ғылымларының докторы В.М.МАССОН
ве тарых ғылымларының кандидаты
Е.АТАГАРРЫЕВ

**"Ылым" нөширлери
Ашгабат - 1975**

· АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. Ш.БАТЫРОВА

В.Н.ПИЛПКО

ПАРФЯНСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
ГАРРЫ-КЯРИЗ

Редакторы:
доктор исторических наук В.М.МАССОН
и кандидат исторических наук
Е.АТАГАРРЬЕВ

Издательство "Илим"
Ашхабад - 1975.

П32

Пилипко Е. Н.

Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ред.:
В. М. Массон, Е. Атагарриев. Ашхабад, "Ылым", 1975.

156 с. ил.: с. 121-156.

Настоящая работа является первым исследованием, посвященным изучению материальной культуры парфянских сельских поселений. В ней обобщаются результаты многолетних раскопок на поселении Гарры-Кяриз. Книга богато иллюстрирована.

И 602040000-515
П — М 561/30/-75 БЗ-75

902.6

© Издательство "Ылым", 1975

Виктор Николаевич Пилипко

Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз

Печатается по постановлению

Редакционно-издательского совета АН ТССР

Редактор издательства Л. Дрямова

Художественный редактор В. Пудова

Технический редактор Г. Артыкова

Подписано к печати 18. IX. 1975 г. Формат 60x84¹/16.

Физ. печ. л. 9,75. Привед. печ. л. 9,07. Уч.-изд. л. 7,23.

Заказ 4022 Изд. № 513. Тираж 500. Цена 72 коп. И-00094

Издательство "Ылым". Ашхабад, Энгельса, 6.

Типография АН ТССР. Ашхабад, 12, Сад-Кеши.

В В Е Д Е Н И Е

История Парфянского государства, одного из крупнейших политических образований древнего мира, тесно связана с территорией Южного Туркменистана и сопредельных областей Северного Ирана. Издревле обитавшие здесь племена парфян не только дали этому политическому объединению своё имя, но и оказали огромное, а подчас решающее, влияние на многие социальные, политические и культурные явления в истории Парфянского государства.

Раскопки ряда городских центров парфянского времени в Месопотамии показали, что многие явления социальной и культурной истории Парфии не могут быть правильно поняты без учёта характера и степени участия в них собственно парфянских элементов. Советскими археологами достигнуты значительные успехи в изучении материальной культуры коренных областей Парфии. На протяжении четверти века "парфянская проблема" является ведущей в исследованиях, проводимых Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией. Вместе с тем в изучении материальной культуры северо-восточных областей Парфии можно заметить определённую неравномерность — основные усилия ЮТАКЭ и отчасти сектора археологии Института истории АН ТССР были направлены на изучение крупных городских центров, в то время как изучение рядовых сельских поселений ограничивалось в большинстве случаев лишь их рекогносцировочным обследованием.

Разведывательное обследование парфянских сельских поселений проводилось целым рядом археологических экспедиций, начиная с 30-х

годов. Большой частью эти исследования не носили специального характера, а осуществлялись попутно при решении других, более широких задач. Наиболее значительные результаты были получены при проведении следующих исследований. В 1947 г. сотрудниками XI отряда ЮТАКЭ предпринята разведывательная поездка по маршруту Исидора Хараковского, во время которой обследованы некоторые парфянские памятники в Ашхабадском и Квяхинском районах (М.Е.Массон, 1951, стр.26 и сл.). В 1947-1949 гг. ашхабадскими краеведами под руководством А.А.Рослякова и при научном патронаже ЮТАКЭ проведено рекогносцировочное обследование окрестностей Ашхабада, в результате которого зафиксировано свыше 40 археологических объектов парфянского времени (Росляков, 1955; Росляков и Дерякулов, 1955; Росляков и Ибрафимов, 1958). Проведённые исследования, несмотря на неполную публикацию материала, имеют большое научное значение, так как многие из описанных А.А.Росляковым памятников в настоящее время полностью или частично разрушены. В 1950-1951 гг. краеведами было проведено обследование мелких памятников между Беаменом и Геок-Тепе (Росляков, 1955, стр.104), но публикации, освещающие результаты этих работ, отсутствуют.

В 1950-1951 гг. экспедиция Музея истории СССР, возглавляемая С.А.Ершовым, с целью пополнения музейных коллекций, пострадавших при землетрясении 1948 г., обследовала многие, в том числе парфянские памятники Мургабского оазиса и подгорной полосы Копетдага. Результаты этого обследования нашли частичное отражение в рукописной работе С.А.Ершова "Археологические памятники Туркмении".

В результате этих исследований к середине 60-х годов в ашхабадских археологических кругах было известно большинство парфянских памятников подгорной полосы Копетдага. Однако сведения о большинстве из них не получили отражения в печати и были неполными. В ряде случаев сведения о памятнике ограничивались его названием,

местонахождением и примерным хронологическим определением. Раскопочные работы на парфянских сельских поселениях Южного Туркменистана практически не проводились. Можно лишь упомянуть небольшие раскопки, предпринятые в 1962 г. сотрудниками ИТАКЭ на парфянском поселении южнее Каушута, во время которых выявлена планировка небольшого жилого дома (М.Е.Масоон, 1963, стр.48; Кошеленко, 1966, стр.17).

Исследование сельских поселений коренных областей Парфии имеет большое значение для успешного решения многих проблем её истории. Прежде всего раскопки этих поселений дадут бесценный материал для изучения собственно парфянской культуры, так как обитатели мелких селений в глубинных районах страны были менее всего подвержены иноземному культурному влиянию. Раскопкам рядовых сельских поселений и палеоэкономическому анализу их результатов принадлежит важная роль в решении многих вопросов социальной истории Парфии, так как в Парфянском государстве сельское население являлось основной производительной силой. Наконец, изучение рядовых парфянских памятников способствует решению некоторых других вопросов древней истории и археологии Южного Туркменистана — внесение дополнений и корректив в систему датировки парфянских памятников на основании массового археологического материала, изучение жилой гражданской архитектуры, исследование остатков ремесленного производства и их распределения по различным типам поселений, выявление особенностей материальной культуры отдельных историко-культурных областей и т.п.

Для рассмотрения этого круга вопросов Институт истории АН СССР в 1967 г. организовал специальный отряд по изучению памятников парфянского времени, перед которым была поставлена задача сплошного обследования античных памятников подгорной полосы Копетдага и проведения археологических раскопок парфянских сельских

поселений. В 1967-1970 гг. этим возглавляемым автором отрядом осуществлено первичное обследование большинства парфянских памятников, расположенных в подгорной полосе Копетдага между Арчианом и Гяуроом.

При обследовании памятников проводилось уточнение их местонахождения (картографирование), инструментальная, или глазомерная съемка плана, нивелировка, обор подъемного материала; в случае его отсутствия или малочисленности закладывались небольшие контрольные шурфы, на ряде памятников проведены небольшие разведывательные раскопки. В результате этих работ и учёта сведений, содержащихся в литературных и архивных источниках, для указанной территории зафиксировано 90 памятников, обжитых в парфянское время, и получен исходный материал для первичной классификации.

Все обследованные памятники разделяются на три категории: поселения, поддающиеся типологической классификации, поселения, не поддающиеся типологической классификации, и погребальные сооружения. К последним относятся курганные захоронения в районе Безмеина. Курганы располагаются здесь небольшими группами или поодиночке. Ко второй категории принадлежат разрушенные поселения, о существовании которых известно по отчётам, составленным до их уничтожения, или благодаря находкам предметов парфянского времени на месте их бывшего расположения. Сюда же относятся поселения, перекрытые поздними культурными наслоениями, определение характера застройки которых невозможно без проведения крупных раскопок. Всего памятников этой категории - 30.

К первой категории относятся "стерильные" парфянские памятники и поселения, последующее обживание которых не привело к значительному искажению планировочной структуры, сложившейся в парфянский период. Всего памятников этой категории - 59, и они в соответствии со своими размерами, планировкой и характером обживания

могут быть разделены на отдельные типы.

Вопросы типологической классификации парфянских поселений уже не раз становились предметом исследования советских археологов. Одной из первых попыток провести массовый учёт и классификации парфянских памятников является работа А.А.Рослякова, посвящённая рекогносцировочному обследованию археологических объектов Ашхабадского района. Памятники парфянского времени А.А.Росляковым разделены на следующие типологические группы: крепости, усадьбы ("замки" и "крестьянские хутора"), укрепленные деревни (Росляков, 1955, стр.77-84).

Эти вопросы затронуты также в обобщающей работе Г.А.Пугаченковой, посвященной жмотуркменистанской архитектуре и градостроительству (Пугаченкова, 1958). Дальнейшая более конкретная разработка одного из направлений этой проблемы — классификация поселений городского типа — дана в исследовании Г.А.Кошеленко "Парфянская фортификация", в котором для этой группы парфянских памятников выделяется четыре основных типа: города, государственные крепости, мелкие административные центры и специализированные ремесленные поселения (Кошеленко, 1963а).

Использование опыта предшественников и привлечение нового археологического материала позволяют в настоящее время предложить новый вариант классификации поселений Северной Парфии, основанной на учёте внешних признаков, легко фиксируемых при рекогносцировочном обследовании, и результатах разведывательных раскопок.

При выделении той или иной группы памятников учитывались следующие признаки: размеры памятника, форма и внутренняя планировка, мощность культурного слоя, характер подъемного материала (следы ремесленного производства, орудия труда, архитектурные детали и т.п.), наличие и характер оборонительных сооружений.

Учёт различной сочетаемости этих признаков и ознакомление с ранее предлагавшимися типологическими схемами позволили выделить среди памятников, поддающихся типологической классификации, три группы поселений: поселения городского типа, сельские поселения и памятники особого назначения^I. Две первые группы, в свою очередь, разделяются на несколько типов.

Поселения городского типа делятся на поселения городского типа (города) и крепости.

Поселение городского типа — это крупное укрепленное поселение площадью свыше 4 га с мощным культурным слоем и следами ремесленных производств. Контуры памятника четко очерчены внешней стеной. Одним из характерных признаков поселения этого типа является неоднородность внутренней застройки, выделение цитадели и наличие в большинстве случаев укрепленного или неукрепленного пригорода.

Крепость — городище с мощной системой фортификации и слабой застройкой внутри стен. Площадь свыше 1 га.

Сельские поселения делятся на четыре типа: 1) отдельно стоящий дом, 2) усадьба, 3) поселение с плотной застройкой, 4) расордоточенное поселение.

Отдельно стоящий дом (домоховийство). Изолировано стоящий холм площадью до 0,3 га. Обычно памятники этого типа имеют вид сильно оплывших холмов. Размеры и высота этих бугров различны в зависимости от длительности обживания, характера построек и степени их сохранности.

^I Предлагаемая классификация перфявских поселений Северной Перфии, основанная главным образом на учете внешних признаков, претендует лишь на роль первичной схемы для дальнейших исследований в этой области.

Усадьба. Отдельно расположенный холм с чётко выраженным оргенизирующим началом в планировке. Площадь от 0,25 до 2 га. Вокруг усадьбы могут группироваться всхолмления примыкающего к ней поселения. Обычно в микрорельефе хорошо прослеживаются остатки внешней стены усадьбы, рва и обширного внутреннего двора. Известны усадьбы прямоугольной, квадратной и овальной в плане формы.

Поселение с плотной застройкой. Крупное распластанное всхолмление неправильных очертаний. Площадь свыше 1 га, внешняя ограждающая стена обычно отсутствует.

Рассредоточенное поселение. Группа близко расположенных отдельных домов. Количество изолированных бугров, составляющих поселение от трёх и выше. Размеры всхолмлений обычно варьируются в больших пределах: от 8–10 м в поперечнике до 60–70 м (вместе с оплывами). Площадь территории, на которой расположены эти дома, т.е. самого поселения колеблется от 5 до 30 га.

Памятник особого назначения – археологический объект, являющийся остатками сооружения общественного назначения.

Одновременно с исследованиями рекогносцировочного характера отрядом проводились стационарные раскопки. В 1967 г. раскапывались позднеситичная усадьба Яндаклы-депе и парфянское городище на окраине посёлка Геок-Тепе (Пилипко, 1968). В 1968 г. проведены небольшие дополнительные раскопки на парфянском культовом комплексе Менсур-депе в окрестностях древней Нисы (Кошеленко и Пилипко, 1968).

Особое внимание уделялось изучению поселений рассредоточенного типа, так как памятники этой категории широко распространены на территории подгорной полосы Копетдага и никогда ранее не подвергались углублённому археологическому изучению. На одном из них, расположенном в местности Гарры-Кяриз, проводились многолетние раскопки, позволившие получить интересный материал для изучения архитектуры, производственной деятельности и других сторон мате-

риальной культуры обитателей парфяноких сельских поселений.

Памятник находится вблизи шоссе и неоднократно посещался археологами. Однако эти посещения не нашли отражения в научной литературе, а небольшие сборы подъемного материала к настоящему времени оказались утрачены.

Этот памятник, расположенный в нескольких сотнях метров севернее 57 километра шоссе Ашхебад-Красноводок, неподалеку от участка Бирлешик колхоза имени Тельмана Геок-Тепинского района, впервые был осмотрен автором совместно с А.Губаевым весной 1968 г. Осенью того же года были начаты его раскопки, продолжавшиеся до 1972 г. За этот период проведено стратиграфическое изучение всех составляющих поселения бугров, а на четырех, наиболее крупных из них, осуществлено послойное вскрытие остатков архитектурных сооружений. Общая площадь раскопок составляет свыше 1500 кв.м, глубина вскрытия на каждом раскопе до 2-3,5 м. Результаты этих раскопок частично отражены в ряде предварительных публикаций (Пилипко, 1968а, 1970, 1970а, 1971, 1975).

Кроме Гарры-Кяриза в 1970 г. были проведены раскопки ещё на одном поселении рассредоточенного типа - Коша-Хаудане. На одном из бугров здесь частично раскопаны остатки крупного многоквартирного дома площадью не менее 500-600 кв.м. Верхние слои этого памятника относятся к позднепарфянокому времени (Пилипко, 1972, стр.76-86).

Г Л А В А I

СТРАТИГРАФИЯ И ПЛАНИРОВКА

Поселение Гарры-Кяриз представляет собой группу разновеликих холмов, беспорядочно разбросанных на территории площадью около 12 га (рис. I). Всего при археолого-топографическом обследовании этой территории было зафиксировано 15 вхождений¹. Поселение вытянуто с северо-запада и юго-восток на 600 м. Наибольшая его ширина в меридиональном направлении 400 м. Костяк поселения составляют четыре наиболее крупных вхождения — три из них (№ 1, 2, 3) вытянуты цепочкой с запада на восток, а самый крупный холм (7) расположен в 120 м юго-западнее восточного края этой цепочки. Все мелкие вхождения, за исключением № 15, расположены в восточной части поселения главным образом между холмами № 3 и 7. По территории поселения проходит несколько старых заброшенных кяризов, один из которых был действующим ещё в недавнее время². Так как территория парфянского поселения была вновь обита в период развитого средневековья, то для уточнения датировки отдельных вхождений проведено их стратиграфическое изучение. Ниже приводим результаты раскопок поселения.

¹ Условно за отдельное вхождение приняты и полностью развалившиеся остатки былых строений, выраженные на местности лишь скоплением фрагментов керамики. Таковым является "холм № 15".

² Этому кяризу поселение обязано своим названием (Гарры-Кяриз-древний кяриз).

Х о л м № I. Этот крайний западный бугор, стоящий несколько поодаль от основной группы всхолмлений, имеет в поперечнике в среднем 35-40 м. при высоте 2,5 м. Керамика ахемединского времени наряду с перфянской здесь впервые была собрана А.А.Марущенко при проводившемся ранее рекогносцировочном обследовании этой группы памятников.

Стратиграфические исследования показали, что в обживании этого памятника выделяется два периода, связанных с существованием какого-то крупного здания, вероятно, занимавшего всю площадь холма. В раскопе площадью около 90 кв.м, заложенном на вершине холма, частично расчищены остатки трёх длинных узких помещений, вытянутых с запада-северо-запада на юг-юго-восток (рис.2). Помещение I в плане имеет очертания вытянутой трапеции со сторонами 2,4; 13,4; 2,35 и 14,2 м, ширина его 2,1 м. Оно имело два прохода. Один из них шириной 1,1 м соединял его с каким-то помещением, расположенным северо-восточнее, другой, расположенный близ южного угла, связывал его с помещением 2. В западной части помещения I имеется два "окна", расположенных на высоте 0,85 от нижнего пола. "Окна" имели вид сквозных прямоугольных (?) отверстий. Помещение 2 расположено юго-западнее первого и параллельно ему. Их разделяет пахсовая стена шириной 1,80-1,85 м. Размеры этого помещения 14,8х2,4м.

Помещение 4, расположенное на одной оси с помещением 2, но не соединенное с ним проходом, оштукатурено лишь частично. Стены помещений покрыты тонкой глиняной штукатуркой.

Стратиграфические наблюдения проводились в западной половине помещения I. Здание построено на "материке", состоящем из чередующихся прослоек песка и сильно опесчанной глины. Стены возведены без фундамента и местами сохранились на высоту 2 м. На высоту 1,35-1,6 м помещение заполнено рыхлыми зольно-гумусными прослойками, связанными с первым периодом обживания памятника. Число

прослоек установить трудно, но их не менее 9-10. Внизу прослойки залегают горизонтально, а выше концы их всё более и более загибаются вверх /рис.3/. Находок в заполнении довольно много. Это керамика, кости животных, куски вулканического пепла /?/, мелкие камни. Никакой разницы в заполнении между прослойками не замечено.

Со вторым периодом обживания связан слой однородной желтоватой глины над зольно-гумусовыми прослойками. Толщина его до 0,50 м.

Керамика из слоев первого периода представлена в основном обломками изделий ремесленного производства. Сосуды сделаны на гончарном круге из тонко отмученной глины и хорошо обожжены. Черепок в изломе красный, красно-коричневый, реже коричневый. Внешняя поверхность сосудов цвета черепка, светло-серая или коричневая. У сосудов с "подкосами" внешняя поверхность выше ребра обычно светло-серая, ниже - красно-коричневая. В небольшом количестве имеется лепная кухонная керамика с примесью шамота в тесте и обломки сосудов с плотным коричневым черепком, плотным красно-коричневым ангобом и сплошным тщательным лощением.

Среди гончарной керамики преобладают горшкообразные сосуды с разнообразными утолщенными выступающими наружу венчиками /рис.4/. Характерная группа этого комплекса цилиндрические сосуды с очень низким "подкосом". Довольно часто встречаются крупные чаши, точнее миски. Среди них выделяются миски полусферической формы с небольшим плоским дном и слегка загибающимся внутрь венчиком, к которому горизонтально прикреплена полукольцевая круглая в сечении ручка¹. Другая разновидность чаш имеет вертикально поставленный высокий бортик и конусообразно сужающиеся стенки. Одним обломком представлена крупная чаша /диаметр 28,2 см/ с конусовидно расширяющимися

¹ Возможно, были две ручки, но целых сосудов не найдено.

вверх почти прямыми стенками. Интересен обломок "чашечки" полусферической формы со следами прикрепления к плоскому донцу ножки или ручки (рис.4,12). Возможно, это не чаша, а крышка. Имеются обломки каких-то сосудов на высоком полом поддоне.

Многие формы керамики из этого слоя находят аналогии в материалах с памятников времени Яз П-Ш. в Маргиане (В.М.Массон, 1959, табл. XXXVI-XI П) и в подгорной полосе Копетдага (Марущенко, 1959, стр.98-104), что позволяет датировать её VI-IV вв. до н.э. В качестве дополнительного аргумента в пользу этой датировки можно указать на определенное сходство планировки здания холма № I с постройками на цитадели Яз-депе в Маргиане (В.М.Массон, 1959, стр.76, рис.24); в том и другом случае мы видим систему длинных, узких помещений.

В верхнем культурном слое наряду с керамикой, характерной для нижних слоёв, встречается керамика иного облика. Это небольшие тонкостенные чаши (рис.5,13), горловина кувшина с круглой в сечении ручкой (рис.5,14), чаша с отогнутым наружу подтреугольным венчиком (рис.5,17), обломки сероглиняного узкогорлого кувшина (рис.5,12), фрагменты чаш с редким полосатым лощением. Наличие этих форм сближает керамику верхнего слоя с керамикой парфянского периода и заставляет определять описанный комплекс как "переходный". Такие комплексы, сочетающие в себе керамику ахеменидского и античного периодов, известны в Маргиане (Усманова, 1969, стр.16 и сл.), Бактрии (Пугаченкова, 1966, стр.32-33), Апазарткикене (Марущенко, 1956, стр.175-176; Усманова, 1966, стр.21) и датируются IV-III вв. до н.э. Керамика с плотным красным ангобом и лощением в этом слое отсутствует.

Х о л м №2 округлый в плане, в поперечнике 40-60 м. Средняя высота 3,5 м. Поверхность местами задернована, подъемный материал невелик. В раскопке площадь около 450 кв. м выяснено, что холм является остатками одного отдельно стоящего здания, в истории которого можно выделить три периода обживания.

Для первого из них выделяется четыре этапа /рис.6/. На первом было построено массивное прямоугольное в плане здание размерами 20 x 12,3 м, если не считать прямоугольного выступа в южном углу здания. Постройка состояла из прямоугольного помещения размерами 7,5 x 3 м, занимающего её северо-восточную половину¹ и сквозного коридора. Прямоугольным помещение названо несколько условно, так как северо-восточная и юго-западная его стены имеют ступенчатые изломы, изменяющие его ширину от 3 до 2,7 м.

У северо-восточной стены помещения в перевязку с ней построена прямоугольная /?/ "платформа". Ширина её 2 м, длина реконструируется в пределах 5,5 м. На выступающих углах "платформы", видимо, находилось два прямоугольных возвышающихся над ней устоя. В раскопе расчищен только западный устой, имеющий в сечении размеры 1 x 1,3 м и сохранившийся на высоту 2,1 м от нижнего пола. Верхняя плоскость "платформы" имеет горизонтальное залегание только между устоями, а между устоем и стеной она плавно понижается к краю "платформы". Перепад высот от 167 до 260 см², то есть высота боковых сторон платформы - 40 см, а средней её части - 133 см. Пол помещения, расположенный на уровне 300 см, вымощен двумя рядами сырцовых кирпичей.

К юго-западнее помещения параллельно поперечной оси здания располагался сквозной коридор шириной 2,05-2,17 м, разделяющий здание на две части. По сторонам его симметрично друг против друга располагались четыре большие ниши примерно одного размера: глубина 3, ширина 2,65-2,7 м. Ширина выступа кладки между нишами равна толщине

¹ Раскопки помещения не были завершены, так как над его центральной частью стоит треугольный знак. Поэтому описание даётся с некоторыми элементами реконструкции.

² Отсчет ярусов во всех случаях от репера. Все указания в тексте отметки имеют минусовые значения.

внешних стен-2,3 м. Коридор сообщался с помещением через северную нишу проходом шириной 1,4 м, остальные ниши глухие. Уровень пола в коридоре несколько ниже, чем в помещении - 305-315 см, возможно, это объясняется тем, что здесь отсутствует кирпичная вымостка. Стены здания за исключением юго-западной, имеют толщину 2,3 м. Толщина юго-западной стены до 4,3 м^I. Все стены сложены в перевязку из крупного квадратного сырца со стороной 40-43, толщиной 10-12 см /преобладают кирпичи 40х40х10 см/. Кирпич сформован из сильно опесчанной глины, саманные добавки часто отсутствуют, поэтому извлечение целых кирпичей и фиксация клеем были сильно затруднены. Те немногие экземпляры, которые удалось извлечь без повреждений, клеем не несут. Стены здания снаружи и внутри обмазаны тонкой глиняной штукатуркой.

На втором этапе в помещении никаких перестроек, видимо, не производилось. Здесь появился только новый пол, выведенный на 10 см выше первого /рис.7/. Основные изменения в планировке связаны с коридором. Ниши по его сторонам закладываются: западная и восточная полностью, северная превращается в продолжение прохода между помещением и коридором. В закладке южной ниши оформляется малая двуступенчатая ниша. Первая ступень начинается от пола - ширина её 1,4, глубина 0,4 м, вторая ступень смещена к юго-востоку и начинается на высоте 1,1 м от пола. Ширина её 0,6, глубина 1,2 м. Закладка во всех случаях тщательная, кирпичи уложены в перевязку. Северо-западный конец коридора закладывается паксовой стенкой, а юго-восточный превращается в парадно оформленный вход. Вдоль стен юго-восточной оконечности коридора устанавливаются восемь деревянных сто-

^I Попытки выявить какие-либо швы в разрезе этой стены не увенчались успехом.

ек^I /по четыре с каждой стороны/ и на участке длиной 3,9 м стены обмазываются толстым слоем /6-8 см/ зеленоватой глины с обильной примесью самана. Стойки диаметром 18-20 см заглублены на 25-30 см ниже пола и под них в качестве опоры положены большие плоские камни. Высота стоек реконструируется в пределах 2,2-2,3 м.

Тыльные прилегающие к стене плоскости стоек были подтесаны, но стойки всё равно выступали из стен и имели вид пристенных полуколонн. Выступающие части стоек, вероятно, также были обмазаны тонким слоем штукатурки. Вертикальные стойки с горизонтальными перекладинами известны в парфянской архитектуре по "круглому храму" Старой Нисы, где они использованы для устройства плоских перекрытий больших проходов /Крашенинникова и Пугаченкова, 1964, стр. 121/. Возможно, в раскопанном доме стойки имели такое же назначение. Об использовании их в качестве несущих опор свидетельствуют камни, подложенные под их основания и препятствующие заглублению стоек в мягкий грунт под тяжестью кровли. Однако при таком решении вопроса остаётся непонятным, почему подобным способом была перекрыта лишь часть коридора.

На третьем этапе вход в здание вновь переделывается. С помощью дополнительных закладок широкое окончание коридора на участках длиной в 2,4 м превращается в сводчатый проход шириной 0,7 м. Высота проема 1,6-1,7 м /рис. 8/. В центральном помещении с этим этапом связан новый уровень пола и следы пожара. Здесь обожжены до красноты пол и стены, а в кроющем слое завала часто встречаются крупные куски горелого дерева.

После пожара здание, видимо, консервируется или получает новый вход, который не был обнаружен в процессе раскопок. Во всяком

^I. Стойки сгнили, но от них остались следы на штукатурке и в заполнении помещений. При раскопках обнаружены гнезда самих стоек, восьмая осталась скрытой в закладке позднего прохода.

случае, на четвертом этапе старый вход закрывается длинной стеной, построенной параллельно юго-восточному фасу здания. На более позднее появление этой стены указывает тот факт, что её основание расположено выше пола коридора /-300 см от репера/, а также то, что она закрывает зеленоватую промазку на фасадной стенке входа.

Однако на консервации памятник, видимо, находился недолго. Со вторым периодом обживания связаны крупные ремонтные работы, которые выполняются в два этапа. На первом слое разрушения выводятся новые уровни полов. В коридоре, ставшем закрытым помещением, пол в виде слоя плотной глины выводится на 200 см ниже репера /см.рис.7/. Деревянные стойки при этом сохраняются, так как в новом полу четко видны гнезда от них /рис.9/. В помещении с "платформой" новый мощный сырцовым кирпичем пол выводится на уровне - 215 см. Под новой штукатуркой исчезают следы пожара. Юго-восточная часть помещения закладывается сырцовым кирпичом. В дальнейшем уровень пола здесь повышается до 190-185 см.

На втором этапе "коридор" разделяется, по крайней мере, двумя поперечными перегородками толщиной в один кирпич, выведенными очень небрежно. Проход в помещение с "платформой" на концах закладывается сырцовыми перемычками со штукатуркой, а внутри забутовывается строительным мусором. В самом помещении между устоем и северо-западной стеной также возводится перемычка, а над остатками "платформы" воздвигается какая-то новая ступенчатая кладка.

Третий период характеризуется новой консервацией здания. Все помещения засыпаются обломками разрушенных стен или закладываются кирпичом. Продолжает обживаться только северный угол помещения с "платформой", где над остатками перемычки между устоем и стеной появляется новый уровень пола с отметкой 135 см и проводится новый ремонт "платформы".

Здание, расположенное на холме № 2, очень бедно находками. В слоях первого периода в помещении с "платформой" найдено лишь

несколько обломков стенок сосудов. Небольшое количество керамики получено из промазки пола коридора. Здесь же напротив входа в помещение обнаружен крупный валун, а у северо-западной стены в полу чётко "читается" правильное кольцо из тонкой промазки зеленоватой глины; промазка прослеживается в глубину на 20 см. Заполнение этой ямки песчаное, без находок. Некоторое количество керамики обнаружено на древней дневной поверхности за внешними стенами здания. Вдоль северо-восточного фаса зафиксировано несколько кострищ и два очага. Один сооружён из глины, при устройстве второго использована горловина хума.

Столь же бедны находками слои, связанные с последующим обживанием здания. Наиболее "богатые" находки сделаны в северном углу помещения с "платформой". Здесь найдена почти целая чаша и кухонный котёл, разбитый более чем на сотню фрагментов. Следует ещё отметить хум, извлечённый из верхней закладки "коридора".

Х о л м № 3. Овальный в плане бугор, имеющий в поперечнике 40-50 м, высота-3 м^I. Наиболее пологий склон - юго-восточный. Подъемный материал довольно многочисленный, что свидетельствует о значительной разрушенности верхнего культурного слоя. Наряду с парфянской керамикой здесь поднято несколько поливных средневековых черепков, но они, несомненно, принесены с расположенного рядом средневекового объекта.

На холме заложен раскоп площадью около 600 кв.м, позволивший выявить, что данный бугор является остатками крупного изолирован-

^I При определении высоты здесь и в других случаях дается среднее арифметическое. В действительности при нивелировании в разные стороны получаются разные высотные отметки, так как местность, в которой расположено поселение, не ровная, а имеет заметное общее понижение в северо-восточном направлении.

ного здания¹ /рис.10/.

В истории памятника выделяется четыре основных периода². Остатки сооружений первого из них зафиксированы лишь в двух шурфах, заложенных в помещениях 7 и 10, поэтому сведения о характере застройки в этот период отсутствуют. В обоих шурфах слои первого периода находятся примерно на одном уровне – в конце У–УІ ярусов. Толщина слоя в шурфе помещения 10 достигает 40–50 см, в помещении 7–75 см. В слоях этого периода встречено некоторое количество керамики, которой, однако, недостаточно для точной датировки слоя. Вся керамика хорошей ремесленной выделки, черепок в изломе кирпичный, тонко отмученный и хорошо обожженный; ангоб светло-серый с зеленоватым или теплым оттенком. Учитывая датировку выше лежащих слоев /о которой будет сказано ниже/, эта керамика предварительно может быть отнесена к раннепарфянскому времени. В этом слое /шурф в комнате 10/ были обнаружены остатки стены, сложенной из сырца размерами 46х 7х 10 см. Направление этой стены совпадает с направлением непосредственно перекрывающей её стены выше лежащего здания, что наряду с отсутствием резких различий в керамике свидетельствует о хронологической близости нижнего и выше лежащего слоев.

В шурфе в помещении 10 в слое "материкового" суглинка /УІ ярус/ обнаружено детское плохо сохранившееся погребение; контуры могильной ямы зафиксировать не удалось. Костяк лежал на левом боку головой на север с небольшим отклонением к востоку; лицо обращено на восток. Ноги подогнуты к туловищу, правое бедро располо -

1. Основные раскопки на холме 3 проводились в 1968–1969 гг. и нашли отражение в печати /Пилипко, 1968а; Пилипко, 1970/. В 1970 и 1972 гг. здесь были проведены дополнительные работы, позволившие уточнить некоторые детали планировки.

2. Вероятно, в облигании памятника имелся еще один, пятый период, но относящийся к нему слой в настоящее время почти полностью разрушен.

жено под острым углом к позвоночному столбу, левое — под прямым. Кисть правой руки лежала в области таза, левой — у колен. Погребальный инвентарь отсутствует. Плохая сохранность черепа, как и всех остальных костей, не позволяет судить об антропологическом типе погребенного.

Выше лежащие слои памятника связаны с функционированием крупного неоднократно перестраивавшегося жилого дома. В истории его обживания можно выделить три основных периода, с хорошо выраженными уровнями полов на глубине 240–220 см, 170 и 110–100 см ниже репера. Для каждого периода отмечены промежуточные уровни полов, отражающие отдельные этапы внутри каждого из них.

Чёткие внешние контуры здания для второго периода обживания, как и для всех последующих, остались невыявленными, так как юго-западная его часть оказалась полностью разрушена в результате естественных процессов дефляции и выветривания. Во внутренней планировке из-за плохой сохранности стен и неполного вскрытия некоторых помещений¹, также остались не выяснены отдельные детали.

По имеющимся данным, здание на холме № 3 во второй период обживания, по-видимому, имело в плане подквадратные очертания и было ориентировано углами по странам света. Длина его северо-восточного фаса 22 м. На юго-западном фасае вблизи южного угла, вероятно, имелась прямоугольная выемка глубиной 2–3 м. На северо-восточном фасае, в 12 м от северного угла, находится прямоугольный выступ монолитной кладки, очевидно, являющийся остатками башни. Ширина его 3 м, выступание за линию стен — 2,6 м. Внешние стены достигали толщины 2,5–3 м. Внутренняя планировка

¹ Остались невокрытыми до уровня полов — 230 см; центральная часть помещения 1/2, центральная часть помещения 5, северная половина помещения 6, часть помещений 4 и 9.

подчинена регулярному продуманному плану. Однако в ходе строительства были допущены некоторые ошибки, в результате которых часть помещений приобрела несколько асимметричные очертания. Внутренние стены, сложенные из сырца размерами 47-42 x 47-42 x 10-14 см, имели толщину от 0,6 до 2,8 м.

Первоначально здание второго периода состояло из восьми помещений и хозяйственного дворика. По периметру располагались помещения 7,4, 1/2, 3, 10 и хозяйственный дворик, а центральную часть занимали помещения 5а, 5б, и 6.

Помещение 1/2 располагалось вдоль северо-восточной внешней стены здания. Длинн его 12 м, ширина увеличивается с северо-запада на юго-восток с 2,6 до 3 м. Оно сообщалось с помещениями 5,6.

Помещение 3, вытянутое вдоль юго-восточной стены, также очень длинное — 10 м. Ширина его 2,3 м. Оно сообщалось с "помещением" 6 через проход шириной 0,8 м, расположенный в его южной части, а также имело выход за пределы здания; проход шириной 1,08 м находился в 4,8 м северо-восточнее южного угла помещения^I.

Помещение 10 занимало южный угол здания. Его размеры 3,4 x 3 м. Следы прохода отмечены в сильно разрушенной северо-западной стене.

Контуры хозяйственного дворика определены лишь приблизительно, так как эта часть здания сохранилась плохо. Ширина его в западной части около 5 м, ширина восточной первоначально была несколько больше (6 м). Длина дворика около 13 м, но не исключено, что здесь могли быть какие-то внутренние перегородки, которые не сохранились к моменту раскопок (к тому же юго-восточная часть

^I За юго-восточной стеной здания, возможно, находился большой хозяйственный двор, так как здесь обнаружено несколько уровней древних поверхностей и вольно-гумусные прослойки. Вблизи восточного угла здания обнаружена вымостка из крупных, большей частью плоских камней. Длина её 2,7, ширина в среднем 0,6 м. Ниже вымостки ничего не обнаружено.

двора осталась нераскопанной).

К средней части северо-западной внешней стены примыкали два помещения — 4 и 7. Примерная ширина помещения 7 — 3,6 м, длина — 3,6 м. Проход шириной 0,6 м, расположенный вблизи восточного угла, соединял его с помещением 5б. Ширина помещения 4 также реконструируется в пределах 3,6 м. Длина его 3,8 м, оно соединялось проходом с помещением 5а.

Помещение 5а, расположенное в средней части здания, имеет размеры 4,8 х 4,15 м. Стена, отделяющая его от расположенного юго-западнее помещения 5б, сохранилась очень плохо, поэтому размеры прохода и его расположение точно не установлены. Помещение 5б небольшое по размерам — 4,8 х 2,55 м.

Помещение 6, соединяющее "хозяйственный дворик" с помещением I/2, правильнее называть коридором. Ширина его 2,1, длина 9,7 м.

В конце второго периода в планировке здания произошли некоторые изменения. Помещение 3 было разделено поперечной стеной на две (3а и 3б). К юго-западной стене помещения 5б снаружи была пристроена ещё одна стена, придавшая "хозяйственному дворiku" прямоугольные очертания.

Культурные слои второго периода обживания имеют толщину 0,5–0,6 м и включают в себя хорошо фиксируемые в равных частях раскопа плоскости полов на глубине 210–220 см от репера, тонкий культурный слой над ними и нивелировочный везел или забутовку, связанную с последующим ремонтом здания. Полы отмечены плотными глиняными промазками толщиной 2–5 см, иногда для промазки полов использовали плотную зелёную глину (помещение 3 и 10), а в помещении 7 пол был вымощен одним рядом сырцового кирпича. В некоторых помещениях фиксируются обожжённые до красноты участки полов или зольные линзы. На полах обнаружено весьма незначительное количество

битой керамической посуды. У северо-западной стены помещения 4 сохранилась нижняя половина хума, донце хума обнаружено также у северо-восточной стены помещения 7. У юго-западной стены помещения 10 почти полностью сохранился хум, вкопанный в пол на 0,5 м, пространство между которым и стенками ямы засыпано песком. Хум снаружи обмазан алебастром. Кроме керамики в восточной части хозяйственного двора найден обрезанный с торцов кусок трубчатой кости, в помещении 3—оселок, обломок железного ножа, курант и три обломка зернотёрок. Фрагменты зернотёрок также найдены в помещении 1/2.

На третьем периоде обживания выводятся новые полы на уровне 170–160 см ниже репера. Стена, разделяющая помещение 5а и 5б, сносится; появляется одно большое центральное помещение или скорее всего внутренний дворик. "Пол" двора неровный, в южной части он заметно повышается у стен и покрыт толстым слоем пепла. В северо-восточной части двора на стенах обнаружены следы копоти. В заповедии найдено значительное количество довольно крупных булыжников, лишь изредка встречающихся в других помещениях. В помещении 3 исчезает перегородка, разделяющая его на две части, пол настилается сырцовым кирпичом, закладывается проход в юго-восточной стене, выводящий за пределы здания¹. Ширина помещений 4 и 7 сокращается до 3,2 м. Размеры помещения 10 несколько увеличиваются, а ширина помещения 6, наоборот, уменьшается. При последующем обживании его ширина ещё более уменьшается за счёт выведения дополнительных стенок, перекрытие становится сводчатым.

¹ Не исключено, что проход был перенесён в другое место, но уточнить это невозможно, так как внешняя, юго-восточная стена, местами разрушена до пола — 170 см. Проход мог располагаться вблизи южного угла помещения 3, где южная стена сильно разрушена и обнаружены мощные натёчные слои. Основной вход, по-видимому, находился на юго-восточном фасаде здания.

В северо-западной стене помещения была устроена арочная ниша шириной 0,9 м, имеющая полуциркулярное очертание свода. В хозяйственном дворике появляется поперечная стена, разделяющая его на собственно дворик и помещение 9. Сокращение длины хозяйственного дворика компенсируется увеличением его ширины. Это хорошо устанавливается по остаткам полов, покрытых золой, которые в юго-западном направлении прослеживаются, по крайней мере, на 7 м. Изменение размеров хозяйственного дворика привело к изменению внешних границ здания. Из подквадратного в плане оно превращается в прямоугольное. Длина его становится не менее 24 м.

Помещение 8 определено как хозяйственный дворик на основании зольных прослоек, покрывающих его пол, и остатков очагов. Вблизи северного угла двора обнаружена плохо сохранившаяся хозяйственная яма, округлое дно и стенки которой обмезаны глиняной промезкой с добавлением мелкого гравия. В северном углу помещения 9 установлены четыре хума. Один из них сохранился целиком, от трёх других только нижние части. Продолжает использоваться хум в помещении 10. Наряду с керамикой в слоях этого периода найдены два обломка небольших зернотёрок, фрагмент глиняного приосица, плохо сохранившийся бронзовый наконечник стрелы (помещение 5) и обломки мелких железных предметов (помещение 9), фрагмент железной крицы (помещение 7).

В четвертый период обживания продолжали использоваться стены предшествующей постройки, которые были отремонтированы и, вероятно, наращены в высоту. Уровни полов, вследствие накопления культурного слоя и выравнивания строительных завалов, поднялись в среднем на 0,7 м. Длина внутреннего дворика увеличивается с 7,2 до 8,5 м за счет древней юго-западной станы, погребённой под новым полом. Внутренний и хозяйственный дворик соединяются проходом. В этот период, возможно, не обживалось помещение 6. Во

всяком случае, проходы, соединяющие его с помещениями I/2 и 3, закладываются. Помещения I/2 и 3 соединяет новый проход, прорубленный в разделяющей их стене. Сведения об обживании помещений 9, 10 отсутствуют вследствие плохой сохранности этого участка злания.

В четвёртый период обживания помещение 4 превращается в хозяйственное. Здесь — четыре хума. На хуме, установленном в южном углу, имеются оттиски печатей и процарапанные изображения двух ладоней.

Донца сломанных хумов обнаружены также во внутреннем дворе и помещениях I/2, 3. Керамика верхних слоев обнаруживает большое сходство с керамикой третьего периода обживания. Из других находок следует отметить стеклянную бусину /помещение 3/, глиняную печать /помещение 7/, фрагменты небольших оселков /помещения 3, 7/ и драхму Митридата II, найденную в восточной части помещения I/2.

Х о л м № 4. Расположен в 60 м западнее холма № 3. Сильно оплывший, округлый в плане, диаметр около 20 м, высота — 1 м. Шурф 3х3 м доведён на отдельных участках до середины IV яруса /175 см/. Культурный слой имеет толщину от 60 до 100 см. Два уровня древних поверхностей, отмеченные зольными и гумусовыми прослойками, проходят с некоторым наклоном с севера на юг. Никаких архитектурных остатков в шурфе не встречено, если не считать участка плохо сохранившейся нивелировочной забутовки /?/ в его северо-западном углу. В слое материкового суглинки обнаружены две крупные ямы, вероятно, предназначавшиеся для установки хумов /рис. II/.

Керамика из шурфа немногочисленна, но её парфянский возраст не вызывает сомнений. Черноглиняной керамики нет, среди венчиков преобладают обломки кухонных котлов. В слое пушонки была обнаружена расслоившаяся обкладка кяризного колодца. Однако парфянская она или средневековая — неясно.

Х о л м № 5. Небольшой сильно оплывший холмик, расположенный в 50 м юго-западнее холма № 3. Округлый в плане, диаметр 20-22, высота 0,5 м. Шурф 2х2 м. Мощность культурного слоя I,0-I,1 м. Нижняя часть шурфа занята мусорной прослойкой значительной толщины, в которой довольно часто встречаются фрагменты керамики и кусочки гипса. В северной части шурфа обнаружена плотная забутовка /7/, в которой можно обнаружить отдельные обломки сырцового кирпича. Во втором ярусе в юго-восточном углу, ниже мусорного слоя, расчищены остатки пахсовой стены /см.рис.II/.

Керамика представлена главным образом обломками крупных горшков. Обращает на себя внимание наличие на двух из них несложного точечного орнамента /рис.I2/. Керамика с такой орнаментацией изредка встречается на других парфянских памятниках области. Имеется также фрагмент донца с темно-серым в изломе черепком. В шурфе найдена также каменная поделка из обломка зернотёрки, ширина которого 8 см, длина 12,5, толщина 3,5 см. В средней его части сделан глубокий кольцевой желоб. Холм обживался в парфянский период.

Х о л м № 6. Довольно значительное всхолмление без чётко выраженных границ, расположенное в 130 м юго-восточнее холма № 3. В поперечнике примерно 40-45 м, высота - 1,1 м. Частично занят кладбищем. По сообщению местных жителей, когда-то здесь был выкопан большой хум парфянского облика. Шурф размерами 2х2 м, доведенный до глубины 1,2 м, прорезал постепенно уплотняющийся слой суглинка. Находки в шурфе отсутствуют. Возраст всхолмления остался неустановленным.

Х о л м № 7. Самый крупный на поселении. В плане овальный, вытянутый с северо-запада на юго-восток. Размеры в поперечнике 60-70 м, высота - 6 м. Склоны крутые /рис.I3/. С северо-востока к холму примыкает шлейф, высота которого достигает 1,2-1,5 м.

Нижняя часть склонов холма задернована, на вершине часто встречались остатки разрушенных хумов и другая керамика. На холме вырыты многочисленные глубокие траншеи, значительно повредившие верхний культурный слой.

Стратиграфическим раскопом площадью 50 кв.м., заложенным на северном склоне холма, установлено, что толщина культурных слоев составляет около 7 м и их накопление относится к перфянской эпохе (рис. I4). Материковые наслоения в виде слоя плотного суглинка зафиксированы в северной части раскопа на площади в 4 кв. м. Они занимают весь XIV ярус, а также частично XIII и XII ярусы. Граница между вышележащим культурным слоем и "материком" нечеткая, видимо, в древности поверхность "материка" была нарушена какими-то выемками земли. По культурным напластованиям, зафиксированным в стратиграфическом раскопе, для этого памятника выделено четыре основных периода обживания. С первым из них связан культурный слой толщиной 0,5—0,9 м, залегающий наклонно в XIII — конце X яруса. (Слой исследован в северной части раскопа на площади около 6 кв. м.) Он представлен глинистым грунтом с характерными для культурного слоя включениями керамики, воли, костей животных. Зафиксированы также остатки стены шириной 1 м, возведённой, видимо, из паксы с некоторыми добавлениями мелкорубленной соломы. Среди немногочисленных керамических находок из этого слоя имеются обломки кувшинов с круглыми в сечении ручками, горшков, чаш и кухонных котлов. Судя по фактуре черепков и форме венчиков, керамику эту следует относить к перфянскому времени.

Со следующим, вторым периодом обживания, связаны остатки мощной внешней стены какого-то древнего здания и расположенные южнее её культурные напластования X—VI ярусов. Стена сложена из паксы и сохранилась на высоту около 2 м, толщина её вверху — 1,1 м. Внешняя

её плоскость наклонена внутрь, отклонение от вертикали 15-20 градусов. В плане внешний контур стены имеет криволинейные очертания. В южной половине раскопа, т.е. с внутренней стороны внешней стены, культурные слои этого периода исследованы на глубину 1 м (до отметки -355 см от репера). Здесь обнаружены остатки нескольких стен и ряд почти горизонтальных прослоек, отмечающих древние уровни полов. Наиболее значительными из них являются следующие.

Пол, расположенный на глубине 350-355 см. Он отмечен тонкой саманной промазкой. С этим уровнем связан хум, вкопанный в пол примерно на $\frac{3}{4}$ своей высоты. Сохранившаяся его высота около 1 м, наибольший диаметр - 1,1 м. Внутри - рыхлое заполнение, обломки веничка, фрагменты от других сосудов, несколько костей животных.

Следующий пол, расположенный на глубине 320-330 см (наклон к юго-западу), выражен серо-зелёной глиняной промазкой толщиной 3-5 см. На уровне - 300-310 см находится ещё один пол, отмеченный толстым слоем зеленоватой глины с обильной примесью самана. На этом полу построено несколько стен, продолжавших использоваться в последующий период обживания. Заполнение между полами однородное. Это довольно рыхлый культурный слой с зольными и гумусными включениями, а также обломками керамики главным образом чаш и мелких обломков горшков и кувшинов.

С третьим периодом обживания связаны культурные слои У-IV и частично III ярусов. Выделение его основано на факте выведения новой внешней стены здания и связанных с ней уровней полов. Новая стена, сложенная из квадратного сырцового кирпича, возведена несколько южнее первоначальной и в плане имеет более спрямленные очертания. Слой этого периода обживания исследован в раскопе площадью около 500 кв. м. В это время на холме существовало одно крупное здание, имеющее в плане округлые очертания (рис. 15). Раз-

меры его в поперечнике около 20,5 х 24 м. Длинная ось ориентирована с север-северо-запада на юг-юго-восток. Нижние уровни полов этого здания имеют отметку - 250 см. Выше отмечено ещё несколько уровней полов, отражающих постепенное накопление культурных слоев. Внутренняя грань внешней стены здания прослежена почти на всём протяжении, за исключением юго-восточной оконечности здания, где слои третьего периода обживания полностью разрушены. Внешняя грань стены в раскопе зафиксирована лишь на отдельных участках, поэтому на плане она показана условной штриховой линией. Следует отметить, что внешние стены постоянно увеличивали свою толщину за счёт наружных ремонтных "рубашек". Это отчетливо прослеживается в северном стратиграфическом раскопе, где первоначальная стена, имевшая толщину около 1 м, трижды наращивалась пихсовыми облицовками и в результате толщина её достигла 3-3,5 м. Следы подобных ремонтных работ отмечены и на других участках раскопа.

Здание состояло из тринадцати помещений, двенадцать из которых располагались вдоль внешней стены, а тринадцатое (помещение 14 на плане) занимало часть двора, расположенного в середине постройки.

Помещение I имеет в плане форму сектора с центральным углом около 75 градусов (рис. 15, 16). Площадь его приблизительно 6,5 кв.м. Северную криволинейную стену образует внешняя стена здания, сложенная, как и остальные его стены, из квадратного сырцового кирпича. Западная стена имеет ширину 50-55 см. Юго-восточная стена, разделяющая помещения I и 2, была построена ещё в конце второго периода обживания, но не третьем периоде (с уровня пола -250 см) толщине её увеличивается с 0,3 до 0,1 м за счёт дополнительной кладки в полкирпича. У входа в помещение устроен порожек высотой в 28 см. При последующем обживании помещения здесь был выведен

ещё один уровень пола, отмеченный толстой глиняной промазкой на глубине - 230 см. В это время здесь было установлено пять хумов. Три из них, расположенные вдоль северо-восточной стенки, были взяты в специальный футляр. Последний представляет собой обкладку из целых и переполовиненных сырцовых кирпичей, обмазанных снаружи глиняным раствором, внутреннее заполнение рыхлое. Высота футляра 0,8 м. Днища двух хумов располагались на 20 см выше уровня пола. На полу помещения и в расположенном выше заполнении найдено значительное количество обломков керамических сосудов; плоская каменная плита, служившая крышкой для хумов, обломок оселка, фрагменты железных предметов, среди которых следует отметить обломок серпа или виноградного ножа.

Помещение 2 имело в плане трапециевидные очертания - 2,4 x 3,5 x 3,1 x 4,2 м. В восточной части помещения была сооружена глубокая прямоугольная ниша, ширина её 0,9, глубина 1,6 м. Вход располагался в середине западного фаса. В помещении зафиксировано несколько уровней полов. Один из них расположен на глубине 250 см. У северной стены обнаружены следы неоднократной установки хумов на одном и том же месте. Следующий уровень пола расположен на глубине - 210 см. С ним связаны остатки трёх хумов. Два из них /хум и крупная корчага/ были установлены у южной стены помещения /вблизи юго-западного угла/, причём хум был установлен на большой каменной плите и "приморожен" к ней гипсовым раствором. Наиболее интересен хум у северной стены помещения /рис.17/. Дно его находится на глубине - 245 см, но он, несомненно, связан с полом с отметкой - 210 см. Хум сохранился лишь на половину своей высоты. Сверху он был заложен обломками сырцового кирпича, а внутри стояли три крупных сосуда - кувшин, горшок и маслобойка^I.

^I Маслобойка, имевшая несколько большую высоту, чем два других сосуда, была раздавлена под тяжестью верхних слоев, однако её удалось полностью склеить.

Рядом с этим хумом на полу найдены ещё три небольших куминчика — один из них целый, у двух других не хватает только донец. Заполнение между полами рыхлое, в нём встречено значительное количество фрагментов керамики, обломок оселка, подквадратные в сечении точила и фрагмент верньёри. С культурным слоем между полами 250 и 210 см связана находка клада серебряных монет¹.

Помещение 4 расположено западнее помещения 1. Длина его восточной стены 3, западной — 3,3 м. Ширина помещения 2 м. Вход шириной в 0,65 м находится в южной стене. Нижние культурные слои помещения нарушены топкой печи, построенной здесь на последних этапах обживания.

Помещение 5 имеет трапециевидные очертания. Длина его южной стены 1,75 м, западной — 4,1, северной — 2,2, восточной — 4 м. Расположение входа точно не установлено, предположительно он находился в месте стыка западной стены с внешней стеной здания (западная стена на этом участке разрушена). Помещение частично вскрыто до пола 200 см, выше на уровне 175 см зафиксирован ещё один пол. В заполнении найдено большое количество керамики, лепное хорошо обожжённое прислице и крупный обломок верньёри. У восточной стены обнаружен целиком сохранившийся хум.

Помещение 6 занимало северо-западный "угол" здания и сообщалось непосредственно с двором. В плане оно имело очертания неправильной сложной фигуры. Наибольшая его длина 6, наибольшая ширина 4,5 м, площадь около 19 кв.м. Вскрытие до пола с отметкой — 200 см осуществлялось только в южной половине помещения. В заполнении у

¹ К сожалению, точные условия захоронения клада остались невыясненными. Клад, имеющий вид небольшого окислившегося комка окислившихся монет, был обнаружен уже при переброе, однако связь его с этим культурным слоем не вызывает сомнения. Описание состава клада дано ниже.

западной стены обнаружена крупная зольная линза. Северная половина помещения раскопана до пола - 150 см.

Помещение 7 имело трапециевидные очертания; длина западной стены 2,75 м, северной - 3,8, восточной - 2,3, южной - 3,5 м. Вход находился в восточной стене. Ширина его 0,6 - 0,7 м. В заполнении над нижним полом найдено лишь небольшое количество керамики.

Помещения 8 и 9 на первых этапах существования здания, связанных с уровнями полов на глубине - 250-230-200 см практически являлись одним большим помещением, лишь наполовину разделенным тонкой перегородкой. Контуры их полностью не выявлены из-за плохой сохранности восточной стены^I. Помещение 8 в западной своей части имело ширину 2,3 м, к востоку ширина его несколько уменьшилась. Длина северной стены помещения равна 4,1 м, южной короткой перегородки - 1,8 м. В восточной его половине на значительном удалении от стен, вплотную друг к другу стояли три хума. Днища их находятся на полу с отметкой - 250 см, не связаны они с полом - 200 см, так как именно на этом уровне начинаются стенки ям, в которых они установлены; вокруг хумов чистая песчаная засыпка.

Ширина помещения 9 - 2,5 м. Длина его условно может быть принята равной длине помещения 8. Вход, вероятно, осуществлялся с юга. В западной стене /у северо-западного угла/ устроена прямоугольная ниша. Ширина её 0,85, глубина 1,2 м. Высота не выяснена в виду разрушения перекрытия. Как и в помещении 8, здесь зафиксировано несколько уровней полов. Наиболее чётко прослеживается пол - 230 см. На полу с отметкой - 200 см у южной стены помещения найдена калез-

^I При раскопках прослежена только северная оконечность восточной стены, но на плане пунктиром она показана полностью, так как при последующем обживании здесь традиционно располагалась длинная глухая стена.

ная мотыга.

Верхние слои заполнения помещений сильно повреждены глубокими ямами и впускными средневековыми погребениями. Здесь были найдены миниатюрный лепной горшочек (помещение 8) и обломок терочного камня (помещение 9).

Помещение 10 в плане имело прямоугольные очертания. Длина его 3,2, ширина 2,8 м. Входной проём находился в плохо сохранившейся северо-восточной стене. На полу с отметкой - 250 см в углах у западной стены установлены два крупных хума, сохранившихся на две трети высоты. Наибольший диаметр одного хума - 82, другого - 90 см. При установке северного хума стены были слегка зарублены. Второй уровень пола имеет отметку - 200 см. Помимо керамики в помещении найдена небольшая каменная ступка. Верхние слои заполнения потревожены средневековым захоронением.

Помещение 11. Северо-восточная стена не сохранилась, поэтому длина помещения осталась невыявленной (но не менее 3 м). Ширина его у западной стены 2,4 м, к востоку она несколько уменьшается. Уровни полов те же, что в помещении 10. Заполнение рыхлое с довольно многочисленными находками, среди которых следует отметить археологически целую лепную чашечку и фрагмент маслобойки.

Помещение 12. Занимало юго-восточную часть здания. Это самое большое помещение, площадь его около 27 кв.м. Стены помещения сохранились очень плохо и в плане образуют фигуру неправильных очертаний. Вскрытие здесь осуществлено на глубину - 250 см ниже репера, но на этом уровне чётко выраженных следов древнего пола не обнаружено. Среди находок из нижнего раскопанного слоя имеется заготовка для подвески (?) из светлого слоистого камня и обломок зернотерки.

Слабо выраженный уровень пола отмечен на глубине 200 см. В средней части помещения в этот пол по самый венчик вкопан круп-

ный хум. Он был установлен в специально вырытой яме, свободное пространство между стенами хума и ямы заполнено глинной. При дальнейшем обживании хум был погребен под новым культурным слоем, но для того, чтобы земля не попала внутрь хума, венчик его был закрыт крупным камнем и обломками других хумов. Пять других, меньших по размеру хумов, вкопанных примерно на одну треть своей высоты, стояли в юго-западном углу помещения. Ещё один хум вкопан в 0,9 м севернее юго-восточного угла.

С последующим обживанием помещения связан пол на глубине 160-165 см. Заполнение на всех уровнях рыхлое с включением обломков сырцовых кирпичей и большого количества обломков керамики.

Помещение 13. В плане вытянутая трапеция. Длина западной стены - 2,6 м, северной - 4,2, восточной - 1,8, южной - 4 м. В восточной стене обнаружена плохо сохранившаяся ниша, ширина её 0,85, глубина - около 1,4 м^I. На поздних этапах обживания она была заделана. Среди находок следует отметить каменный терочник.

Помещение 14 в отличие от всех остальных не примыкает к внешней стене здания, а расположено западнее помещения 13. В плане это неправильный четырёхугольник со сторонами: западная - 2,3 м, северная - 2,4, восточная - 2, южная - 2,65 м. Проход (шириной 0,85 м) с порожек высотой 0,2 см расположен в северной стене непосредственно от северо-западного угла. Юго-западный угол занят тубой из сырцового кирпича, размеры её 0,48 x 0,45 м, высота не менее 0,2 м. Вскрытие осуществлено до пола - 200-205 см. Фрагментов керамики в заполнении мало, в восточной половине помещения сохранились донца трёх хумов со следами гипсовой обмазки.

^I Не исключено, что "ниша" соединялась с подобной нишей в помещении 2 и в действительности являлась не нишей, а частью конического прохода между этими помещениями. Но плохая сохранность стен не позволила проверить правильность этого предположения.

Двор. Центральную и южную часть постройки занимает двор. Площадь его около 100 кв.м. Помещение 14 делит двор на две неровные части: северную-меньшую (на плане "помещение 3") и южную - большую (на плане "помещение 15"). Восточная половина "помещения 3" и южная часть двора вскрыты до пола - 250 см на остальной площади нижний из расчищенных уровней имеет отметку 210-200 см. Эта неровная утрамбованная поверхность. Неподалеку от западной стены помещения 12 в пол двора вкопан хум. Дно его находится на уровне - 265 см¹. В 3,5 м западнее расчищена неглубокая яма (отметка дна -235 см). Она в плане прямоугольных очертаний 1,9 х 0,9 м, вытянута в меридиональном направлении. В рыхлом заполнении ямы найден фрагмент стенки лепного сосуда с оттиском печати у корня ручки. Пространство между ямой и хумом занято грудой довольно крупных булыжников. Высота этой каменной гряды до 0,5 м. Следует отметить, что и на других участках двора камни встречаются значительно чаще, чем в заполнении помещений. В южной части двора частично расчищены остатки очага, связанного с полом -250 см. Заполнение двора характеризуется многочисленными желеноватыми гумусными прослойками с включениями глины цвета ржавчины и золыных линз. Местами отдельные прослойки достигают толщины 20-25 см. В них встречаются мелкие камни, фрагменты керамики, кости животных. Особо следует отметить уровень пола - 205-210 см в северо-восточной части двора (помещение 3), с которым связаны многочисленные находки бараньих костей, принадлежащих очень молодым животным. В слоях третьего периода обживания найдены также терочник и обломок зернотёрки.

¹ Но не исключено, что хум был вкопан позднее, так как его установка на значительном удалении от стен кажется несколько необычной.

Некоторые изменения в планировке здания связаны с уровнями полов — 180–160 см (рис. 18). В это время восточная стена двора более чем на метр сдвигается к западу (основание новой стены на уровне —165 см). В результате размеры двора несколько уменьшаются, а помещение 12 ещё более увеличивается. Заново возводится восточная стена помещений 8 и 9. Основание новой стены — на глубине —173 см. Длина её от внутреннего угла помещения 8 — 4,6 м. Длина помещения 7 уменьшается до 3,1–2,8 м. С новым уровнем пола — 165–175 см (понижение к западу) здесь связаны два хума, установленные у северной стены. По-видимому, сокращаются также размеры помещения 6. В помещении 4 на новом уровне пола (182 см) сооружается печь. Она двухъярусной конструкции, круглая в плане (рисунок 19). Диаметр на уровне пола 1,2–1,3 м. Устье топки выходило на север-северо-восток и было прикрыто поставленными на ребро плоскими камнями. Загрузочное отверстие обжигательной камеры обращено на запад-северо-запад. Рядом с ним стоял хум, сохранившийся к моменту раскопок лишь на половину своей высоты.

С четвёртым периодом обживания связаны слои, расположенные выше полов с отметками —140–130 см. В центральной части здания эти слои сильно повреждены многочисленными ямами и траншеями, а также впускными погребениями¹. На периферийных участках памятника

¹ При раскопках холма № 7 обнаружено свыше 20 взрослых и детских погребений, впущенными в глубину от 0,7 до 1,5 м. Захоронения совершены в прямоугольных ямах. В некоторых случаях удалось выявить ляхад (лодбей) в южной (юго-западной) стенке ямы, заложённый крупными камнями. Обряд захоронения мусульманский. Костяки лежат в вытянутом положении на правом боку головой на запад или на запад-северо-запад. Отсутствие погребального инвентаря затрудняет датировку захоронений. Видимо, кладбище следует связывать с расположенным неподалёку от холма средневековым поселением X — начала XIII в.н.э.

слон четвёртого периода выкинываются вследствие естественного разрушения холма. Все это делает невозможным полное выявление планировки здания этого времени. В процессе раскопок выявлены лишь отдельные изменения в его конструкции (рис.20). Важнейшими из них являются следующие. Помещение I4 исчезает, но появляется новое (помещение I6), построенное восточнее помещений 7,8. Площадь его около 6 кв.м. Вход расположен в северо-западной стене. У юго-западной стены помещения неподалеку от входа устанавливаются четыре хума, вырытые в под на 25-30 см. В центре двора был вырыт колодец (рис.21). Диаметр колодца вверху 1 м, ниже он увеличивается до 1,2 м. Устье колодца обложено крупными камнями^I. Помещение I2, вероятно, было разделено тонкими перегородками на ряд отсеков, в которых устанавливаются новые хумы. Они появляются также в других помещениях и даже во дворе. Всего в четвёртый период обживания одновременно использовалось не менее 30 хумов. Характер заполнения помещений и двора не меняется: рыхлая земля, завалы из обломков сырцового кирпича, золяные и гумусные прослойки, фрагменты керамики, кости животных. В помещении 2 найдена сердцевидная бусина и подвеска из раковины, во дворе найдена массивная железная пластина (шпата?); в верхнем слое часто встречаются обкладки кирпичных колодцев. С северо-востока к холму примыкает шлейф — обширная неправильной формы площадка высотой 1-1,5 м. В настоящее время она повреждена многочисленными траншеями и крупными глубокими ямами. В

^I Колодец появился только в четвёртый период обживания, так как он частично срезал юго-западный угол помещения I4. После недолгого использования он засыпается, устье закрывается крупными камнями. Вскрытие колодца по техническим причинам осуществлено только до отметки — 470 см. Заполнение рыхлое, с включениями камней и обломков керамики.

стенках этих траншей и ям видны рыхлые культурные слои с обильными включениями зольных и мусорных прослоек, остатки сырцовых, или глинобитных стен изредка встречаются лишь на периферийных участках илейфа. В стенке одной из ям обнаружены остатки большого сооружённого из глины очага. Сделанные наблюдения дают основания предполагать, что здесь располагается обширный хозяйственный двор с окружающими его небольшими хозяйственными строениями.

Х о л м № 8. Расположен примерно в 190 м восточнее холма № 7. Невысокий сильно оплывший холм, имеющий в поперечнике 10–13 м. Высота 0,4 м. Шурф размером 2 х 2 доведён до глубины 1,1 м. Прослежен постепенно уплотняющийся однородный слой суглинка. В нижней его части отмечаются редкие включения пахсовой структуры. Из шурфа получено 43 фрагмента керамики парфянского облика, среди которых преобладают обломки горшков и кувшинов. В слое "пушонки" найден обломок обкладки кяризного колодца и донце средневекового сосуда.

Х о л м № 9. Сильно оплывшее округлое в плане возвышение. Диаметр 13, высота 0,6 м. Шурф 2 х 2 м. На глубину 65 см прослежен рыхлый культурный слой без каких-либо архитектурных остатков. В слое найдено 39 фрагментов поливной и неполивной керамики предмонгольского времени. Дальнейшие работы в шурфе были приостановлены ввиду явного средневекового происхождения памятника.

Х о л м 10. Крайний юго-восточный холм на поселении. В плане округлый, склоны пологие. Размеры в поперечнике 10–11 м. Высота 0,8 м. Шурф размером 2 х 2 м. На площади 2 х 1,2 м он доведён до глубины 0,75 м, на остальной площади до 0,4 м. Шурф прорезал слой, насыщенный горелой землей, кусками пачины и полуобожжённого сырца. Из заполнения получено большое количество обкладок кяризных колодцев. Обкладки представляют собой слабо изогнутые керамические плитки шириной 14–16, толщиной 2–4 см. Длина

фрагментов наилучшей сохранности до 30 см. Изготовлены они из грубого глиняного теста с примесью самана. Вероятно, в средневековый период на месте этого холма располагалась мастерская по изготовлению кирпичных обкладок.

Х о л м № II. Расположен в 60 м юго-восточнее холма № 7. В плане он имеет подквадратные очертания со стороной около 70 м. Склоны крутые, верх плоский, высота — 3 м. При обследовании его поверхности удалось установить, что по периметру располагались однотипные помещения, стены которых были оштукатурены алебастром. Одно из расположенных на западном фасе помещений было раскопано (рис. 22). Длина этого трапециевидного в плане помещения 4,75 м, ширина у западной стены 2,6, у восточной — 2,35 м. Стены сохранились на высоту 20–25 см. Пол помещения также покрыт алебастровой промазкой. Входной проём располагался в восточной стене. Уровень внутреннего двора здания был, по-видимому, ниже уровня полов помещений, так как при входе имеется прямоугольная площадка, заниженная относительно уровня пола помещения на 25 см. В центре комнаты в обрамлении прямоугольной профилированной рамки из алебастра размерами 1,15 x 0,8 м имеется углубление диаметром 0,3 м; вероятно, это устройство для умывания. В заполнении помещения встречены мелкие фрагменты поливной и неполивной керамики, обломки телькохлоритовых котлов и небольшие кусочки резного ганча. Более крупные куски алебастра с грубоватой крупной резьбой найдены в других частях холма. Находясь фрагментов декоративных украшений из резного ганча и характер застройки памятника заставляют предполагать, что перед нами остатки крупного здания общественного назначения, возможно, ханеки или караван-сарая. С севера к холму прилегает невысокий, но длинный шлейф, где обнаружены остатки таких же комнат-худр. Подъёмная керамика и материал, полученный из вскрытого помещения, свидетельствуют об обживании памятника в

Х - начале XIII в.

Х о л м № 12. Небольшое едва выраженное в микрорельефе возвышение, высота - 0,5 м. На поверхности часто встречаются обломки полуобожжённых кирпичей и пятна красноватой земли. При контрольных раскопках здесь частично вскрыто большое помещение размерами 6,6 x 2,8 м. Его сохранившиеся на высоту 0,6-0,7 м стены и пол оштукатурены алебастром. Остатки этого строения также относятся к Х- началу XIII в.

Х о л м № 13. Крупный подквадратный в плане со стороной около 100 м, высота - 2 м. Ориентация углами примерно по сторонам света. В центре обширное понижение. На поверхности и в многочисленных траншеях встречено большое количество керамики, обломков каменных котлов, остатки очагов, фрагменты жжённых кирпичей, обкладки кяризных колодцев. Весь этот материал датируется Х - началом XIII в.

Х о л м № 14. Расположен в 20-25 м южнее холма № 7.¹ Это сильно оплывший холмик, имеющий в поперечнике 10-12 м. В шурфе площадью в 4 кв. м уровень древней поверхности зафиксирован на глубине 1 м. Выше расположенный культурный слой делится на две примерно равные по толщине прослойки. Нижняя из них представлена глиной средней плотности с редкими включениями воли и керамики. Верхняя - рыхлая с большой примесью мелкого галечника. В северо-восточном углу шурфа частично расчищена цилиндрическая яма диаметром около 70 см, заполненная плотно спрессованным галечником. Низ этой ямы уходит в материковый слой. Яма связана с верхней прослойкой и, вероятно, предназначалась для установки

¹ Этот холм, как и холм № 15, был обнаружен в 1970 г., поэтому он отсутствует на опубликованном генеральном плане (Пилишко, 1970, рис.24).

хуме. Остатков архитектурных сооружений в шурф не обнаружено (см. рис. II). В шурфе найдено небольшое количество фрагментов парфянской керамики (см. рис. I2), среди которых имеются венчики чаш, горшков и кухонных котлов, круглые в сечении ручки кувшинов. Найдено также 4 обломка и одна целая зернотёрка.

Х о л м № 15. Это условное название получило обнаруженное в 1970 г. скопление парфянской керамики, расположенное в 170–175 м к югу-юго-западу от холма № 2. Керамика встречается на площади примерно 40 x 20 м и в довольно большом количестве. Шурф размерами 2 x 1,5 м доведён до глубины 1,5 м. Толщина культурного слоя – 30–50 см. Это рыхлая земля с керамикой и кусками сырцового кирпича. В шурфе зачистилась древняя яма глубиной в 1,2 м, заполнение её рыхлое. Ниже культурного слоя начинается плотный суглинок. Среди подъёмных оборотов и материалов из шурфа обращают на себя внимание многочисленные фрагменты чаш. Формы их разнообразны. Имеются чаши полусферической формы, со слабым изгибом в средней части стенки, с небольшим плавным отогнутым наружу венчиком и чаши с прямыми косо расходящимися стенками (см. рис. I2).

Таким образом, в результате проведённых на поселении Гарры-Кяриз топографических и стратиграфических исследований установлено, что поселение оседлых земледельцев (холм № I) впервые появилось здесь во время вхождения этого края в состав государства Ахеменидов. В парфянский период из 15 расположенных здесь восточнейших обживалось, по крайней мере, 8, а в средневековье – 5. Возраст одного из бугров (№ 6) остался невыясненным.

Раскопки подтвердили данные рекогносцировочного обследования. В парфянское время поселение представляло собой группу зданий, расположенных на некотором удалении друг от друга. Пространство между домами, вероятно, было занято садами и огородами.

Во всяком случае, это была культурно освоенная территория, на которой в настоящее время изредка встречаются черепки сосудов персидского времени.

При раскопках трёх наиболее крупных холмов получены сведения об архитектурном устройстве сельских жилых домов и общественных построек, об используемых при их строительстве материалах и технических приёмах.

Первоначальное здание холма № 2 имело в плане прямоугольные очертания 20 x 12,3 м с прямоугольным выступом у южного угла. Внутренняя планировка здания очень чёткая: оковный коридор с четырьмя симметрично расположенными по сторонам огромными нишами и единственное помещение с прямоугольными устоями и массивной "платформой" у одной из стен.

Обращает на себя внимание тщательность выведения стен и прямых углов — во всем чувствуется стремление следовать определённому, заранее обдуманному плану. Интерьер здания не приспособлен для повседневной жизни. При относительно небольших размерах здание отличается монументальностью и нерациональным использованием внутреннего пространства. Общая площадь здания в первый период его существования была равна примерно 250 кв.м, из которых только около 80 кв.м приходилось на помещения, на поздних этапах полезная площадь ещё более сокращается. Всё это в сочетании с малочисленностью находок указывает на какое-то общественное, скорее всего культовое назначение постройки. Планировка её своеобразна и не имеет аналогий в известных мне памятниках среднеазиатской архитектуры.

Второе здание (холм № 3) тоже имеет прямоугольные очертания, ориентацию углами по сторонам света, мощные внешние стены и прямоугольный выступ на северо-западном фасаде, но внутренняя планировка его иная. Это жилой дом, состоящий из нескольких помещений и

небольшого хозяйственного двора, расположенного в юго-западной части постройки^I. Помещения имеют разную площадь и форму /от квадрата до сильно вытянутого прямоугольника/. Общая площадь дома около 480 кв.м./позднее она несколько увеличивается/, из которых около 210-230 кв.м приходится на полезную площадь. При последующем обживании /III и IV периоды/ в планировке здания происходят существенные изменения. Помещения, занимающие центр постройки, заменяются внутренним двориком, вокруг которого продолжают группироваться остальные помещения, сохранившие свою планировку почти без изменений.

Остатки третьего здания раскопаны на холме № 7. Оно имело в плане неправильные круглые очертания. Размеры в поперечнике примерно 20,5-24 м. По периметру располагались помещения, конфигурация которых подчинена общей планировочной схеме /большинство имело в плане трапециевидную форму/. Центральную и южную часть постройки занимал обширный двор, разделенный на две части выдвинутым в него небольшим помещением. Двор является организуемым ядром постройки, большинство помещений открывается в него проходами и изолировано друг от друга. Общая площадь здания около 400 кв.м, полезная площадь - не менее 250 кв.м. Стены здания тонкие, шириной в один-два кирпича. Первоначально небольшую толщину имели и внешние стены. С северо-востока к дому примыкал большой хозяйственный двор и какие-то подсобные постройки. Первоначальная планировочная схема с незначительными изменениями продолжает сохраняться на протяжении всего периода функционирования "верхнего здания" холма № 7.

I Ещё один двор /скотный?/, возможно, располагался у юго-восточной стены здания.

Архитектура малых всхолмлений, вследствие её плохой сохранности осталась неизученной. Но судя по характеру находок /среди керамики значителен процент столовой посуды/ расположенные здесь постройки также имели жилой характер. Вероятно, это были небольшие дома общей площадью в несколько десятков кв.м.

Основным строительным материалом при возведении построек поселения Гарры-Кяриз являлся сырцовый кирпич квадратной формы¹. Но строго фиксированных стандартных размеров кирпича не существовало, длина его сторон колеблется от 39 до 50 см, толщина от 10 до 15 см. Наиболее распространенным был кирпич со стороной 40-43, толщиной 10-12 см. При формовке кирпича использовалась местная сильно опесчанная глина, однако наличие саманных добавок отмечено не во всех случаях и кирпич здесь не прочен. Часть кирпичей на нижней своей постели имеет клейма в виде несложных знаков, нанесённых до просушки². Наибольшим разнообразием отличаются клейма из построек верхнего здания на холме № 7. Здесь зафиксировано, по крайней мере, 8 типов клейм /круг, две параллельные линии, три линии, диагональный крест, двойной диагональный крест, осевой крест из спаренных линий, осевой крест из четырёх параллельных линий, диагональная линия в сочетании с отрезком другой диагонали/, а с учетом вариантов - 14 /рис.23/. На холме № 3 отмечено лишь два типа клейм /круг и параллельные осевые линии/, а на холме № 2 в поздних закладках удалось зафиксировать лишь одно клеймо в виде полного или

1. Иногда длина сторон одного кирпича имеет разницу в 1-2, реже 3 см.

2. Иногда на кирпичях встречаются оттиски копыт мелкого рогатого скота и ступней босых человеческих ног главным образом детских.

незамкнутого круга. Относительно назначения этих знаков существуют различные мнения /Толстов, 1948, стр. 94; Воронина, 1952, стр. 89-90; М.М.Дьяконов, 1954а, стр. 225; Филинович, 1961, стр. 43/¹, наиболее приемлемым из которых кажется предположение Г.А.Путаченковой, считающей, что они являются метками отдельных работников, наносимых с целью учёта количества изготовленной продукции /Путаченкова, 1966, стр. 129-130/.

Наряду с квадратным иногда употреблялся прямоугольный кирпич специальной формовки 48-40 x 22-23 x 10-12 см. Некоторые прямоугольные кирпичи на одной из своих плоскостей имеют три продольные борозды с глубокими повторяющимися оттисками кончиков пальцев. Эти кирпичи употреблялись при выведении сводов. Использование таких кирпичей при сооружении сводчатых конструкций известно по памятникам Нисы /Крашенинникова, 1960, стр. 42/ и позднеантичного Хорезма /Воронина, 1952, стр. 95/. В последнем случае кирпичи имеют лёгкую клинчатость, нехарактерную для территории Парфины². Значительно реже, чем кирпич, в архитектуре Гарри-Кяриза применялась пахса.

Кладка стен почти во всех случаях осуществлялась в перевязку на глиняном растворе. Часто перевязка кирпичей в кладке осуществлялась только по вертикали. Для стен характерна значительная толщина, что, по-видимому, в определенной мере обусловлено местными климатическими условиями. Толстые стены помогали в летний зной сохранять желанную прохладу, а зимой тепло. Стационарные очаги в жилых помещениях отсутствуют. По-видимому, при сильных похолоданиях жилища обогревались с помощью переносных

1 Более полную сводку литературы см. /Путаченкова, 1966, прим. 255, 258, на стр. 277/.

2 Прямоугольные кирпичи с вмятинами обнаружены также на поселении Геами-кала.

жаровен, которые нередко встречаются при раскопках.

Интерьеры помещений отличаются простотой отделки — обмазанные глиной или вымощенные сырцовым кирпичом полы, гладкие плоскости оштукатуренных глиной стен. Последние лишь изредка оживлялись небольшими нишами /холм № 3, помещение 3/, которые, вероятно, использовались для помещения в них светильников и домашней утвари. Некоторые ниши /например, холм № 2, коридор/, возможно, имели какое-то специальное назначение. В домах Гарри-Кяриза, несмотря на значительную высоту сохранившихся стен, оконные проёмы не были обнаружены. Освещение, видимо, осуществлялось через дверные проёмы или с помощью специальных световых фонарей, устраиваемых в перекрытиях. Узкие входные проёмы нередко имели высокие пороги и деревянные створки дверей¹. Перекрытия большей частью были плоскими, основанными на балках из местной копетдагской арчи. Строительные балки из этой породы дерева обычно имели в длину 3–3,5 м /Крешенинникова, Пугаченкова, 1964, стр. 121/, что в некоторой степени влияло на форму помещений. Ширина комнат редко превышает указанные величины и большие по площади помещения, как правило, имеют в плане узкие вытянутые очертания. Наряду с плоскими перекрытиями в архитектуре Гарри-Кяриза применялись сводчатые /помещение 6 на холме № 3/. Зафиксировано два типа сводчатых конструкций. В перекрытии помещения 6 применён свод поперечными "отрезками" /рис. 24/. Для этой цели использовался уже упомянутый прямоугольный кирпич специальной формовки. Треугольные швы между кирпичами заклинивались мелкими камнями. Узкие проёмы /холм № 2, оформление входа в коридор на третьем этапе первого периода/ перекрывались с помощью наклонно опираю-

1. На наличие последних указывают находки каменных подплатников на парфянском поселении Коша-Хаудан, расположенном неподалеку от Гарри-Кяриза.

щихся друг на друга кирпичей /см.рис.24/. Оба этих технических приема были хорошо известны в строительной практике Южного Туркменистана /Путаченкова,1958, стр. 220-223/ и других областей Средней Азии /Воронина, 1953, стр. 16-32/.

В целом архитектура поселения Гарры-Кяриза свидетельствует о знакомстве его строителей с основными техническими приемами своей эпохи. Её отличает простота и рациональность всех конструкций. Раскопки на Гарры-Кяризе показали, что даже в застройке одного поселения отсутствует какая-либо стандартизация и размеры домов, количество комнат и их расположение, вероятно, во многом зависели от численности семьи и её достатка. Вместе с тем чёткая планировка раскопанных зданий свидетельствует об использовании каких-то уже традиционных планировочных схем и о достаточно высоком уровне развития строительного дела.

Сельские поселения парфянского времени в других областях Южного Туркменистана практически не изучены, поэтому сопоставление принципов архитектурного решения построек поселения Гарры-Кяриза с аналогичными сооружениями других областей в настоящее время невозможно. С большими оговорками^I в качестве сравнительного материала можно привлечь жилую архитектуру поселений городского типа таких, как Антиохия Маргианская и Джин-депе /Путаченкова,1958,стр. 41-42; Кацурис, Буряков,1963; Усманова, 1963; Кошеленко,1963, Кошеленко,1966, стр. 78-86/.

Для жилых домов средних и бедных слоев городского населения также характерны различные планировочные схемы, как с внут-

^I Планировка городских жилых домов в значительной мере подчинена общим принципам городской застройки и соответствовала иному хозяйственному укладу других социальных слоев общества.

ренным хозяйственным или световым двориком, так и без него. При возведении городских зданий использовались те же строительные материалы и строительные приёмы; в этом отношении трудно заметить разницу между жилой архитектурой сельских и городских поселений Южного Туркменистана. Можно только отметить, что для изолированных крупных жилых домов в сельской местности характерна большая монументальность, стены этих построек, особенно внешние, отличаются значительной толщиной. Вероятно, это связано не только с особенностями конструкций этих зданий, но и соображениями безопасности. Планировку дома холма № 3 в какой-то мере можно сравнивать не только с жилищами Маргианы, но и домами городов Месопотамии /Дура-Европос, Селавкия, Ашур/, где планировочным ядром каждой постройки является внутренний двор^I /Кошеленко, 1963, 1966, стр. 116-134/. Здание на холме № 7 в какой-то степени может быть сопоставлено с "овальным домом" в северо-восточной части Гяур-калы, возведение которого относится к концу IV в. н. э. /Дресвянская, 1969, стр. 83, 84, 86/. По своей планировке эта постройка долгое время считалась уникальной для Южного Туркменистана /Пугаченкова, 1967, стр. 87/. Теперь появляются основания для заключения о местном происхождении этой планировочной схемы.

Интересно отметить, что верхнее здание холма № 7 было построено уже на довольно высоком холме с крутыми склонами, образовавшимся в результате постепенного накопления культурных слоев. Его силуэт имел определенное сходство с раннесредневековыми замками

I Однако внутренние дворыки жилых домов Месопотамии имеют местный генезис. И сходство в планировке в значительной мере может объясняться сходством климатических условий. В то же время для жилой архитектуры Южного Туркменистана пока не зафиксировано наличие айванов или диванов-необходимых компонентов жилых домов Месопотамии парфянского времени.

Средней Азии, для которых характерен высокий скошенный цоколь и вертикально выведенные стены второго этажа. Вероятно, внешний вид построек типа здания на холме № 7 являлся одним из источников формирования нового архитектурного стиля, который окончательно сложился в период раннего средневековья.

Г Л А В А П

НАХОДКИ И ДАТИРОВКА

Находки, свидетельствующие о хозяйственных занятиях обитателей поселения.

Специальные исследования по определению источников водоснабжения местности Гарри-Кяриз не проводились, поэтому категорические заключения по этому вопросу в настоящее время невозможны. Однако, учитывая рельеф местности, следует предполагать, что в рассматриваемую историческую эпоху здесь не существовало сколько-нибудь значительных постоянных водных потоков. Исходя из того, что в средневековье, как и в совсем недавнее время¹, кяризы являлись основным источником водоснабжения этой местности, можно предполагать, что в парфянскую эпоху водоснабжение базировалось на тех же источниках². Косвенным подтверждением этому служат находки обкладок кяризных колодцев³. Применение этих гидротехнических сооружений в парфянское время не вызывает сомнения, так как их существование известно еще для ахеменидской эпохи /Полибий, X, 28; В.М.Массон, 1957, стр. 66/.

Как показали раскопки на холме № 7, в качестве источника водоснабжения служили и обыкновенные колодцы. Сооружение их,

- 1 Существовавшее неподалеку современное селение /участок Бирлешик колхоза им. Тельмана/ до бурения артезианских скважин снабжал водой кяриз, проходящий на территории древнего поселения.
- 2 Г.Н.Лисицина предполагает, что земледельцы в местности Гарри-Кяриз могли базироваться на богарах /в самых предгорьях/, паводковых водах и кяризах.
- 3 На холмах № 4, 7, 8 кяризные обкладки были найдены в слое "пушонки", потому не исключено их позднее происхождение. Более достоверная находка обкладки кяризного колодца на холме № 3, где она обнаружена в завале на значительной глубине.

видимо, не представляло большой технической трудности, так как водоносный слой, судя по наблюдениям в заброшенных кяризах, находился всего лишь на 4-6 м ниже поверхности равнины.

Обеспеченность водой была достаточной не только для удовлетворения бытовых нужд обитателей поселения, но и для занятия орошаемым земледелием. О земледельческом характере поселения прежде всего свидетельствуют постоянное обживание местности в течение длительного периода и добротность существующих здесь построек. Также следует упомянуть многочисленные находки хумов, предназначенных для хранения сельскохозяйственных продуктов^I, и костей домашних свиней, откорм которых в условиях полупустынного ландшафта возможен только на базе отходов продуктов земледелия.

Наиболее многочисленными орудиями труда являются зернотёрки, которых на холме № 3 было встречено - 7, на холме № 7-9, в шурфе на холме № 14 - 5. Большинство из них представлено мелкими фрагментами, но есть почти целые экземпляры, по которым можно восстановить форму. Зернотёрки Гарры-Кяриза были небольшими, узкими, заострёнными к концам, реконструируемая длина 30-40, наибольшая ширина 13-15 см. Рабочая поверхность сильно стерта, концы резко заггибаются вверх. Наибольшая толщина 3-6 см. Куранты имели вид небольших тонких двояковыпуклых поделок из того же серого песчаника. К числу тёрок или лоцил относится кубик из темно-серого камня со стороной 4-4,5 см. Подобные предметы встречаются во многих районах Средней Азии как для античного периода /Луков, 1956, стр. 202; Труд-

^I На расположенном неподалеку поселении Ишан-Кяриз были обнаружены остатки помещения, в котором находилось свыше 10 хумов.

новская, 1967, стр. 171/, так и более ранних эпох /Тутлиев, 1972, стр. 51, рис. 2, 25/.

Из других орудий труда необходимо отметить обломок железного серпа или виноградного ножа, найденного на холме № 7 /Гарры-Кяриз/ в помещении I /рис. 25 /. Сохранившаяся длина изогнутого лезвия 16 см. Наибольшая толщина / вместе с окислами / - 0,9 см. Режущий край - внутренний. Издалека подобной формы и размеров, но с сохранившимся черешком, было найдено при раскопках в Халчалае в слоях III-IV вв. н.э. /Пугаченкова, 1966, стр. 95, рис. 62 и стр. 98 /.

На холме № 7 в слоях третьего периода обживания найдена небольшая железная мотыга. Она имеет массивную круглую втулку со сквозным отверстием диаметром 2,5 см и утончающуюся книзу рабочую часть. Диаметр втулки соответствует ширине рабочей части / 6 см/; низ последней несколько округлён. Общая длина мотыги - 15,3 см /рис. 26 /. На этом же холме найдено другое железное орудие труда. Это массивная пластина размерами 15 x 12 см. Ширина её больше, чем высота. У верхнего края по сторонам имеется два пластинчатых отростка, загнутых к середине пластины. Ширина отростков у основания 5 см. Между ними в середине сохранились обломки четырёх толстых заклёпок./см. рис.26/. Отростки-закрайны и заклёпки предназначались для скрепления пластины с деревянным основанием. Следы дерева чётко видны на заржавленной поверхности верхней половины пластины. Назначение этой сильно окислившейся пластины определить трудно. Вероятно, это часть какого-то рубящего или землеройного орудия.

О роли животноводства в хозяйственной жизни обитателей

поселения можно составить некоторое представление лишь на основании ряда косвенных свидетельств. Одним из основных источников по этому вопросу являются костные остатки животных, употреблявшихся в пищу. Остатки мясной пищи обитателей поселения в какой-то мере должны отражать состав стада, хотя на полное соответствие, разумеется, рассчитывать трудно¹. Все сведения об определённых костных остатках о поселения Гарры-Кяриз приведены в табл. I².

Как видно из табл. I и рис. 27, доминирующую роль в мясном питании и, по-видимому, в хозяйстве местных жителей играл мелкий рогатый скот, среди которого в свою очередь предпочтение отдавалось овцам. Ориентация на разведение овец в Южном Туркменистане наметилась ещё на поздних этапах джейтунской культуры /Цалкин 1970, стр. 127 /. Наиболее ярко это прослеживается по памятникам эпохи бронзы, когда количественное соотношение между овцами и козами составляло 8 : 1. В эпоху раннего железного века численность коз заметно возрастает. Количество костей коз в материалах из раскопок памятников этого времени достигает 50 % /Цалкин, 1970, стр. 132 /.

В античный период, судя по материалам Гарры-Кяриза, разведению коз также уделялось большое внимание. Таблица, основанная на количестве костей животных в кухонных остатках, естественно, не

- 1 Например, необходимо учитывать "скороспелость" мелкого рогатого скота, которая приводит к преобладанию в культурном слое костных остатков коз и овец, даже при равных пропорциях крупного и мелкого рогатого скота в реальном стаде /Грязнов, 1955, стр. 26 /, а также разницу в весе животных.
- 2 Все определения выполнены Н.М. Ермоловой. Результаты изучения костных остатков частично опубликованы /Ермолова, 1970, 1972 /.

Видовой состав остатков животных поселения Гарри-Кяриз

Таблица I

Виды животных	Холм № 1	Холм № 3	Холм № 3 в %	Холм № 7 1970г.	Холм № 7 1971г.	Холм № 7 1970г.	Холм № 7 1971г.	Холм № 7 1970г. в %	Холм № 7 1971г. в %	Всего на поселении /без холма № 1/	Всего на поселении в %
овца	-	2/1	1,4	-	-	-	-	-	-	2/1	0,5
сёл	-	-	-	1/1	-	1/1	0,3	1/1	0,3	1/1	0,2
ык домашний	2/1	35/2	23,8	10/3	8/3	18/6	5,8	53/8	11,6	53/8	11,6
вса домашняя	5/1	41/5	27,8	37/10	36/5	73/15	23,5	114/20	24,9	114/20	24,9
озе домашняя	3/1	7/3	4,8	23/6	15/4	23/10	12,2	45/13	9,8	45/13	9,8
елкий рогатый кот ближе не пределенный	-	52/3	35/4	95/11	61/2	156/13	50,2	208/16	45,4	208/16	45,4
ринья домашняя	-	2/1	1,4	-	5/3	5/3	1,6	7/4	1,6	7/4	1,6
обака	-	-	-	-	1/1	1/1	0,3	1/1	0,3	1/1	0,2
езоаровый козел	-	1/1	0,6	-	-	-	-	1/1	0,2	1/1	0,2
кейран	-	4/1	2,7	3/2	6/2	9/4	2,9	13/5	2,8	13/5	2,8
улан	-	-	-	6/2	3/1	9/3	2,9	9/3	2,0	9/3	2,0
асица	-	1/1	0,6	-	1/1	1/1	0,3	2/2	0,4	2/2	0,4
типа	-	2/1	1,4	-	-	-	-	2/1	0,4	2/1	0,4
ИТОГО	10/3	147/19	100	175/35	136/22	311/57	100	458/76	100	458/76	100

даёт должного представления о роли в хозяйстве тягловых животных таких, как лошадь, осёл, верблюд, мясо которых не употреблялось или почти не употреблялось в пищу. Определение костей животных с территории подгорной полосы Копетдага для непосредственно предшествующей и последующих исторических эпох в настоящее время отсутствуют. Если же привлекать данные по более отдалённым историческим периодам, то можно отметить, что, начиная с эпохи развитой бронзы, процент костных остатков диких животных постепенно падает и в эпоху античности становится весьма незначительным. Эта второстепенная роль охоты продолжает оставаться характерной для последующих исторических эпох /Ермолова, 1970, стр. 231/.

Вместе с тем в парфянский период наблюдается некоторое повышение роли крупного рогатого скота, процент костных остатков которого на поселении Гарри-Кериз примерно в 1,5 раза выше чем для эпохи бронзы и в 3 раза выше, чем для периода развитого средневековья /по данным Шехр-Ислама/¹, причем разведение крупного рогатого скота на поселении Гарри-Кериз, вероятно, имело мясо-молочную направленность. В пользу этого говорят находки довольно значительного числа маслосеек, которые легко выделяются среди другой керамики по горизонтальным ручкам с

1 Следует отметить, что процент костей крупного рогатого скота /23,4/ для дома на холме № 3 /Ермолова, 1970, стр. 230, табл. 15/ несколько завышен из-за находки большого количества костей, принадлежавших одной особи. Более достоверной, по-видимому, следует считать цифру, полученную при определении костных остатков с холма № 7.

Сведения о характере выпаса скота отсутствуют. Можно лишь отметить, что в осенний период, какая-то часть мелкого рогатого скота оставалась на поселении. Об этом свидетельствуют отпечатки овечьих копыт на сырцовых кирпичках, изготовление которых обычно осуществлялось осенью /Уланович, 1961, стр. 40/.

расположенными рядом сквозными отверстиями. На холме № 7 найдено 7 таких ручек, одна целая маслобойка и один крупный кувшин с отверстием у ручки, очевидно, использовавшийся для подобных целей. Находки фрагментов маслобоек известны также для поселений Ишан-Кяриз, Кома-Хаудан, Анауское и Кебелек-депе.

Масло в этих сосудах сбивалось следующим образом: наливалось кислое молоко и горловина завязывалась пузырьком. Затем маслобойку клали на бок и качали из стороны в сторону за ручку; через отверстие рядом с ручкой время от времени подливали воду для лучшего отделения масла /Пещерева, 1927, стр. 6/.

Сопоставление данных из Гарри-Кяриза с костными материалами из других областей Средней Азии /Цалкин, 1966; Заднепровский, 1962, стр. 77-80, 178-184 / показывает, что в античный период всюду доминировало разведение мелкого рогатого скота, но в подгорной полосе Копетдага преобладание его в стаде проявилось наиболее ярко.

Подобно обитателям других поселений жители Гарри-Кяриза занимались подсобными домашними промыслами. Как на холме № 7, так и на холме № 3, имеются находки пряслиц, свидетельствующих о занятии ткачеством. Пряслица на этом поселении встречаются двух типов. Первый - специально изготовленные лепные пряслица. Одна сторона у них слегка вогнута, другая выпуклая /см. рис. 25,3; 28,5/. Диаметр диска 3,4 - 3,5 см, диаметр центрального отверстия 0,6 см. Пряслица изготовлены из тонко отмученной глины и хорошо обожжены. Одно такое пряслице встречено в слоях III периода обживания на холме № 7 /помещение 5/, фрагмент другого в помещении 3 холма № 3 /уровень пола - 140 см/. Второй тип-пряслица, изготовленные из стенок керамических сосудов /см.рис. 25,2/.

Пряслице этого типа было найдено в помещении 2 дома на холме № 7. Оно представляет собой слабоизогнутый диск диаметром 4,6 см, толщиной 0,7-0,8 см, диаметр центрального отверстия 0,6 см¹. Пряслица указанных типов широко встречаются при раскопках городских и сельских поселений Средней Азии².

Более сложен вопрос о местном изготовлении керамики. Прямых указаний на это в археологическом материале нет. Многое в решении вопроса зависит от определения функционального назначения печи в помещении 4 холма № 7 /рис. 20, 29; I/. Печь двухъярусная. Обжигательная камера имеет в плане форму неправильного круга диаметром 1,2-1,3 м. Стенки её местами сохранились на высоту 1,1 м. Кверху они плавно сужаются до 1 м, указывая на наличие купольного перекрытия. Снаружи они не дают четкой грани, рыхлая земля постепенно приобретает ярко-красный цвет и уплотняется. Внутренняя поверхность обжигательной камеры хорошо обожжена, внизу она имеет зеленовато-белый цвет и слегка оплавлена. Вверху заполнение камеры рыхлое, ниже оно постепенно уплотняется, появляются куски обожженной глины, мелкие камни и фрагменты керамики, главным образом стенки хумов. Под печи не сохранился. Он, по-видимому, находился на уровне ступенчатого уступа, сократившего диаметр печи до 86-97 см. С северо-восточной стороны /над топочным отверстием/ плечи уступа расположены на 40 см выше остальных участков. На уровне ступеньки находился низ загрузочного отверстия обжигательной камеры. Сохранилось оно очень плохо, потому ширина его может быть

1 При раскопках часто встречаются заготовки для подобных пряслиц.

2 Часть подобных поделок некоторые исследователи определяют как пуговицы. /См., например, Пугаченкова, 1966, стр. 96; Трудновская, 1967, стр. 166, 171/.

реконструирована только приблизительно в пределах 25-30 см. В верхней части уступа имеется 5 радиально расположенных косых прорезей, которые, возможно, являются боковыми продухами. Относительно конструкции пода можно строить только догадки-он был основан на подпрудных арках или имел вид плоской глиняной подушки, перекрывающей топку¹. Топка также округлая в плане. Стенки её почти отвесны /диаметр у дна 0,8 м/. Степень ошлакованности стенок уменьшается сверху вниз. Внизу они лишь обожжены до красноты, а дно-топки почти не несёт следов обожженности. Глубина топки от плечиков 1,45 м. В северо-восточной её части расположено топочное отверстие, имеющее очертания неправильного вытянутого по горизонтали овала шириной 65-70 см. В заполнении топки можно выделить три слоя. Верхний является продолжением завала обжигательной камеры, только плотность его ещё более увеличивается. Затем этот завал превращается в плотный слой, состоящий из обломков конструкций и довольно крупных кусков известня. Ниже начинается мощный слой /70 см/ пепла без каких-либо инородных включений /см.рис.14 /. Вопрос о назначении печи остаётся нерешённым. Конструкция её такая же, как у других керамических печей². Но такому её определению противоречат следующие факты: 1/ печь расположена внутри помещения; 2/ при раскопках как в печи, так и в других частях здания, не было найдено ни бракованной керамики, ни шлаков; 3/ среди керамики холма № 7 крайне незначителен процент лепной керамики, которую можно было бы счи-

1 В заполнении топки найден кусок обожженной глины с правильным сквозным отверстием диаметром 3,5 см. Очевидно, это продух. Несколько странным кажется только то, что стенки отверстия не имеют следов ошлакованности в отличие от стенок обжигательной камеры.

2 Печи близкой конструкции /но без ступенек/ и таких же размеров были вскрыты на Гаш-депе /Губаев, Копаленко, 1968, стр. 37-41 /.

тать пролукшей этой печи. Учитывая всё это, нельзя исключить возможность другого назначения печи, например, для обжига извести.

Поскольку мы коснулись описания печей, необходимо остановиться на устройстве очагов. Один из очагов обнаружен с внешней стороны северо-восточной стены здания холма № 2 /рис.29.3/. Этот очаг имел в плане бутылеобразную форму. Топочная камера ограничена тонкими /6-8 см/ бортиками, местами сохранившимися на высоту 20 см. Они идут параллельно, а затем образуют узкое устье. Средняя ширина камеры - 21, устья - 9-10 см. Общая длина очага около 60 см. Внутренняя поверхность ровная с незначительной степенью оплакованности. Заполнение - красноватая рыхлая земля, зола и песок. Посредине очага, ближе к его южному концу, имеется пятно жирной глины, под которым нет оплакованности, возможно, это остатки опорного столбика. В устье внутренняя поверхность топочной камеры плавно понижается на 15 см. Остатки еще одного очага зафиксированы в южной части двора холма № 7 /рис.29.2/. Это был наземный очаг, возведенный из сырцового кирпича и глины. Топка его имела в сечении трапециевидные очертания, ширина основания 30 см, высота камеры 30 см. В плане она была прямоугольной с округленными углами. Конструкция очагов на холме № 3 вследствие плохой сохранности не вполне ясна. Здесь наряду с наземными, по-видимому, существовали очаги /или их топки/, заглубленные в пол. Очаги имели в плане как округлые, так и прямоугольные очертания.

В заключение следует отметить, что хозяйство поселения Гарры-Кяриз и других подобных ему поселений носило комплексный характер. Обитатели их занимались земледелием, скотоводством и подобными ремеслами главным образом связанными с обработкой

сельскохозяйственного сырья. Однако вопрос о соотношении отдельных видов хозяйственной деятельности на имеющемся материале решить ещё нельзя.

Украшения и прочие бытовые находки

Количество украшений, полученных при раскопках Гарры-Кяриза, очень невелико /см.рис.25,28 /. Здесь найдено всего две бусины, подвеска из раковины и заготовка для каменной подвески. Бусина, найденная в помещении 3 холма № 3 /IY периода обживания/, стеклянная, кубовидная, с заоваленными гранями и срезаемыми углами, центральное отверстие овальное /см.рис.28,4/. Бусина из верхнего слоя помещения 2 /холм № 7/ сердоликовая. Она круглая в плане, диаметр 1,3 см, одна её сторона плоская, другая слегка выпуклая /см.рис. 25,7/. Часть бусины сколота, возможно, ещё в древности, так как грани сколов заглажены. Подвеска /помещение 2, холм № 7/ сделана из небольшой раковины¹, в узкой части которой просверлено маленькое аккуратное отверстие /см.рис. 25,4/. Заготовка для подвески /помещение 12, уровень - 230 см/ представляет собой плоскую /толщина 1 см/ плитку неправильной формы /в поперечнике 2,7-3 см/ с намеченным с двух сторон центральным отверстием /см. рис.25,6/. Камень полупрозрачный с тонкими белыми прожилками.

Из числа других бытовых находок отметим оселки, отрезок обработанной трубчатой кости, обломки железных однолезвийных ножей и каменную ступку. На холме № 3 было найдено пять крупных обломков оселков. Все они сделаны из твёрдого темно-серого или чёрного камня². В сечении они овальные, реже уплощенные.

1 *Didacna pyramidata (Grimm)*. Определение Я.И.Скоробогатова. Раковина, вероятно, происходит из Каспийского моря.

2 Определение породы камня двух оселков сделано старшим научным сотрудником Туркменского научно-исследовательского геологического института В.С.Прилуцким. Образец 1: алевролит полевошпатовый-кварцевый с глинисто-железистым цементом; образец 2: алевролит кварцевый с глинистым цементом.

Длина целых оселков, видимо, не превышала 10-12 см. Все они имеют сквозные отверстия, предназначенные для подвешивания к поясу. /см. рис. 28, 3, 8-10/. На некоторых оселках имеются наметки ещё нескольких отверстий. На холме № 7, наряду с двумя обломками оселков описанного типа, найдено точило имеющее подквадратное сечение /3,6-3,8 см в стороне/. Длина его - 9,5 см.

Отрезок трубчатой кости /холм № 3, помещение 9/ длиной 5,7 см несёт на торцах следы опилования /см. рис. 28, 6/. Вероятно, он использовался в качестве игольника или ручки. Каменная ступка /или подпятник/ из помещения 9 холма № 7 невелика по размерам 10-12 см в поперечнике, высота 6,5 см. Глубина углубления около 3 см.

Среди находок имеются предметы, назначение которых осталось невыясненным. Это небольшой диск из необожжённой, но хорошо высушенной на солнце глины. Диаметр его 6 см, толщина 1,5 см. На одной плоскости диска имеется множество беспорядочно расположенных углублений, нанесённых тонкой приостренной палочкой /см. рис. 25, 1/. В помещении I /холм 7/ над полами верхнего периода обживания был найден массивный диск из обожжённой глины. Диаметр его 12,4, толщина 3-3,5 см. На одной из плоскостей почти в центре имеется округло-конический выступ высотой 3 см, диаметр у основания около 4,5 см.

Находки наконечников стрел немногочисленны - всего два. Оба бронзовые. Один из них обнаружен в завале во внутреннем дворике холма № 3 /III период обживания/. Он небольшой /длина сохранившейся части 2 см, реконструируемая - 3,5 см/ трёхперый с выступающей втулкой. Втулка к торцу слегка расширяется. Наружный диаметр её 8 мм. Острие наконечника обломано, лопасти

невysokие, треугольные в сечении; между двумя лопастями имеется небольшое отверстие /см.рис.28,2/. Второй наконечник, найденный в нижнем слое пахсовой облицовки внешней стены здания на холме № 7, также трехперый с выступающей втулкой. Но он более миниатюрен - длина 2,6 см. Кроме того, его отличают иные пропорции: длина боевой части 1,5 см, втулки - 1,1 см, лопасти в сечении имеют легкую ромбовидность, на втулке сохранились три невысокие ребра, не уничтоженные после отливки /см.рис. 25,5/.

В Поволжье и Нижнем Приуралье подобные наконечники стрел датируются III-IV вв. до н.э. /Смирнов, 1961, табл. III, д. I4 /. Но эта датировка не может быть механически перенесена на среднеазиатскую почву, так как здесь, судя по некоторым наблюдениям, бронзовые трёхперые наконечники продолжают бытовать в течение всего античного периода^I.

Немногочисленную, но интересную группу находок составляют глиняные печати. Обломок одной печати был найден в слоях третьего периода обживания помещения I на холме № 3 /рис. 29,7/. Печать, видимо, имела форму невысокого округлого столбика с некоторым сужением в средней части, на торцовых сторонах которого были нанесены углубленные изображения. Сохранилось лишь одно из них. На круглом зеркале диаметром 2,5 см схематично изображено дерево или ветка - от вертикальной линии под углом в стороны отходит три пары более коротких черточек. Вероятно, это магический знак "дерево жизни". Печать изготовлена из комковатой слабо обожженной глины. В средней её части имеется сквозное отверстие, предназначенное для подвешивания печати на шнурке.

^I См., например, сводку З.И. Усмановой по Мерву /Усманова, 1963, стр. 64-67/.

Находки парфянских резных камней или их оттисков широко известны для памятников Южного Туркменистана /Пугаченкова, 1963; М.Е.Массон, Пугаченкова, 1954/ и отражают широкое распространение в античный период личных печатей. Обычно печати изготавливались из драгоценных и полудрагоценных пород или простого поделочного камня. Находки на парфянских сельских поселениях свидетельствуют о распространении в среде местного населения, наряду с каменными, личных знаков, изготовленных из терракоты. Судя по примитивному характеру исполнения рисунков, владельцы печатей изготавливали их сами, не прибегая к помощи квалифицированных ремесленников. Описанная печать по своему типу близка к печатям, найденным на парфянских сельских поселениях Коша-Хаудан /Шилишко, 1972, стр. 80-81/ и Акча-депе близ Изганта /Росляков, 1955а/, а также печати, обнаруженной в одном из погребений Кур-мазарского могильника /Обельченко, 1957, стр. 14/.

Наши представления о парфянской сфрагистике дополняют оттиски на керамических сосудах. К числу таких находок относится хум, найденный в помещении 4 холма № 3 /рис.30,4/. По своей форме и технике изготовления он ничем не отличается от других парфянских хумов. У него также яйцевидная форма тулова со срезанной верхней третью и небольшим плоским дном. Высота 1,35 м, диаметр венчика 40 см, диаметр дна - 20 см. Несколько ниже венчика деревянной приостренной палочкой или другим твёрдым предметом нарисованы изображения двух ладоней с короткими растопыренными пальцами. Правее и несколько ниже этих знаков нанесено двенадцать оттисков четырьмя разными печатями. Оттиски выполнены недостаточно чётко, часть из них пострадала от времени,

но наличие нескольких оттисков одной печати позволяет в общих чертах реконструировать характер изображения на каждой из них.

1. На овальном поле /1,6 x 1,1 см/ изображена фигура скачущего коня. У него маленькая сухая голова несколько откинута назад на длинной шее, передние ноги выброшены вперед, задние изображены в более статичной позе и менее реалистично. Под туловищем коня, изображенного неестественно узким в своей средней части, имеется какой-то плохо различимый коленчатый знак /рис. 31, 1/. Над спиной также имеются остатки какого-то изображения, которое можно трактовать как всадника или, что более вероятно, как крылья. Если принять второе предложение, то перед нами изображение крылатого коня Пегаса, образ которого был достаточно популярен в парфянском изобразительном искусстве¹. В частности, можно отметить выполненные в очень сходной манере изображения крылатых коней на монетах ряда парфянских правителей /Рос, 1903, LXXI, LXXII, Index III/.

2. На овальном поле /1,6 x 1,2 см/ изображено скачущее влево козлоподобное существо с необычайно длинной шеей. Рогатая /?/ голова животного обращена назад и длинная вытянутая морда почти касается короткого поднятого вверх хвоста. Под брюхом животного имеются ещё какие-то плохо различимые детали изображения. Так же, как и у коня на предыдущей печати, туловище этого животного в середине сильно сужено /рис. 31, 2/.

¹ Традиция изображения крылатых коней сохранилась и позднее в сасанидский период, но манера исполнения в это время несколько изменилась /Борисов и Луконин, 1963, стр. 119-121, № 280-281/.

Изображение на этом оттиске весьма интересно и его символика не может пока получить достаточно чёткого толкования. Можно лишь отметить, что она, вероятно, связана с какими-то мифологическими представлениями парфян, характерными и для других древних среднеазиатских народов. При взгляде на этот оттиск невольно вспоминаются раннесредневековые терракотовые статуэтки из Мерва, изображающие каких-то животных с необычайно длинной шеей. Следует отметить отдалённое сходство изображения на рассматриваемом оттиске с рисунком жирафоподобного животного, хватающего себя за хвост, выполненном на керамическом блюде X-XI вв.н.э. из Самарканда. Как предполагает проф. М.Е. Массон, это хватающее себя за хвост животное является символом единства и бесконечности.

3-4. На двух других печатях изображены сложные тамгообразные знаки. Оба изображения даны на овальном поле $2 \times 1,5$ см/. Обращает на себя внимание включение в рисунок обеих тамг элемента в виде короткой стрелки, что, возможно, свидетельствует о какой-то взаимосвязи этих личных или родовых знаков /рис. 31, 3-4/.

Оттиски размещены на хуме тремя обособленными группами. Первая, верхняя, состоит из двух рядом расположенных оттисков печати № 3, вторую группу составляют расположенные треугольником два оттиска первого типа и один - второго. Третья, самая нижняя группа, состоит из семи оттисков, вытянутых в горизонтальную цепочку. Крайний левый из них принадлежит к четвёртому типу, крайний правый - ко второму, остальные пять - к третьему.

Ещё один хум с двумя оттисками обнаружен в помещении 12 на холме № 7. Оттиски выполнены одной печатью, несколько ниже

венчика. Плохая сохранность изображения заставляет отказаться от его описания. На этом же холме был поднят обломок венчика хумчи с глубоким овальным оттиском. Судя по небольшим его размерам /2 x 1,3 см/ и четким контурам, оттиск сделан каменной печаткой. Изображение неразлично.

Для поселения Коша-Хаудан также известны два случая клеймения хумов. На венчике одного из них была оттиснута печать с изображением "ёлочки". Второй хум невысокий, но объёмистый /высота 1,1 м, наибольший диаметр тулова - 0,85 м/. По плечикам этого сосуда проходит налепной обруч с частыми овальными вмятинами, сделанными пальцем. Несколько выше этого декоративного пояса находится специальный продолговатый налеп, на котором дважды была оттиснута одна печать. Шиток её имел неправильную округлую форму: характер изображения в настоящее время неясен. К числу уже опубликованных находок относится фрагмент хума с тремя оттисками одной печати из винохранилищ Старой Нисы /Крашенинникова, 1963, стр. 96-97/.

Клеймились не только хумы. Во дворе дома холма № 7 в слоях третьего периода обживания найден фрагмент стенки небольшого лепного сосуда, по-видимому, горшкообразной формы. На стенке сохранились следы прикрепления ручки. Рядом с одним её корнем имеется овальный налеп /диаметр 2,5-2,2 см, толщина 0,7 см/, на котором оттиснута печать. На оттиске дано схематичное профильное изображение козла с опущенной мордой и поднятым хвостом. Голова обращена влево /рис. 31,5/.

Заслуживает упоминания ещё один оттиск печати с тем же сюжетом, сделанный на крупной круглой в сечении ручке, найденной на поселении Говдуз-депе. Печать оттиснута у верхнего края ручки /рис. 31,6/. На овальном поле 2,5 x 2,2 см дано про-

фильное изображение козла, идущего влево. Шея животного вытянута в одну линию с туловищем, морда опущена вниз. Длинные рога несколько загнуты назад. Хвост поднят вверх. Над спиной козла изображён крестик, горизонтальная линия которого длиннее вертикальной. Справа и сверху фигуру животного обрамляет рельефная линия с отходящими от неё короткими радиальными черточками¹.

Крайне редкие находки хумов античного времени с оттисками печатей известны и для других областей Средней Азии. При многолетних раскопках Кой-Крылган-кала в Хорезме был найден лишь один фрагмент хума с однотипными оттисками /Трудновская, 1967а, стр. 217-218/. Несколько обломков хумов с оттисками имеются в коллекциях, собранных при рекогносцировочном изучении памятников кушанского времени на побережье среднего течения Амударьи². Ряд оттисков печатей известен для территории Согда /Якубовский, 1950, стр. 34, 44; Беленицкий, 1958, стр. 126, 127/ и Бактрии /М.М.Дьяконов, 1953, стр. 266; Пугаченкова, 1968, стр. 32/. Значительное число хумов с оттисками печатей было найдено при раскопках раннесредневекового города Пенджикента /Беленицкий, 1958, стр. 125; Бентович, 1964, стр. 266-268/. Здесь, как и в других местах, были найдены хумы с одним или несколькими оттисками, сделанными одной печатью. Это обстоятельство позволило археологам, занимающимся рассмотрением этого вопроса /А.М.Беленицкий, И.Б.Бентович/ сделать выводы о том, что оттиски на хумах являются клеймами заказчиков-

1 Геммы с изображениями козлов неоднократно находились при раскопках в Мерве и Нисе /Пугаченкова, 1963, стр. 203-204/.

2 Неопубликованные материалы автора.

будущих владельцев этих сосудов.

Однако во многих случаях значение печатей /и их оттисков/ не ограничивалось лишь функциями личного знака, многие из них, несомненно, являлись магическими предметами /амулетами/. Именно этим, видимо, следует объяснить частое появление на них изображений предметов и животных, обладающих "чудодейственной силой": дерево жизни, пятерня, козёл, рыба и т.д. Прекрасной иллюстрацией того, что знаки на хумы наносились не только для подтверждения факта их принадлежности какому-то частному лицу, но и с определенными магическими целями, служит описанный выше хум с изображениями пятерни и оттисками четырёх печатей. Трудно предположить, что этот хум, стоящий в одном помещении с тремя другими, мог одновременно принадлежать четырём разным лицам. На то, что оттиски нанесены с магическими целями, совершенно определённо указывают изображения ладоней. Изображение человеческой руки-раскрытой, сжатой в кулак или свернутой в кулак-с древнейших времён являлось широко распространённым знаком оберега¹. /Чурсин, 1929, стр. 201-202; Обельченко, 1957, стр. 121-122 /.

Монетные находки

При раскопках на холме № 7 в слоях третьего периода обитания найден клад из пятидесяти серебряных монет². Сорок девять

1 Следует, однако, отметить употребление этого знака и в иных значениях. Например, в Грузии изображение руки считалось эмблемой власти /Капанадзе, 1957, стр. 81/. Изображение пятерни встречается на памятниках буддийского круга /Ставиский, 1969, стр. 23-24/. В Средней Азии этот символ сохранился вплоть до позднего средневековья. Изображения ладоней, трактуемые как священные знаки шиитов, исмаилитов и других мусульманских сект, часто встречаются на стенах мавзолеев, пещер и других мусульманских святынь. В сасанидской глиптике также имеются геммы с изображением кисти руки /Борисов, Луконин, 1963, стр. 194, № 210-212/.

2 Подробному описанию клада посвящена специальная статья, находящаяся в печати.

из них являются парфянскими драхмами. Все они чеканены разными штемпелями и принадлежат монетным выпускам трёх парфянских правителей Митридата I /171-138 гг. до н.э./, Фраата II /138-128/27/ и Артабана I /128/27-123/. Вес драхм колеблется в значительных пределах от 2,6 до 4,6 г., хотя в кладе нет монет со следами значительной потёртости. Основная масса драхм имеет вес 3,2-3,9 г. Направление осей у большинства монет клада совпадает или имеет весьма незначительное расхождение.

Всего три монеты принадлежат чекану Митридата I, что вполне понятно, так как они являются наиболее древними в кладе и к моменту захождения клада, видимо, в большинстве своём уже выпали из обращения. Монеты эти однотипны /рис. 32, I /. На лицевой стороне изображён бюст правителя влево. Волосы, переданные волнистыми линиями, повязаны диадемой. Борода длинная, слегка волнистая. В ухе серьга. На шее однорядная гривна с утолщенными шаровидными концами. Складки одежды в середине собраны вместе. Следы ободка из очальных бусин с парными вертикальными разделителями или из коротких черточек в два ряда. На оборотной стороне изображён сидящий на омфале Аршак с луком в вытянутой руке. Легенда в три строки: слева **BAKIAEΩI** вверх **MEΓAΛY**, справа **APXAKY** / Рос, 1903, III, 3, 4/. Выпуск монет этого типа обычно связывают с монетными дворами, расположенными на севере Парфянского государства, возможно, в Гиркании /Рос. 1903, XXXI; Ле Риде, 1965, стр. 196, 320-321; Кошеленко, 1972, стр. 80-81 и сл./. Следует отметить, что некоторые нумизматы проявляют известную осторожность при отнесении этих монет к чекану Митридата I. Рос называет их монетами, чеканенными в период правления Митридата I /Рос, 1903, XXV-XXVШ/. Ле Риде также с некоторыми

колебаниями относит их к чекану Митридата I, полагая при этом, что они чеканились после 145 г. до н.э. /Ле Раде, 1965, стр. 317, 320-321/.

Монеты Фраата II составляют наиболее многочисленную группу — 27 экземпляров. На лицевой их стороне изображена повернутая влево голова молодого правителя с короткой курчавой бородой и волосами, повязанными диадемой. В ухе кольцевая серьга. На шее однорядная гривна с концами, оформленными шаровидными утолщениями. Ободок точечный. На оборотной стороне по сторонам изображения Аршака, сидящего на омфале с луком в вытянутой руке, дана легенда в четыре строки. Справа: *BAKILESI MEGALOU*, слева: *ARSAKOU EPOBATROS*, /рис. 32, 23; 33, 1-3/.

На лицевой стороне позади головы правителя часто появляются отдельные буквы и монограммы. Многие исследователи, начиная с А.К. Маркова, определяют эти буквы как усеченную форму написания названий монетных дворов /Марков, 1892, стр. 10 и сл./ . В описываемом кладе наиболее представительной является серия с буквами *TAM* /=*TAM*, *TAM*/ — 17 экземпляров /Рос, 1903, Pl. IV, 7/. Это буквосочетание, известное только для монет Фраата II, принято сопоставлять с названием гирканского города Тамбракия. На одной монете клада позади головы правителя начертана *NI*¹. Выпуск монет с этим сокращением обычно связывается с монетным двором в Нисе². На двух монетах изображена буква *A*, ещё на

I По публикациям известны более полные формы /Марков, 1892; стр. 12/.

2 А.К. Марков связывал это сокращение с Нисой в Маргиане, но после раскопок городищ Нисы в Багире в научной литературе утвердилось отождествление Нисы: письменных источников с руинами городища Новая Ниса под Ашхабадом.

двух Λ /- Λ ? / /Рос, 1903, Pl. II, 5/. Одним экземпляром представлено буквосочетание MA^I . На трёх монетах позади головы нет никаких знаков /Рос, 1903, Pl. IY, 3/, на одной драхме наличие букв не установлено из-за её плохой сохранности.

Девятнадцать монет клада принадлежат чекану Артабана I. Представлены они тремя монетными типами.

1. Монеты с легендой $BA\tilde{\Sigma}I\Lambda E\tilde{\Sigma} ME\tilde{\Sigma}A\Lambda OY AP\tilde{\Sigma}AK OY \Theta E O\Lambda T O P O \Sigma$ /Рос, 1903, Pl. Y, 3/. На некоторых монетах легенда сильно искажена. Например: $BA\tilde{\Sigma}.A^{\sim}V ME.A\Lambda OY A\tilde{\Sigma}AK OY .I\Theta O\Lambda T OY$.

Всего монет этого типа - 6.

2. Монеты с легендой $BA\tilde{\Sigma}I\Lambda E\tilde{\Sigma} ME\tilde{\Sigma}A\Lambda OY AP\tilde{\Sigma}AK OY \Phi I\Lambda A\Delta E\Lambda T OY$ и знаком Υ /или Υ / на фигуре Аршака /Рос, 1903, Y, 3/. Монет этого типа - 7 /рис. 33, 4, 34 I-2/.

3. Монеты с легендой $BA\tilde{\Sigma}I\Lambda E\tilde{\Sigma} ME\tilde{\Sigma}A\Lambda OY AP\tilde{\Sigma}AK OY \Phi I\Lambda A\Delta E\Lambda T OY$, выполненной в "штриховой" манере² и своеобразной трактовкой портрета на лицевой стороне /рис. 34, 3/. К этому типу относятся 4 монеты. Основные отличия от обычного портрета этого царя /характерного для тетрадрахм/ сводятся к следующему: /1/ отсутствие горизонтальных валиков в изображении причёски; /2/ борода приострена и передана не короткими волнистыми прядями, а почти прямыми /косо расположенными на щеках/ линиями; /3/ на плечах появляется точечный орнамент, отсутствующий на тетрадрахмах и других драмах; /4/ под бородой имеется слабо выраженный вертикальный штрих, как бы оконтуривающий одежду спе-

1 Более полной формой этого сокращения, возможно, является буквосочетание MAI , которое встречается на монетах Артабана I. А. К. Марков сопоставлял MAI с названием мидийской провинции *ματιν* /Марков, 1892, стр. 10/.

2 Для начертания букв на этих монетах характерны: размашистость, некоторая небрежность и отсутствие точек, утверждающих их концы. Некоторые буквы имеют своеобразное начертание. Например, Φ как Ψ .

реди; /5/ направление осей не совпадает в большей степени¹. Две монеты не могут быть отнесены ни к одной из упомянутых разновидностей. Одна из них близка к монетам второй группы, но отличается от них отсутствием знака и несколько иной трактовкой портрета. В частности, нос не имеет горбинки, характерной для обычных изображений Артабана I. Вторая монета также отличается некоторым своеобразием трактовки портрета и наличием позади головы знака ♠ /?/. Последнее слово легенды на обратной стороне этой монеты прочесть не удалось.

Пятидесятая монета клада является тетрадрахмой греко-бактрийского правителя Евкратиды /вес 14,75 г/. На лицевой стороне изображена голова безбородого правителя вправо, повязанная широкой диадемой. Край одежды драпируется складками. Ободок из "бусин" с разделителями сохранился частично лишь позади головы. На оборотной стороне Аполлон, стоящий с небольшим поворотом корпуса влево. Голова обращена влево. Левая рука опирается на лук, в правой стрела /?/. Слева у ног монограмма. Легенда: Справа ΒΑΣΙΛΕΥΣ, слева ΕΥΚΡΑΤΙ[ΔΟΥ] ².

Совместная находка тетрадрахмы греко-бактрийского правителя Евкратиды с парфянскими драхмами является большой редкостью. Вероятно, в определенные периоды и в определенных районах Парфянского государства допускалась к обращению иностранная валюта из драгоценного металла. Не исключено, что появление греко-бактрийских монет в Парфии связано с завоеванием

1 Наличие этих особенностей заставляет относить эту группу монет к чекану Артабана I с некоторой долей условности. Но так как среди монет Фраата II также имеется монета с легендой, выполненной в подобной "штриховой" манере, то, возможно, эти особенности являются отражением индивидуальной манеры какого-нибудь резчика или монетного двора.

2 Наибольшее сходство лицевой стороны описанной монеты с № 278, 300, 302 Кундузского клада, оборотная с № 286 /Курье, Фуссман, 1965/.

Маргианы, денежный рынок которой был насыщен монетами греко-бактрийского чекана, ввиду её первоначального вхождения в состав этого государства¹.

Данных о длительности обращения парфянских монет накоплено ещё недостаточно. Известные клады парфянских монет обычно содержат монеты двух-трёх последовательно правивших парфянских царей, некоторые особо крупные клады, вероятно, длительного накопления, объединяют монеты, разделенные промежутком времени до 50 и более лет. Этот факт находится в некотором противоречии со сведениями китайских источников о том, что в Парфии "по смерти государя переливают монету" /Бичурин, 1950, стр. 183 /. Возможно, регулярная перечеканка парфянской монеты производилась лишь в тех случаях, когда этому не препятствовали политические и экономические осложнения. Состав гарникяризского клада свидетельствует о том, что при Артабане I продолжали находиться в обращении монеты двух его непосредственных предшественников².

При определении времени выпадения клада из обращения следует учитывать, что некоторые из наиболее поздних по времени

- 1 Совместные находки парфянских и греко-бактрийских монет в Парфии были известны по раскопкам в Старой Нисе. Но особые условия находок монет /в царской сокровищнице/ не давали оснований для вывода об использовании греко-бактрийского чекана в парфянском денежном обращении /В.М. Массон, 1955, стр. 43/. Крайне редкие совместные находки греко-бактрийских и парфянских монет известны для территории Кавказа и Сузианы. В Кабалинском кладе /Азербайджан/ имеются тетрадрахма Диодота I, четыре тертадрахмы Евкратиды, две драхмы раннеаршакидского чекана, две драхмы Митридата I и одна Фраата II. /Бабаев, Казиев, 1971, стр. 27/. Один из кладов, найденных в Сузах, наряду с селевкидскими монетами, содержат тетрадрахму Евкратиды и две драхмы Митридата I /Ле Риде, 1965, стр. 24 148/; драхмы Митридата I однотипны с монетами клада с холма № 7.
- 2 Время правления царей, монеты которых имеются в кладе, приходится на период серьёзных политических осложнений на северо-восточных границах Парфянского государства, вызванных вторжением кочевников.

выпуска монет — драхмы Артабана I /128/27 — 123 гг. до н.э./ — потёрты. Это указывает на их обращение, по крайней мере, в течение 2–3 лет, поэтому захоронение клада следует относить ко второй половине его недолгого правления или к самому началу царствования его преемника Митридата II /монет которого в клада нет/, т.е. ограничить отрезком времени с 125 по 120 г. до н.э. На холме № 3 найдена всего одна монета /рис. 34, 4/. Это драхма Митридата II /123–88 гг. до н.э./.

Л. ст. Бюст пожилого правителя влево. Борода длинная. Прическа передана почти параллельными волнистыми линиями. Голова повязана диадемой. В ухе небольшая кольцевая серьга. На шее гривна в пять или шесть оборотов, верхний конец которой заканчивается протомой какого-то животного. Край одежды украшен цепочкой крупных перлов, одвоенными рядами таких же рельефных точек обрамлены швы на плече.

Об ст. Сидящей на троне Аршак с луком в вытянутой руке. Легенда в пять строк: сверху $\text{BA\AA I A E D I}$ справа: $\text{BA\AA I A (E) \AA N}$, внизу $\text{ME\AA A A O Y}$, слева $\text{AR\AA A (K) O Y E P I (TA) N O Y [E]}$. В написании легенды допущены искажения. Диаметр 20–22 мм, вес 3,91 г. /Морган, 1927, Pl VI, 19; Pl. VII, 17/¹.

Как известно, Митридат II был первым парфянским царем, присвоившим себе громкий титул "царь царей". Время принятия этого титула устанавливается благодаря наличию клинописных документов из Вавилонии /Линс, 1915, стр. 33–36/, в которых для даты 110/9 г. до н.э. имеется упоминание просто "царя Аршака",

¹ В коллекции парфянских монет Государственного Эрмитажа имеется 155 драхм Митридата II, в том числе 44 монеты рассматриваемого типа. Наибольшее сходство с лицевой стороной драхмы из Гарси-Кяриза обнаруживает монета инв. № 20027, кат. № 277. Вероятно, они чеканены одним штемпелем лицевой стороны /оборотные стороны различаются/.

а для 108/7 уже встречается формула "Аршак царь царей"¹. Примерно эта же дата /109/8 г./ была получена Ле Риде при анализе медного чекана Суз, где существовала традиция ежегодного выпуска монет с разными типами оборотной стороны /Ле Риде, 1965, стр. 389-390/. Исходя из этого в качестве начальной даты обращения для монеты с холма № 3, имеющей легенду ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ, может быть принят 109/8 г. до н.э.² Более затруднительным представляется определение времени изъятия её из обращения. Главным свидетельством в пользу недолгого обращения этой монеты служит отсутствие на ней следов изношенности.

Керамика

Наиболее многочисленной группой находок является керамика. При раскопках на поселении Гарри-Кяриз было найдено 1371 венчиков³. Фиксация керамических находок велась по слоям, что позволило выявить несколько керамических комплексов. Однако в настоящей работе, не являющейся специальным исследованием по

1 Документы за 109/8 г. неизвестны.

2 Прекращение чеканки монет этой серии, видимо, следует относить к 96/5 г. до н.э., когда согласно наблюдениям Ле Риде, на монетном дворе Суз был прекращён выпуск медных монет с близким типом изображений на лицевой стороне и начался выпуск монет с изображением Митридата II в тигре /Ле Риде, 1965, стр. 390/.

3 Эта цифра включает только фрагменты венчиков, полученных при раскопках слоёв парфянского времени с холмов № 2, 3, 7. Целые сосуды также принимались за одну условную единицу венчика. При раскопках 1968-1969 гг. подсчёт стенок сосудов не производился, поэтому полные данные о керамических находках имеются только для холма № 7. Здесь при раскопках было найдено 12 552 фрагмента из которых 1118-венчики.

керамике, дана общая характеристика керамики этого поселения¹.

По фактурно-технологическим признакам керамика Гарри-Кяриза делится на следующие основные группы:

- станковая красноглиняная;
- станковая черноглиняная;
- станковая кухонная;
- лепная кухонная;
- лепная красноглиняная;
- керамика с комбинированной техникой изготовления.

Станковая красноглиняная керамика. Под этим условным названием объединена керамика хорошей ремесленной выделки с черепком в изломе красных, коричневых и кремовых тонов. Керамическое тесто в большинстве случаев, тщательно отмучено и хорошо обожжено. Многие фрагменты имеют в тесте небольшую примесь кварцевого порошка. Ангоб цвета теста, светло-серый, коричневый или красный, нередко специальное ангобное покрытие вообще отсутствует. Изредка встречается "шелушащийся" ангоб.²

В результате каких-то технологических операций ² внешняя

- 1 Подобное изложение материала отчасти обусловлено слабой изученностью парфянской керамики подгорной полосы Колетдага, малочисленностью некоторых из выделенных комплексов и интенсивным характером обживания памятников на протяжении относительно короткого отрезка времени, что несомненно, приводило к перемещению части керамического материала из одного слоя в другой. Описание некоторых керамических комплексов с Гарри-Кяриза даны в предварительных публикациях /Пилипко, 1970, 1974 /.
- 2 Возможно, появление такого ангоба следует объяснять какими-то отклонениями от заданного режима обжига. Известны сосуды со светло-серым ангобом, у которых он шелушится на отдельных участках поверхности.

поверхность сосудов этого типа получила двухслойное покрытие. Верхний довольно толстый слой ангоба имеет белый цвет. Он легко шелушится и при его утрате обнажается матовая тёмно-коричневая фактура второго слоя, очень тонкого плотно спекшегося с черепком. Такое ангобное покрытие чаще всего имеют кувшины и флаги¹. Часть сосудов этой группы имеет лощение. Характер его во многом зависит от формы сосуда. На чашах лощение более тщательное, иногда сплошное; на кувшинах редкие вертикальные полосы часто украшают только шейку и плечики сосуда. Орнаментация в виде налепов, насечек, гравировки и оттисков встречается очень редко. Изредка на стенках встречаются знаки, нарисованные сажей или легко смывающейся черной краской. На одном сосуде изображен косой крестик, на другом — прямой крест в круговом обрамлении. В количественном отношении эта группа самая многочисленная. К этой же группе следует причислить единичную находку расписного черепка /холм № 3, помещение 6, III период обживания/. Фрагмент принадлежит сосуду обычной ремесленной выделки с желто-коричневым в изломе черепком. Внешняя его поверхность была покрыта равномерным слоем коричневой краски, на котором путём вымывания был "проявлен" несложный геометрический орнамент в виде ково расположенных штрихов /рис. 28, I²./

- 1 Сосуды с подобным ангобным покрытием хорошо известны по раскопкам в Нисе /Крашенинникова, 1963, стр. 96/.
- 2 Расписная керамика раннеантичного возраста известна по раскопкам в Старом Серахсе /Марущенко, 1956а, стр. 176-177/. Орнаментация раннекангуйской керамики Хорезма /Воробьева, 1959, стр. 92 и сл./ носит совершенно иной характер. При работах Бактрийской экспедиции, возглавляемой В.М. Массоном, на поселении Ак-Курган в Южном Узбекистане в 1973 г. в слоях кушанского времени был найден обломок сосуда ремесленного производства с геометрическим орнаментом, выполненным черной краской.

Станковая черноглиняная керамика^I изготавливалась из обычных красножгущихся глин и ангобировалась раствором глин с высоким содержанием железа². Чёрным своим цветом и большой прочностью черепка она обязана особым условиям обжига в среде, насыщенной углеродом. Для этого в уже раскаленную печь забрасывалось коптящее топливо и известняк. "Процесс изготовления чёрной керамики был более трудоёмким и продолжительным, чем получение обычной красной керамики" /Гражданкина, 1969, стр. 159-160/. Черноглиняные изделия в большинстве случаев несут следы сплошного, сетчатого и полосчатого лощения. Подобная фактура черепка характерна в основном для чаш и бокалов, но изредка встречаются черноглиняные горшки, кувшины и фляги. Процент черноглиняных экземпляров в общей массе керамики равен 5,5 /для холмов № 3,7/ а для чаш и бокалов он возрастает до 21,3.

Станковая кухонная керамика. Характеризуется значительными примесями в тесте специальных отошачивающих добавок в виде мелкодробленых белых зёрен кальцита. Подобную фактуру черепка имеют лишь кухонные котлы и горшки.

Лепная кухонная керамика. Фактура черепка та же, что у керамики предыдущей группы, но иногда взамен зёрен кальцита добавлялся крупнозернистый песок или шамот. Помимо кухонных горшков и котлов ручным способом из этой керамической массы изготавли-

1 Многие фрагменты имеют в изломе не чёрный, а черно-коричневый или тёмно-серый цвет, поэтому в научной литературе эту керамику иногда называют сероглиняной или серой. Но термин черно-глиняная кажется более удобным, так как позволяет избежать её смешения со светло-серой керамикой, которую нередко также называют просто серой.

2 Химико-технологическое исследование образцов черноглиняной керамики из Нисы проведено Н.С.Гражданкиной /Гражданкина, 1969, стр. 152-160/.

лись жаровни, часть крышек и мелких чашек. Сосуды этой группы обожжены слабо—сердцевина черепка имеет более тёмную окраску¹.

Лепная красноглиняная керамика. Тесто без примесей. Находки керамики этой группы единичны. Из форм известны крышки, мелкие чаши и горшки.

Керамика с комбинированной техникой изготовления. К этой группе относятся часть хумов. Сосуды эти изготовлялись по частям—частично на круте, частично вручную, а затем соединялись в единое целое.

Переходим к описанию керамики по формам².

Хумы. Для этих сосудов характерна яйцевидная несколько удлинённая книзу форма тулова, небольшое плоское дно и отсутствие горловины /рис.30/³. Венчик обычно является продолжением загнутой внутрь стенки, но иногда он поставлен вертикально /или даже слегка отогнут наружу/, образуя чётко выделенный валик или некоторое подобие невысокой горловины. Формы венчиков в сечении довольно разнообразны. Среди них можно выделить следующие разновидности: утолщённые манжетовидные; валикообразные, подтреугольные, уплощенные сверху, хумы с закраиной, образованной простым округлением стенки, хумы с венчиком, выделенным углубленным желобком, крючковидные, прочие разновидности утолщённых венчиков.

1 Лепные кухонные котлы и горшки в очень небольшом количестве встречены при раскопках холма № 3, несколько больше их процент на холме № 7, а на холме № 2 к ним относится большинство находок этого типа. Определение техники изготовления сосуда по мелким фрагментам часто представляется затруднительным, поэтому во избежание ошибок приводим общую долю кухонной керамики /лепной и станковой/ около 10%.

2 Номера, поставленные в тексте, соответствуют номерам рис.35.

3 При изготовлении некоторые хумы сильно деформировались и получили асимметричные очертания.

Высота целых сосудов колеблется от 0,9 до 1,4 м. Диаметр венчиков от 17 до 45 см /чаще всего 30-40 см/, донце от 18 до 29 см. Хумы подобной формы хорошо известны по раскопкам Нисы /В.М.Массон, 1953, стр. 416-419; Крашенинникова, 1963, стр. 95-97/. Некоторые хумы украшались расположенными на плечиках налепными валиками с частым оттиском подушечек пальцев¹. Изредка на стенки наносились какие-то знаки, по-видимому, тамги и оттиски печатей². Подобные украшения и метки также встречаются на некоторых хумах Старой Нисы /Крашенинникова, 1963, стр. 96-97/.

Горшкообразные сосуды составляют самую многочисленную группу керамики и отличаются большим разнообразием форм. Эта группа сосудов делится на 13 типов³.

1. Крупные сосуды с невысокой конусовидно расширяющейся горловиной, которая довольно резко переходит в сильно раздутое тулово. Венчик обычно образован простым скруглением стенки, реже утолщён. Преобладают сосуды крупных размеров⁴. Находки целых сосудов отсутствуют.

2. Горшки со слабо выраженной шейкой. Скругленный венчик несколько утолщён и плавно отогнут наружу. Плечики более пологие, чем у сосудов предыдущего типа. Тулово равномерно округлое или каплевидное, дно плоское. Встречаются сосуды различных

1 Два хума /один целый, второй фрагментированный/ с подобной орнаментацией найдены на холме № 3. Обломки стенок, принадлежавшие 3-4 сосудам с налепными поясами, встречены на холме № 7.

2 Тамгообразные /знаки известны также по находкам на поселении Кебелек-депе и "Безымянной крепости" в Геок-Тепе.

3 Разделение на типы несколько условное, так как в коллекции имеется много переходных форм, отнесение которых к тому или иному типу представляется затруднительным.

4 Под крупными здесь понимаются сосуды, высота которых больше 30 см.

размеров. Два небольших целых горшка имеют следующие размеры: дв-7,2 и 10 см, ндт - 9,8 и 15, дд - 6 и 8,2, в- 10,4 и 17 см¹.

3. Крупные горшки с горизонтально отогнутым венчиком и низкой цилиндрической горловиной, круто переходящей в сильно раздутое тулово, изгиб стенки которого в верхней части менее сильный, чем в нижней, дно плоское. Размеры целого сосуда: дв-14 см, ндт-31, дд- 17,6, в - 32,5 см.

4. Широкогорлые горшки с профилем стенки, близким к предыдущему типу. Но венчик в сечении валикообразный, короткая горловина иногда плавно расширяется книзу, стенки сильно раздутого тулова в верхней половине изогнуты круче, чем в нижней. Один из сосудов этого типа имеет следующие размеры: дв -20 см, ндт - 27,3, дд - 12,3, в - 19,2 см.

5. Широкогорлые горшки с невысоким отогнутым наружу венчиком. Стенки тулова равномерно округлены. Наибольший диаметр тулова лишь немного больше диаметра венчика.

6. Крупные горшки с невысоким круто отогнутым наружу венчиком. Край венчика округлен, реже приострѣн. Целых сосудов этого типа не найдено.

7. Крупные корчаги с вертикально поставленным массивным манжетовидным венчиком с плавным прогибом в его середине, тулово равномерно округлое с легкой горизонтальной гофрировкой стенок, дно небольшое плоское. Размеры целого сосуда: дв - 23,8 см, ндт - 43, дд-15, в- 45,6 см.

¹ Здесь и далее дв - диаметр венчика, ндт - наибольший диаметр тулова, дд - диаметр дна, в - высота.

8. Горшки с сильно вывернутым наружу венчиком и шейкой небольшого диаметра. Целые сосуды отсутствуют.

9. Крупные толстостенные сосуды с круто отогнутым наружу венчиком со скошенным внешним краем. Тулово, по-видимому, яйцевидной формы. Несколько ниже шейки имеется невысокий рельефный валик. Целых сосудов нет.

10. Маслобойки. Крупные горшкообразные сосуды с отогнутым наружу венчиком, яйцевидной формы туловом и плоским дном. Примерно на высоте двух третей сосуд имеет поперечную полу-круглую, круглую в сечении ручку, рядом с ручкой расположено сквозное отверстие небольшого диаметра, сделанное по сырой глине. Иногда отверстие оформлено снаружи специальным кольцевым налепом или, наоборот, углублением, если отверстие сделано в самом корне ручки. Имеется один целый сосуд: дв-13,2 см, ндт - 35, дд - 17,4, в - 49 см. На плечиках этого сосуда черной краской или сажей нарисован косой крестик¹.

11. Широкогорлые горшкообразные сосуды с незначительно утолщенным выступающим наружу венчиком, невысокой цилиндрической горловиной, плавно переходящей в крутые, но не сильно выступающие плечики, слегка выпуклые стенки тулова круто сужаются к донцу. На горловине диаметрально противоположно прикреплены две вертикальные полукольцевые ручки. Они круглые в сечении у верхнего и нижнего оснований имеются небольшие пуговичные налепы. Целых сосудов нет.

¹ Сведения о маслобойках этого типа по археологическим находкам и этнографическим материалам приводятся Е.М. Пещеревой /1959, стр. 62-65/. Интересно отметить, что этот тип маслобоя распространён в Средней Азии, Иране и Кавказе у населения с древней земледельческой культурой, в то время как кочевники или население, осевшие сравнительно недавно, пользуются маслобойками другого типа.

12. Небольшие горшки, вероятно, с шаровидным туловом /в коллекции имеются только верхние части горшков этого типа/. Венчик имеет форму удлинённого выступающего наружу валика с желобком посередине. На плечиках сосудов под углом к основанию прикреплён небольшой конусовидно расширяющийся к кону слив. Диаметр горла этих сосудов 8-12 см. К этому типу примыкают шаровидные горшочки с подтреугольным сечением венчика.

13. Небольшие горшки с сужающейся кверху невысокой горловиной. Венчик образован простым скруглением края стенки. Форма тулова неясна, возможно, шаровидная. Целых сосудов нет.

Кувшины также широко использовались в быту обитателей Гары-Кяриза и отличаются значительным разнообразием форм.

1. Кувшин с раструбообразной верхней частью. Край венчика слегка утолщён или просто скруглен. Тулово равномерно округлое вытянутых пропорций. Круглая в сечении ручка прикреплена одним концом несколько ниже венчика, другим к плечикам сосуда^I.

2. Кувшин с отогнутым наружу венчиком и невысокой горловиной, плавно переходящей в тулово. Последнее равномерно округлое или несколько утяжеленное книзу. Некоторые сосуды имеют сливы, образованные легкой деформацией края венчика. Размеры одного целого сосуда этой разновидности: дв - 11 см, ндт - 25,6, дд - 14,6, в - 33,8 см.

3. Кувшины с высокой цилиндрической горловиной. Венчик образован простым скруглением края стенки или слегка утолщён. Целых

^I Ручки кувшинов имеют дугообразные очертания, иногда они имеют округленный коленчатый излом в средней части. Следует отметить, что стебель ручки никогда не поднимается выше её верхнего корня. В сечении ручки округлые, иногда их можно назвать овальными. У верхнего корня некоторых из них имеется небольшой шишечный налёт.

сосудов этой разновидности не найдено, поэтому форма тулова не ясна. Возможно, она была яйцевидной или равномерно округлой, как у аналогичных кувшинов из Старой Нисы /Крашенинникова, 1963, стр. 95, рис. 3/. Диаметр венчика этих сосудов 10–13 см, иногда несколько меньше. Разновидностью этих кувшинов являются сосуды с выступающим наружу манжетовидным венчиком.

4. Кувшин с расширяющейся книзу горловиной. Венчик образован простым скруглением стенки. Тулово, вероятно, сильно раздуто.

5. Узкогорлые кувшины. Венчик отогнут наружу. Иногда чётко выражена цилиндрическая горловина. Переход к тулову плавный, само тулово каплевидной формы. Дно плоское довольно большого диаметра. Размеры целого сосуда: дв – 8,2 см, ндт – 20,6, дд – 14,8, в – 29 см.

Помимо венчиков горшков и кувшинов в коллекции имеются фрагменты носиков и сливов, принадлежащих сосудам этой группы. Среди них один небольшой цилиндрический носик, наклонно прикреплённый к верхней половине тулова. Судя по находке целого сосуда с носиком на поселении у посёлка Анау /Пилипко, 1973, стр. 62/, его можно связать с восьмым типом горшкообразных сосудов. Интересны сливы, имеющие у основания форму короткого цилиндра, переходящего в длинный желобообразный носик. В месте перехода от цилиндра к желобу имеется рогообразный отросток^I. Традиция изготовления подобных сливов уходит в глу-

I Наличие одного или двух рогообразных отростков и общая форма слива указывают на то, что их прототипами были сливы, оформленные в виде голов животных. В подтверждение этому можно указать на близкой формы слив, изображающий голову козла, найденный в слоях ахеменидского времени на Елькен-депе /Качурис, 1967 /.

Таблица 2

Распределение керамических находок по слоям

Место находки	Ф о р м а										Всего ¹
	Ху- мь	Горшки, кувши- ны	Та- зы	Ча- ши	Фля- ги	Леп- ные горш- ки	Леп- ные чаши	Кот- лы	Жаров- ни	Крыш- ки	
Холм № 2	7	29	I	I7	-	-	-	I2	-	-	66
Холм № 3											
IV период	16	33/3/	I	I4/5/	4/I/	-	I	7	-	-	76/9/
III -"	10	37/2/	-	I2/4/	I	-	2 ^а	6	2	-	70/6/
II -"	6	I8/I/	-	I0/4/	-	-	-	4	-	-	38/5/
I -"	I	3	-	-	-	-	-	I	-	-	5
Всего	33	91/6/	I	36/I3/	5/I/	-	3	I8	2	-	I89/20/
Холм № 7											
IV период	156	252/2/	3	I02/26/	3	2	4	39	I	4	566/28/
III -"	95	203/2/	4	I3I/24/	4	-	I	65	3	-	506/26/
II -"	5	I5	2	2I/I/	I	-	-	2	-	-	37/I/
I -"	-	3	-	3	-	-	-	-	I	-	7
Всего	256	473/4/	9	248/5I/	8	2	5	I06	5	4	1116/55/
ИТОГО:	296	593/I0/	II	30I/64/	I3/I/	2	8	I36	7	4	I37I/75/

I В скобках указано число червоглиняных экземпляров.

боку древность. Можно указать на сходную форму сливов в керамике архайического Дахистана /В.М.Массон, 1956, стр. 395, рис. 9,8/. В Старой Нисе известны находки нескольких подобных сливов, но с двумя рогообразными отростками. Там же в комплексе I в. до н.э. найден крупный чернотглиняный кувшин с подобным сливом. Вероятно, такие же кувшины имелись в керамике Гарры-Кяриза¹.

Фляги. В табл.2 учтены только находки горловин фляг, но в действительности обломков сосудов этой формы в керамике Гарры-Кяриза больше – помимо горловин встречены фрагменты ребер и верхних частей "купола", с характерным спиральным завитком на внутренней поверхности. Все фляги сделаны на гончарном круге. По крупным фрагментам можно выделить следующие формы фляг:

1. Фляги с резервуаром, напоминающим сферу, усеченную с одной стороны. К наиболее широкой части резервуара прикреплена невысокая цилиндрическая горловина с отогнутым наружу или валикообразным венчиком. По сторонам горловины иногда помещались небольшие шишечные налепы. Горловины таких фляг встречаются наиболее часто².

2. Фляги с плоским боком. Резервуар в сечении близок к овалу. Горловина, прикреплённая к наиболее широкой части тулова, имеет форму воронки. По сторонам горловины ручки-налепы со сквозными отверстиями. Размеры одной фляги: наибольший диаметр резервуара – 23 см, реконструируемая ширина резервуара – 14, диаметр горловины – 5,8 см.

1 Среди сливов из Гарры-Кяриза имеются как красноглиняные, так и чернотглиняные экземпляры.

2 В Гарры-Кяризе найдены лишь фрагменты этих фляг. Форма реконструируется на основании находки подобной фляги на поселении близ Анау /Пилип, 1973 /.

3. Двояковыпуклые фляги со скругленным ребром. Целых сосудов нет, имеются только крупные фрагменты стенок.

Тазы или крупные миски встречаются редко^I. Для них характерны наклонно поставленные, слегка выгнутые стенки. Венчики имеют разную форму:

1. Уплотненный сверху выступающий наружу венчик подтреугольной в сечении формы.

2. Венчик, плавно отогнутый наружу.

3. Валикообразный выступающий наружу венчик.

4. Венчик, образованный простым скруглением стенки. У таза с этим типом венчика сохранились следы прикрепления вертикальной ручки.

Чашы. Находки их многочисленны, а формы разнообразные. Выделяются 15 основных разновидностей форм:

1. Высокие бокалообразные чашы с прямым или слегка загнутым внутрь венчиком. Слабо изогнутые стенки сужаются к небольшому плоскому донцу. Размеры одного целого сосуда: дв - 19,8 см, дд - 5,3, в - 14 см.

2. Бокалообразные чашы на невысоком конусовидном полом внутри поддона. Археологически целый черноглиняный экземпляр имеет размеры: дв - 18,6 см, дд - 6,2, в - 16 см.

3. Чашы с прямым конусовидно сужающимися к плоскому донцу стенками. Венчик образован скруглением стенки. Наклон стенок и степень их кривизны бывают разными. Поэтому в эту группу входят чашы от уплотненных тарелкообразных до глубоких полусферических. Одна из них имеет размеры: дв-18 см, дд-5,6, в-5,8 см.

^I К этому виду сосудов отнесены чашеобразные сосуды с диаметром венчика свыше 30 см.

5. Чаши с плавно выгнутыми суживающимися к донцу стенками и валикообразным венчиком.

6. Чаши с плавно выгнутыми сужающимися к донцу стенками и небольшим слегка отогнутым наружу венчиком. Размеры целой чаши: дз - 17 см, дд - 6, в - 5 см.

7. Чаши с плавно выгнутыми суживающимися к донцу стенками и утолщённым с внутренней стороны венчиком.

8. Уплощённые чаши с почти прямыми сужающимися к донцу стенками. Дно с кольцевым поддоном. Внутри чаши несколько ниже венчика имеется невысокий кольцевой валик. Известны только чернотглиняные экземпляры: дз - 28 см, дд - 7,8, в - 7 см.

9. Чаши с вертикальным или слегка загнутым внутрь высоким бортиком. Переход к стенке скруглен или подчеркнут ребром.

10. Высокие чаши с плавным прогибом верхней части стенки. Вверху стенки поставлены почти вертикально, ниже прогиба плавно сужаются к донцу.

11. Чаши с перегибом стенки в средней части, подчеркнутым утолщением или скругленным ребром. С внутренней стороны стенки имеют плавные очертания. Размеры одной из целых чаш: дз - 17 см, дд - 6,6, в - 5,7 см.

12. Чаши с небольшим изломом стенки в верхней части, подчеркнутым ребром с внутренней стороны.

13. Небольшие чашечки /или бокалы/ с равномерно скруглыми поставленными почти вертикально стенками.

14. Чаши с плавно выгнутыми стенками и горизонтально отогнутым несколько утолщенным венчиком.

15. Небольшие лепные чашечки с невысокими вертикально поставленными слабо выгнутыми стенками и плоским дном.

Наряду с венчиками чаш имеется много донца, преобладают плоские, но встречаются также донца вогнутые, с кольцевым и дисковидным поддонами. Большинство донца с поддонами принадлежит черноглиняным экземплярам. Имеется один фрагмент черноглиняной чаши /?/ с округлым дном.

Бокалы.¹ Целых сосудов этого типа при раскопках не найдено, поэтому выделение отдельных форм довольно затруднительно. К бокалам, очевидно, принадлежат фрагменты верхних частей сосудов с прямыми круто поставленными стенками и небольшим диаметром венчиков. Известны редкие находки ножек бокалов двух типов. Первый – высокие цилиндрические². Бокалы на таких ножках являются ведущей формой в керамике античного периода Бактрии и Согда, несколько реже они встречаются в Хорезме и ещё реже в Маргиане. Сходство с бокалами из юго-восточных областей Средней Азии увеличивается благодаря наличию плотного красного ангоба. Другая разновидность ножек – полые конусовидные³.

1 При разделении сосудов на чаши и бокалы под бокалами подразумеваются сосуды, у которых диаметр венчика меньше или равен высоте /Кабанов, 1964, стр. 79/. Некоторые фрагменты венчиков, описываемые как принадлежащие чашам, в действительности могли принадлежать бокалам. Поэтому в табл. 2 сведения о находках венчиков чаш и бокалов суммированы.

2 Две такие ножки были найдены на холме № 7, одна на холме № 2. Ещё одна известна по подъёмному материалу из окрестностей холма Меджун-депе № 1.

3 Такие ножки могли принадлежать не только бокалам, но чашам и вазочкам. Основание для отнесения её к бокалам даёт некоторое её сходство с обломком парфянского бокала из Новой Нисы /Вязьмитина, 1949, стр. 153/, в то время как находки чаш или ваз на ножках для Парфии пока неизвестны.

Кухонные котлы и горшки. Часть этих сосудов, изготовленных из теста с примесью дресвы или шамота, закопчена, что указывает на их использование как котлов, другая часть — следов воздействия огня не имеет, поэтому может быть определена как горшки. По формам среди них выделяются следующие разновидности:

1. Котлы шаровидной формы без горловины. Загнутый внутрь венчик образован простым скруглением стенки или оформлен выступающим наружу округлым, а чаще уплощённым валиком. Диаметр венчиков от 15 до 31 см.

2. Котлы шаровидной формы с горизонтально отогнутым наружу плоским венчиком.

3. Котлы с невысоким отогнутым наружу венчиком. Венчик образован простым скруглением стенки, реже утолщён. Диаметр венчиков от 12,5 до 30 см. Наиболее часто встречаются котлы с диаметром венчиков от 18 до 24 см.

4. Котлы с невысокой цилиндрической или расширяющейся книзу горловиной. Плечики сосудов иногда крутые, но чаще пологие. Венчик имеет вид одного или двух выступающих наружу сомкнутых валиков. Реже он образован скруглением стенки или приострен. Один целый сосуд этого типа имеет округлое дно. Его размеры: дв — 23 см, ндт — 27,6, в — 21,5 см. В коллекции также встречаются небольшие плоские донца котлов.

5. Промежуточный тип котла между вторым и третьим. Шаровидное тулово венчает низкий вертикальный бортик. К этой разновидности относится целый котёл с округлым дном /холм № 3/: дв — 15 см, ндт — 18,5, в — 13,2 см. Близкий по форме котёл, найденный на холме № 2, имел плоское дно диаметром 10 см. Однако полностью склеить этот сосуд не удалось.

6. Котлы с валикообразным венчиком и полотистыми стенками.

7. Котлы с фасолевидным в сечении венчиком.

Жаровни. Это плоские лепные диски диаметром 30-45 см с невысоким вертикальным бортиком. На многих фрагментах внутренняя сторона прокалена на значительную глубину, в то время как на внешней стороне нет даже копоти. Это указывает на то, что жаровни употреблялись для переноски углей. Жаровни подобной формы были широко распространены в разные исторические эпохи /Воробьева, 1967, стр. II7/.

Крышки. Находки их немногочисленны и фрагментарны. Они имеют форму толстых лепных дисков разного диаметра.

В целом для керамики Гарры-Кяриза характерно хорошее качество выделки и обжига, большое разнообразие форм, что свидетельствует о её изготовлении опытными ремесленниками, работавшими на рынок.

Датировка

При датировке поселения Гарры-Кяриз можно опираться на монетные находки, данные стратиграфических наблюдений и сравнение его керамики с единственным наиболее полно опубликованным и точно датированным комплексом парфянской керамики из винохранилищ Старой Нисы^I. Опорным пунктом для всей датировки служит находка клада серебряных монет в слоях третьего периода обживания холма № 7. Время захоронения клада, как уже указывалось, относится к двадцатым годам II в. до н.э., поэтому

^I Автор присоединяется к мнению А.М.Мандельштама, что правильное решение вопроса датировки "возможно лишь при использовании прежде всего, и по возможности исключительно, только материалов данной ограниченной территории" /Мандельштам, 1966, стр. 137/, так как в обывании близких форм на разных территориях может наблюдаться значительный хронологический разрыв.

третий период обживания следует датировать второй половиной II - началом I в. до н.э. При датировке других периодов обживания возникают трудности, связанные с отсутствием точных данных о том, как быстро шло накопление культурных слоев и как долго продолжался тот или иной период обживания. Существующие в литературе определения сроков годности для жилья глинобитных и сырцовых построек весьма противоречивы - от 15 до 75 лет^I. /В.М.Массон, 1971, стр. 59-60/. Поэтому попытаемся определить время накопления слоев каждого периода исходя из стратиграфических наблюдений на самом памятнике и возможных хронологических определений. Керамика нижнего культурного слоя имеет мало общего с керамикой периода правления Ахеменидов. В ней отсутствуют сосуды цилиндроконической формы, характерные не только для керамики "ахеменидского" времени, но и для целого ряда "переходных" комплексов IV-III вв. до н.э., выделенных в Бактрии /Пугаченкова, 1966, стр.32-33/ и Маргиане /Усманова, 1969, стр. 16 и сл./. В подгорной полосе Копетдага исчезновение сосудов цилиндро-конической формы, видимо, происходило также постепенно /Усманова, 1969, стр.21/; Марущенко, 1956а, стр. 175-176/. По этим причинам нет оснований относить возведение первых построек на холме № 7 ко времени ранее середины III в. до н.э. В таком случае к отрезку времени с середины III в. до 125-120 гг. до н.э. относятся накопление культурных слоев первого, второго и отчасти третьего периодов обживания, т.е. на каждый из этих периодов приходится

I Эти данные относятся к постройкам раннеземледельческих культур. Постройки античного времени, имеющие иногда стены толщиной в 2-3 м, вероятно, могли существовать без капитальных перестроек столетия и более.

около 50-60 лет¹. Если эту цифру принять и для двух последних периодов, то время прекращения обживания памятника следует относить к середине или второй половине I в. до н.э. Таким образом, время обживания этого памятника /холма № 7/ укладывается в промежуток времени между серединой III в. до н.э. и рубежом нашей эры. При этом слои первого периода, по-видимому, можно относить ко второй половине III в. до н.э., слои второго периода к первой половине - третьей четверти III в. до н.э., слои третьего периода ко второй половине II - началу I в. до н.э. Последний период обживания следует датировать I в. до н.э. Этим предположениям не противоречит сопоставление керамики верхних слоёв с керамикой из ямы северного комплекса Старой Нисы, которая, благодаря совместной находке с остраконами, имеет точную датировку - середина I в. до н.э. /Крaшенинникова, 1963/. Для обоих комплексов характерны одни и те же фактурно-технологические группы. Различия сводятся лишь к тому, что в Нисе имеются лепные крышки с обильной примесью в тесте растительных остатков и отсутствует кухонная керамика. Но эти различия следует объяснять разным характером памятников: в одном случае это царские винохранилища со специализированным и ограниченным набором сосудов, в другом - жилой дом. Некоторые формы комплекса Старой Нисы находят близкие аналогии в керамике верхних слоёв холма № 7, что даёт основание для заключения об их хронологической близости².

1 Однако 50 лет - это средняя цифра и каждый из этих периодов мог соответствовать большему или меньшему отрезку времени. В частности, первый период обживания, вероятно, был менее продолжительным, чем второй, так как мощность культурных слоёв первого периода не превышает I, а второго - свыше 2 м. К тому же первая точка отсчёта - середина III в. до н.э. - определена нами весьма условно.

2 Конкретное сопоставление керамики Гарры-Кяриза и Нисы дано выше при описании отдельных форм.

Нижние слои холма № 3 по тем же причинам, которые были указаны при датировке нижних слоёв холма № 7, следует датировать временем не ранее середины III в. до н.э. Крошечный слой этого холма, видимо, не следует датировать позднее I в. н.э., так как он содержит черноглиняную керамику, исчезновение которой в разных областях Центральной Азии относится к I в. до н.э. /Марущенко, 1956, стр. 130-131; Рутковская, 1962, стр. 55, 61; Толстов, 1948, стр. 32-33; Гиришман, 1946, стр. 12, 13; Дьяконов, 1953, стр. 283-288; Пугаченкова, 1966, стр. 22; Тереножкин, 1950, стр. 156/. Датировку в этих хронологических пределах подтверждает, но не уточняет, находка драхмы Митридата II. Она найдена на верхнем полу /110 см/ помещения I/2, но этот пол перекрыт остатками рухнувшей стены, потому не исключено, что монета происходит из её кладки, т.е. относится к предшествующим периодам.

Некоторые формы третьего и четвертого периодов обживания /особенно третьего/ находят близкие аналогии в керамике Старой Нисы. В материалах из ямы в северном комплексе Старой Нисы /середина I в. до н.э./ имеются также же профили хумов и некоторых чаш. Там же имеются черноглиняные бокалы на невысокой конусовидной ножке и сливы с рогообразными отростками.

Сопоставление керамических комплексов холмов № 3 и 7 показывает их большое сходство как по фактурно-технологическим показателям, так и по формам, и даёт основание предполагать, что оба эти памятника существовали одновременно и выделенные для каждого из них периоды обживания имеют близкую датировку /см. рис. 35 /.

Керамический комплекс, полученный при раскопках холма № 2, невелик и не даёт оснований для уточнения датировки памятника в

пределах хронологических границ, предложенных для всего поселения^I. По этим же причинам не может быть уточнена и внутренняя хронология памятника. Можно лишь указать, что первый период обживания был не очень длительным, так как все отмеченные здесь перестройки связаны с одним, низким уровнем пола; деревянные стойки, установленные в юго-восточной части коридора, имели хорошую сохранность и во второй период обживания.

Постройки на месте малых всхолмлений также следует датировать лишь в пределах общей датировки поселения.

I Так как датировка отдельных слоев основана на ряде допущений, то при определении общих хронологических границ существования поселения во избежание ошибок, нельзя полностью исключить возможность продолжения жизни на поселении в I в. н.э. Таким образом, поселение парфянского времени в местности Гарры-Кяриз следует датировать второй половиной III в. до н.э. - I в. н.э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработка проблемы общественного строя древних народов Средней Азии и других стран эллинистического Востока имеет большое современное значение, так как в методическом подходе к её решению и теоретических выводах отчётливо прослеживается столкновение двух идеологических концепций. Многие буржуазные историки исходя из теорий, имеющих в своей основе идеалистическое понимание закономерностей исторического процесса, отказываются видеть на древнем Востоке черты прогрессивного общественного развития, что находится в резком контрасте с положениями исторического материализма о поступательном развитии человеческого общества и учением об общественно-экономических формациях.

Вопрос о характере общественных отношений в Средней Азии античного периода очень сложен и при современном состоянии письменных и археологических источников во многом продолжает оставаться дискуссионным. Существуют три основные точки зрения. Первая — уже в эпоху походов Александра Македонского в Средней Азии доминировали феодальные отношения. Теория эта не нова. Первым из западных учёных, характеризовавшим Парфию как феодальное государство, был Эдуард Гиббон, живший во второй половине XVIII в. /Белова, 1969, стр. 85/. Она является господствующей среди буржуазных историков /Тари, 1932, 1951, стр. 32; Ростовцев, 1936; Фрай, 1956, стр. 118/ и широко была распространена в советской исторической литературе 20-х годов.

Однако в дальнейшем в результате первых успехов в изучении конкретных археологических культур Средней Азии и овла-

дения историками теорией исторического материализма, всеобщее признание /среди советских историков/ получила другая точка зрения — в античный период в Средней Азии господствующими были рабовладельческие отношения. Однако все исследователи, придерживающиеся этой гипотезы, подчёркивают, что рабовладельческие отношения в Средней Азии существенно отличались от "античного рабства" Греции и Рима и общественные отношения этого периода часто характеризуются как общинно-рабовладельческий строй /Толстов, 1948, стр. 48; Периханян, 1952; М.Е.Маосон, 1955, стр. 36-40; Литвиноский, 1963; В.М.Маосон, 1968/.

В последние годы в исторической литературе вновь широко обсуждается вопрос о существовании на Востоке особого азиатского способа производства¹.

Наиболее аргументированной представляется вторая точка зрения, которой придерживается большинство исследователей истории Средней Азии. Но ей в значительной мере присущ схематизм /Беленицкий, 1970; Зеймаль, 1971, стр. 53-55 /, обусловленный недостатком фактического материала, поэтому детальная характеристика социально-экономической структуры наиболее развитых областей Средней Азии во многом зависит от новых археологических исследований, которые могут дать конкретный материал для палеоэкономических реконструкций и одновременно расширить круг письменных источников.

Одно из важных направлений этих исследований — изучение сельских поселений, которое может дать ключ к решению многих вопросов древних социально-экономических отношений. Археологические работы на территории Южного Туркменистана позволяют уточнить

¹ Вопросу общественных отношений в странах Востока посвящена обширная литература. См., например; Общее, 1966; Проблемы, 1971; Качановский, 1971, и др.

и расширить круг источников по аграрной истории, конкретизировать наши представления об облике сельской Парфии. Сплошное обследование территории области позволило уточнить число сельских поселений парфянского времени и дать их первичную классификацию.

Существование нескольких типов поселений /усадьба, отдельно стоящий дом, поселение с плотной застройкой, поселение рассредоточенного типа, памятник особого назначения/ свидетельствует о неоднородности социальной структуры сельского поселения Парфии. В предварительном порядке можно наметить связь некоторых типов поселений с определёнными социальными группами парфянского общества. Например, усадьбы отличаются относительно крупными размерами, наличие автономной системы обороны — мощных внешних стен, иногда, вероятно, усиленных башнями, одиночное расположение на значительном расстоянии друг от друга, что, по-видимому, определяется крупными размерами земельных участков, находящихся в распоряжении их владельцев, наличие в ряде случаев примыкающих к усадьбам поселений. На основе этих признаков усадьбы можно предположительно рассматривать как имения земледельческой и служилой знати. Часть памятников особого назначения таких, как Мансур-депе, может быть сопоставлена с храмами /*ʿuzn* /, упоминания о которых содержатся в нисийских документах /Дьяконов, Лившиц, 1966, стр. 152-153/. В них упоминаются храм Нанайи /*āyazan Nanaistwakān* /, храм Фраата /*āyazan Frahātak[an?]* /, и ряд безымянных храмов.

Наиболее полно к настоящему времени исследованы поселения рассредоточенного типа, в первую очередь Гарри-Кяриз, что позволяет высказать некоторые суждения о социальном положении их обитателей. При этом, правда, необходимо подчеркнуть, что

предлагаемые выводы, ввиду ограниченности имеющегося материала, носят предварительный и во многом гипотетический характер.

Раскопки показали, что группы из нескольких холмов с керамикой парфянского времени на поверхности это не случайное скопление памятников, а определенный тип поселения. При раскопках Гарри-Кяриза, наряду с жилыми домами, обнаружено здание общественного назначения, которое объединяет поселение в одно целое.

Размеры, планировочная структура построек, взаимосвязь комнат, наличие одного хозяйственного двора, отсутствие очагов в помещениях и характер распределения находок указывает, что каждый жилой дом являлся единым хозяйственным комплексом /домохозяйством/ и принадлежал одной большой семье или несколькими неразделённым семьям братьев^I, а весь памятник можно рассматривать как поселение агнатической группы, традиционность которой в Иране и Средней Азии подтверждается данными письменных источников для последующего сасанидского периода /Периханиян, 1968/. Крупные размеры раскопанных домов /до 500 кв.м/ и характер находок /обилие керамики, особенно хумов, монеты, печати и их оттиски/ указывают на экономическую самостоятельность и даже зажиточность их хозяев. Важно отметить наличие на поселении нескольких крупных домов примерно одинаковых по размерам, что свидетельствует о хозяйственной самостоятельности и общественной равнозначности каждой семьи.

Если попытаться сопоставить данные раскопок поселений рассредоточенного типа со сведениями известных среднеазиатских

I Малые всхолмления, вероятно, также являются жилищами отдельных семей, но малочисленных и экономически слабых.

письменных источников об административной и социальной структуре общества этого времени, то наиболее удачным, по-видимому, будет сопоставление раскопанных домов с "домами-семьями", упоминаемыми в одной группе хорезмийских документов с Топраккала /Лившиц, 1971, стр. 102-104/. Эти документы, относящиеся к концу II - началу III в. н.э., являются списками лиц мужского пола подобных "домов-семей". Содержание их однотипно-перечисляются свободные члены семьи, рабы самого домовладельца и рабы членов его семьи. Например, "в доме Гавишмава" /документ № 8/ насчитывался 21 мужчина: домовладыка, два сына, зять и 17 рабов, в том числе 12 рабов домовладыки и его сыновей /и зять?/, 2 раба их жён, 2 раба несовершеннолетних внуков и один раб детей наложниц домовладыки" /Лившиц, 1971, стр. 103/.

Основанием для привлечения топраккалинских документов для реконструкции социальных отношений в Северной Парфии может служить типологическое сходство поселений Хорезма и Парфии, о чём подробнее будет сказано ниже. Кроме того, на некоторых оттисках печатей из Старой Нисы имеется надпись: *ātur* ВУТ... /огонь дома такого-то/, свидетельствующая о том, что эти печати принадлежали главам подобных "домов-семей" /М.М. Дьяконов, 1954, стр. 173/, причём важно отметить, что для обозначения "дома-семьи" в документах из Топрак-калы и надписях на печатях из Нисы употреблена одна и та же арамейская идеограмма "ВУТ".

В качестве ещё одного косвенного доказательства в пользу такого сопоставления можно использовать данные о клеймении кирпичей, которые, по-видимому, являются личными знаками ра-

ботников¹. При разборе остатков верхнего здания на холме № 7 поселения Гарри-Кяриз зафиксировано 8 типов клейм /а с учётом вариантов-14/, что можно принять как свидетельство того, что в изготовлении кирпичей принимало участие по крайней мере 8 человек. В данном конкретном случае важно отметить, что наряду с клейменными кирпичами, употреблялись блоки, лишенные каких-либо знаков. Возникает вопрос - чем вызвана такая непоследовательность в проставлении клейм? Одно из возможных решений - кирпичи с клеймами изготавливались рабами, а кирпичи без клейм - членами семьи домовладыки, в учёте производительности труда которых не было надобности.

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод - дома принадлежали свободным парфянским семьям, которые, очевидно, входили в одну общину. Но принадлежность к определённой общине или, по крайней мере, групповое расселение в это время, судя по наличию отдельно стоящих домов /см. классификацию/, уже считалось необязательным.

Рассмотрим теперь вопрос об "удельном весе" поселений рассредоточенного типа, их территориальном и хронологическом распространении. Для Парфяны в настоящее время известны 52 сельских поселения, поддающихся типологическому определению. Среди них усадеб - 3, отдельно стоящих домов - 28, поселений с компактной застройкой - 3, поселений рассредоточенного типа - 12. На первый взгляд, кажется, что наиболее многочисленным типом парфянских сельских поселений являются отдельно стоящие

¹ Параллели такому назначению клейм на кирпичах можно найти в этнографическом материале. Знаки-метки, наносимые с целью распознавания продукции отдельных работников, до недавнего времени употреблялись в среде керамистов и кожевников Средней Азии /Пешерега, 1959, стр. 109-113/.

дома. Однако, если учесть, что поселения рассредоточенного типа, представляющие собой компактные группы отдельных домов, состоят из 3-13 отдельных домохозяйств, то становится ясно, что наиболее значительную группу сельского населения Парфяны составляли жители поселений рассредоточенного типа.

В соседней Апавартикене сплошное обследование памятников ещё не проводилось. Поэтому мы располагаем неполными сведениями о рассредоточенных поселениях этой области. Два таких поселения известны к северу от Артыка в окрестностях городища Чугундор. Ещё одно отмечено М.Е. Массоном под названием "парфянская стоянка" к югу от станции Каушут. В этой группе отдельные мелкие всхолмления расположены южнее прямоугольного в плане холма, возможно, также относящегося к парфянскому времени /М.Е. Массон, 1951, стр. 30, рис.26/. Огромное поселение рассредоточенного типа, занимающее площадь свыше 1 кв. км и состоящее примерно из пяти десятков отдельных всхолмлений, находится к юго-востоку от ж.д. ст. Арман-Сагат. Сведения о планировке сельских поселений Маргианы и Дахистана отсутствуют.

Поселения рассредоточенного типа хорошо известны и для ахеменидского периода. Они имеются в Маргиане /М.Е. Массон, 1966, стр. 70/, Серахском оазисе /Оразов, 1973, стр. 20, 45, 46, 51/ и составляют основной тип поселений в низовьях реки Теджен^I /Качурис, 1966/. Подобный тип расселения характерен для окрестностей Елькен-депе /Марущенко, 1959, стр. 58/, причем ин-

^I Необходимо, однако, указать, что некоторые из этих поселений, например, Яшгуч-депе; видимо, имели внешнюю обводную стену /Рахманова, 1964, стр. 10; Усманова, 1969, стр. 46/.

терасно отметить, что там поселение ахеменидского времени соседствует с поселением парфянского времени /уже упоминавшаяся выше "стоянка" у Каушута/, имеющим точно такую же планировочную структуру.

В раннесредневековый период ведущим типом сельских поселений становится крупная усадьба /Губаев, 1967, стр. 3-5 /. Поселения рассредоточенного типа исчезают, хотя у некоторых поселений окружающих замок, продолжает сохраняться подобная планировочная структура.

Подобный тип поселений в античный период был характерен не только для Южного Туркменистана. Можно указать на хронологически и типологически близкую группу памятников в Хорезме. В числе их, например, хорошо известные усадьбы Аязкалы, определявшиеся С.П. Толстовым как "отдельные патриархального типа большесемейные общины, видимо, близкие к типу античной familia, живущих в больших домах отдельными, хотя ещё и связанными друг с другом усадьбами" /Толстов, 1948, стр. 104/. Этот тип поселений в Хорезме был распространён также достаточно широко /Неразик, 1966, стр. II-12; Воробьёва, 1970/ и его хронологическая трансформация прослеживается здесь четче, чем в Парфии. В конце античного периода он вытесняется другим типом поселений в виде больших зданий с секционной внутренней планировкой, получившим широкое распространение в более поздний, афригидский период истории Хорезма /Воробьёва, 1970, стр. 79/.

Таким образом, можно констатировать, что для ахеменидского и античного периодов характерно существование однотипных сельских поселений, что в совокупности с общностью

административной структуры /Лившиц, 1962, стр. 18, 41, 48/^I должно указывать на сходство в социально-экономическом устройстве. В то же время типология сельских поселений Парфены, как и Хорезма, резко отличается от типологии поселений раннесредневекового периода, причем эти различия носят качественный характер. Подобные резкие изменения наблюдаются во многих областях материальной и духовной культуры при переходе от античности к раннему средневековью, что, как уже не раз отмечалось многими исследователями, служит убедительным аргументом в пользу признания существенных отличий в социальной структуре античного и раннесредневекового обществ.

I См. также выступление В.А.Лившица при обсуждении доклада А.М.Беленицкого на V совещании по проблемам археологии Средней Азии /КСИА, 122, стр. 75/.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ	- "Вестник древней истории".
ГИМ	- Государственный исторический музей.
ИМКУ	- "История материальной культуры Узбекистана".
КСИА	- "Краткие сообщения Института археологии АН СССР"
КСИМК	- "Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР".
КСИЭ	- "Краткие сообщения Института этнографии АН СССР",
МИА	- "Материалы и исследования по археологии СССР".
НЭ	- "Нумизматика и эпиграфика".
ОНУ	- "Общественные науки в Узбекистане".
СА	- "Советская археология".
САГУ	- Среднеазиатский государственный университет.
СОН	- Серия общественных наук.
ТГУ	- Туркменский государственный университет.
ТИИАЭ АН ТССР	- "Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркм. ССР".
ТХЭ	- "Труды Хорезмской экспедиции."
ТЮТАКЭ	- "Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции".

S U M M A R Y

This work is one of the first researches devoted to studying material culture of Parthian rural settlements. Results of many years excavation Garri-Cariz situated about 60 km north-westwards from Ashkhabad are summarised and some aspects of material culture and agricultural history of Parthian are touched.

Large houses about 500 m² and a public building are excavated in theses settlements. There are some interesting facts about the architecture of Parthian settlements. Materials of excavations show various aspects of life. There are some data showing their engagement in agriculture, cattle-breeding and subsidiary handicraft. Different finds including ceramics and hidden treasure of silver coins II B.C. are analysed and described in detail.

In the conclusion the author gives value information about spreading of such settlements as Garri-Cariz and produces arguments in favour of definition to Garri-Cariz as a settlement of a free parthian community.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабаев И.А., Казиев С.М. Кабалинский клад монет эллинистического времени. НЗ, т.9.М., 1971.
- Беленицкий А.М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента /1951-1953 гг/. МИА, № 66, М.-Л., 1958.
- Беленицкий А.М. О "рабовладельческой формации" в истории Средней Азии. КСИА, вып.122. М., 1970.
- Белова Н.К. Историография Парфяно-Сасанидского Ирана. В сб.: Историография стран Востока. М., 1969.
- Бентович И.Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента, МИА, 124, М.-Л., 1964.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950.
- Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л., 1963.
- Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода. В кн.: Керамика Хорезма. ТХЭ, т.4. М., 1959.
- Воробьева М.Г. Керамика. В кн.: Кой-Крылган-кала. М., 1967.
- Воробьева М.Г. Археологические памятники Хорезма античного периода как источник для реконструкции социально-экономических процессов. КСИА, вып.122. М., 1970.
- Воронина В.Л. Строительная техника древнего Хорезма. ТХЭ, т.1. М., 1952.
- Воронина В.Л. Древняя строительная техника Средней Азии. "Архитектурное наследие", вып.3. М., 1953.
- Вязьмитина М.И. Археологическое изучение городища Новая Ниса в 1946 г. ТКТАКЭ, т.1. Ашхабад, 1949.

- Гражданкина Н.С. Из истории гончарного ремесла в Узбекистане./Результаты химико-технологического исследования бытовой черн-ангобированной керамики/.ИМКУ, вып.8. Ташкент, 1969.
- Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. КСИЭ, вып.24. М.,1955.
- Губаев А. Поселения сасанидского времени в Южном Туркменистане. Автореф.канд.дис. Л., 1967.
- Губаев А.,Кошелев Г.А. Изучение античных и раннесредневековых памятников. В об.: Каракумские древности, вып.1. Ашхабад,1968.
- Гутляев Г. Раскопки на холме Чиялык /Чыглык-депе/. В об.: Каракумские древности, вып.4. Ашхабад, 1972.
- Дресвянская Г.Я. Стратиграфия "овального" дома христианской общины в Мерве."Известия АН СССР", СОН, 1969, № 1.
- Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган /Кобадиян/. МИА, 37, М.-Л.,1953.
- Дьяконов М.М. Надписи на парфянских печатях из древней Нисы. ВДИ, 1954, № 4.
- Дьяконов М.М.,Лившиц В.А. Новые находки документов в Старой Нисе. Переднеазиатский сборник. М., 1966.
- Дьяконов М.М. Древняя Бактрия.-В кн.:По следам древних культур.М., 1954.
- Ермолова Н.М. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении. В об.: Каракумские древности, вып.3,Ашхабад,1970.

- Ермолова Н.М. Остатки млекопитающих из древних памятников Южной Туркмении по раскопкам 1970 г. В сб.: Каракумские древности, вып. 4, Ашхабад, 1972.
- Куков В.Д. Материалы к изучению баш-тепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса. Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1956.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы, МИА, 118, М.-Л., 1962.
- Зеймаль Т.И. Древние и средневековые каналы Вахшской долины. В сб.: Страны и народы Востока, вып. 10, М., 1971.
- Кабанов С.К. Ареал и эволюция двух древних керамических форм. СА, 1964, № 3.
- Капанадзе Д.Г. Родовой знак багратидов на грузинских средневековых монетах. Нумизматический сборник, 2, Труды ГИМ, вып. 26, М., 1957.
- Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. М., 1971.
- Качурис К. К изучению Овлядепинского оазиса в нижнем течении р. Теджен. КСИА, вып. 108, 1966.
- Качурис К. Раскопки на Елькен-депе в Южном Туркменистане. В сб.: Археологические открытия 1966 года. М., 1967.
- Качурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-кала. ТОТАКЭ, т. 12, Ашхабад, 1963.
- Кошеленко Г.А. Раскопки на поселении Джин-депе в 1961 г. КСИА, вып. 95, М., 1963.
- Кошеленко Г.А. Парфянская фортификация. СА, 1963а, № 2.

- Кошеленко Г.А. Архитектура жилищ грецеских городов Парфии. В сб.: "Античный город". М., 1963б.
- Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966.
- Кошеленко Г.А. Монетное дело Парфии при Митридате I. НЭ, IO, М., 1972.
- Кошеленко Г.А., Пилипко В.Н. Исследование парфянского святилища в окрестностях Нисы. В сб.: "Караушские древности", вып. 2, Ашхабад, 1968.
- Крашенинникова Н.И. К вопросу о взаимосвязи "Круглого храма" с так называемой "башней Старой Нисы". "Известия АН ТССР", СОН, 1960, № 4.
- Крашенинникова Н.И. Отвал битой тары середины I в. до н.э. из винохранилищ Старой Нисы. "Известия АН ТССР", СОН, 1963, № 5.
- Крашенинникова Н.И., Пугаченкова Г.А. Круглый храм парфянской Нисы. СА, 1964, № 4.
- Лившиц В.А. Юридические документы и письма. Согдийские документы с горы Муг, вып. 2, М., 1962.
- Лившиц В.А. Землевладение и аграрные отношения в Туркменистане в период раннего средневековья в IV-VII вв. В кн.: Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад, 1971.
- Литвинский Б.А. Социально-экономический строй древней Средней Азии. В кн.: История таджикского народа, т. I. М., 1963.
- Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. МИА, 136. М.-Л., 1966.
- Марков А.К. Неизданные арсакидские монеты. СПб., 1892.
- Маруценко А.А. Хосров-кала. Отчет о раскопках 1953 года. ТИИАЭ АН ТССР, т. 2. Ашхабад, 1956.
- Маруценко А.А. Старый Серахс. Отчет о раскопках 1953 г. ТИИАЭ АН ТССР, т. 2. Ашхабад, 1956а..

- Марущенко А.А. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана. ТИИАЭ АН ТССР, т.5. Ашхабад, 1959.
- Масон В.М. Хумы Нисы. ТЮТАКЭ, т.2. Ашхабад, 1953.
- Масон В.М. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. ТЮТАКЭ, т.7. Ашхабад, 1956.
- Масон В.М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным, ВДИ, 1955, № 2.
- Масон В.М. Племена и народности Туркменистана в VI-IV вв. до н.э. В кн.: История Туркменской ССР, т.1, кн.1. Ашхабад, 1957.
- Масон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, 73. М.-Л., 1959.
- Масон В.М. К вопросу об общественном строе древней Средней Азии. В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Масон В.М. Поселение Джейтун. МИА.Л., 1971.
- Масон М.Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция /ЮТАКЭ/ 1947. ТЮТАКЭ, т.2. Ашхабад, 1951.
- Масон М.Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. ТЮТАКЭ, т.5. Ашхабад, 1955.
- Масон М.Е. Из работ ЮТАКЭ в 1962 году. "Известия АН ТССР", СОН, 1963, № 3.
- Масон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр /в пределах Туркменской ССР/. ТЮТАКЭ, т.13. Ашхабад, 1966.

- Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Оттиски парфянских печатей из Нисы. ВДИ, 1954, № 4.
- Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
- Обельченко О.В. Курганные погребения первых веков н.э. и кенотафы Куя-мазарского могильника. Труды САГУ. Археология Средней Азии, вып.4. Ташкент, 1957.
- Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.
- Оразов О. Археологические и архитектурные памятники Серахского оазиса. Ашхабад, 1973.
- Периханян А.Г. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. ВДИ, 1952, № 4.
- Периханян А.Г. Агнатические группы в древнем Иране. ВДИ, 1968, № 3.
- Пещерева Е.М. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. Ташкент, 1927.
- Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М.-Л., 1959.
- Пилипко В.Н. Исследование памятников античного времени в районе Геок-Тепе. В сб.: Каракумские древности, вып.1. Ашхабад, 1968.
- Пилипко В.Н. Раскопки парфянского сельского поселения в Геоктепинском районе. В сб.: Каракумские древности, вып.2. Ашхабад, 1968а.

- Пилипко В.Н. Раскопки парфянского сельского поселения в местности Гарры-Кяриз /Парфяна/. В сб.: Каракумские древности ,вып.3. Ашхабад,1970.
- Пилипко В.Н. Оттиски печатей на парфянских хумах.. "Памятники Туркменистана",1970а, № 2.
- Пилипко В.Н. Раскопки в Северной Парфяне.В сб.: Археологические открытия 1970 года'. М.,1971.
- Пилипко В.Н. Исследование античных поселений Парфяны в 1970 году. В сб.: Каракумские древности ,вып.4. Ашхабад, 1972.
- Пилипко В.Н. Памятники парфянского времени в районе Аннау."Известия АН СССР",СОН,1973,№ 5.
- Пилипко В.Н. Стратиграфия холма № 7 на поселении Гарры-Кяриз.В сб.: Каракумские древности , вып.5. Ашхабад, 1975 /в печати/.
- Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971.
- Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. ТЮТАКЭ, т.6. М., 1958.
- Пугаченкова Г.А. Своды в архитектуре Южного Туркменистана.ТЮТАКЭ, т.8. Ашхабад, 1958а.
- Пугаченкова Г.А. Мервские геммы-инталии. ТЮТАКЭ,т.12. Ашхабад, 1963.
- Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент, 1966.
- Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана.М., 1967.
- Пугаченкова Г.А. К изучению памятников Северной Факрии. ОНУ, 1968, № 8.

- Рахманова Р.М. Средняя Азия У-IV вв. до н.э. и поход Александра Македонского. Автореф. канд. дис. Л., 1964.
- Росляков А.А. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. ТУТАКЭ, т. 5. Ашхабад, 1955.
- Росляков А.А. Глиняная печать из села Изганд. ТУТАКЭ, т. 5. Ашхабад, 1955а.
- Росляков А.А., Лерякулов О. Древности села Кеши. "Ученые записки ТГУ", вып. 3. Ашхабад, 1955.
- Росляков А.А., Ибрафилов Т. Городище Арман-кала. "Ученые записки ТГУ", вып. 14. Ашхабад, 1958.
- Рутковская Л.М. Античная керамика древнего Мерва. ТУТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1962.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. МИА, 101. М., 1961.
- Ставиский Б.Я. Основные итоги раскопок Кара-Тепе в 1963-1964 гг. В кн.: Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
- Тереножкин А.И. Согд и Чач. КСИИМК, вып. 33. М.-Л., 1950.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Трудновская С.А. Изделия из металла, кости, камня, стекла и других материалов. В кн.: Кой-Крылган-кала - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. - IV в. н.э. М., 1967.
- Трудновская С.А. Печати. В кн.: Кой-Крылган-кала - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. - IV в. н.э. М., 1967а.
- Усманова З.И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала. ТУТАКЭ, т. 12. Ашхабад, 1963.

- Усманова З.И. Эрк-кала. ТЮТАКЭ, т.12. Ашхабад, 1963а.
- Усманова З.И. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы. ТЮТАКЭ, т.14. Ашхабад, 1969.
- Филанович М.И. Сырцовые кирпичи с клеймами из древнего Мерва. "Известия АН ТССР", СОН, 1961, № 1.
- Фрай Р. К вопросу о падении Парфянского царства. ВДИ, 1956, № 4.
- Цалкин В.И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966.
- Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Средней Азии. Сообщение 2. Бюллетень Московского общества испытателей природы, т.75, вып.2. М., 1970.
- Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып.46. Махачкала, 1929.
- Якубовский А.Ю. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946-1947 гг. Труды Согдийско-Таджикской экспедиции, т.1. ММА, 15. М.-Л., 1950.
- Гиршман R.GHIRSHMAN. Iran parthians and sassanians. London, 1962.
- Курье и Фуссман R.CURIELET et G.FUSSMAN. Le tresor monetaire de Qundus. Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan, XX. Paris, 1965.
- Ле Риде G.Le RIDER. Suse sous les Séleucides et les Parthes. Mémoires de la Mission archéologique en Iran, XXXVIII. Paris, 1965.

- Миннс** E.H.MINNS. Parchment of the Parthia Period from Avroman in Kurdistan.The Journal of hellenic studies,XXXV.London, 1915.
- Морган** J.de MORGAN. Numismatique de la Perse antique.Paris,1927.
- Рос** W.WROTH. Catalogue of the coins Parthian.London,1903.
- Ростовцев** M.ROSTOVITZEFF. The Sarmatae and Parthians. The Cambridge Ancient History, XI.Cambridge,1936.
- Тарн** W.W.TARN. Parthia. The Cambridge Ancient History,IX.Cambridge,1932.
- Тарн** W.W.TARN. The Greeks in Bactria and India. Cambridge,1951.

О Г Л А В Л Е Н И Е

В в е д е н и е	5
Глава I. Стратиграфия и планировка	13
Глава II. Находки и датировка	53
Находки, свидетельствующие о хозяй- ственных занятиях обитателей посе- ления.	53
Украшения и прочие бытовые находки	63
Монетные находки.	71
Керамика.	78
Датировка	94
З а к л ю ч е н и е	99
Принятые сокращения	108
Л и т е р а т у р а	110

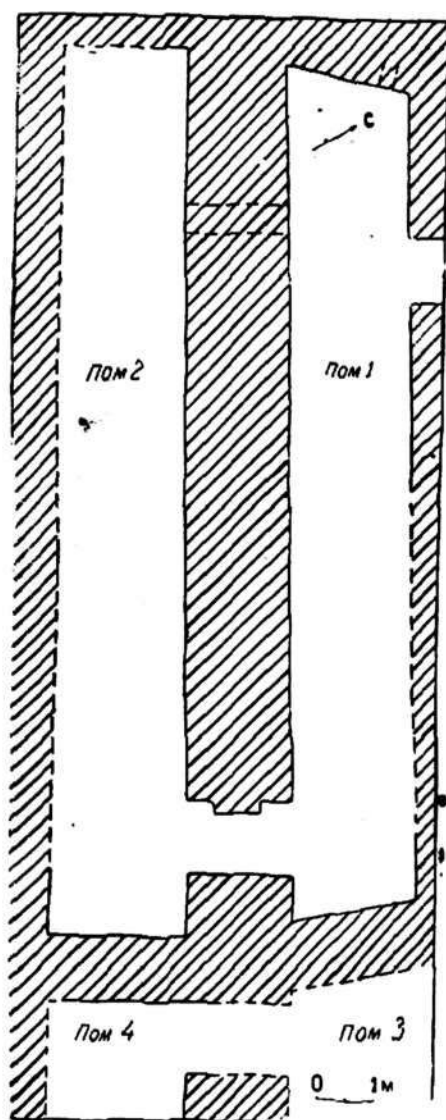


Рис. 2. Холм № 1. План раскопа.

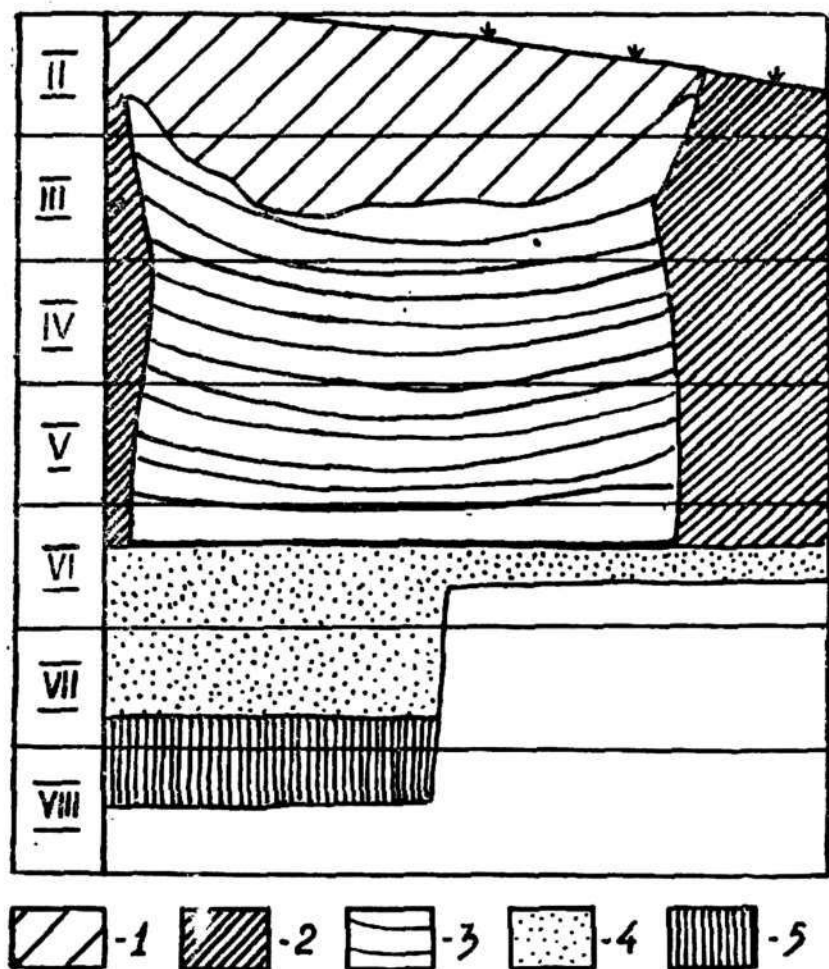


Рис. 3. Холм № 1. Поперечный разрез помещения 1:
 1 — завал; 2 — стены; 3 — рыхлый культурный слой с гумусными
 прослойками и остатками промазок полов; 4—песок; 5—суглинок.

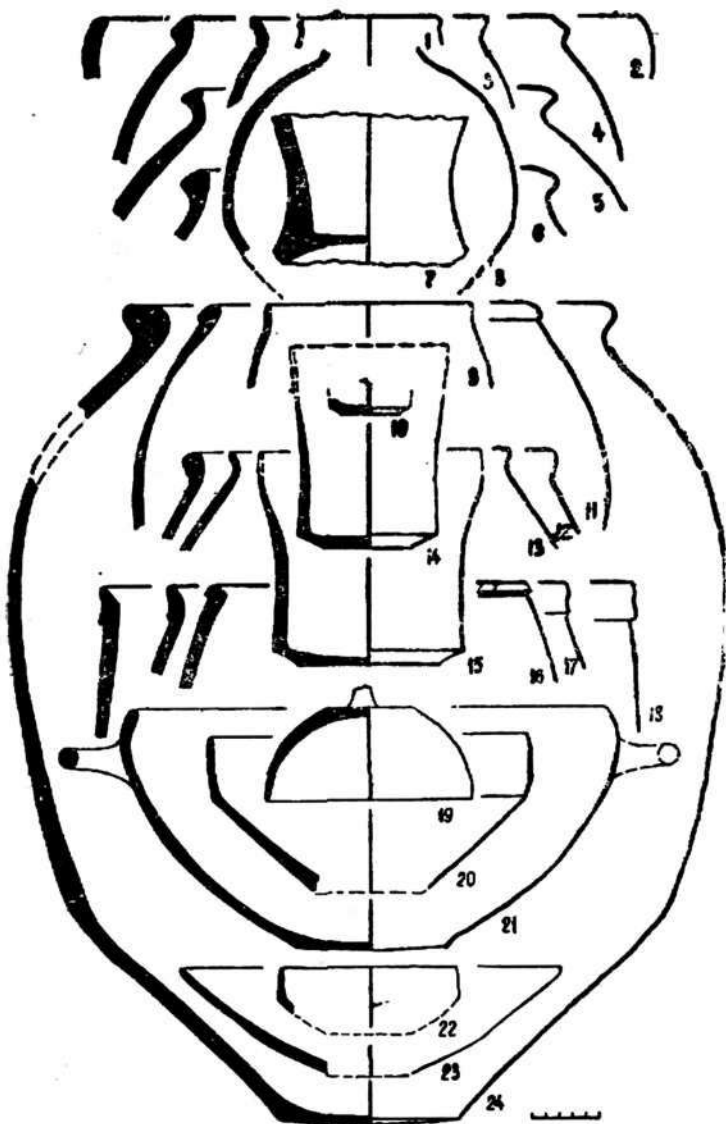


Рис. 4. Холм № 1. Керамика нижнего слоя.

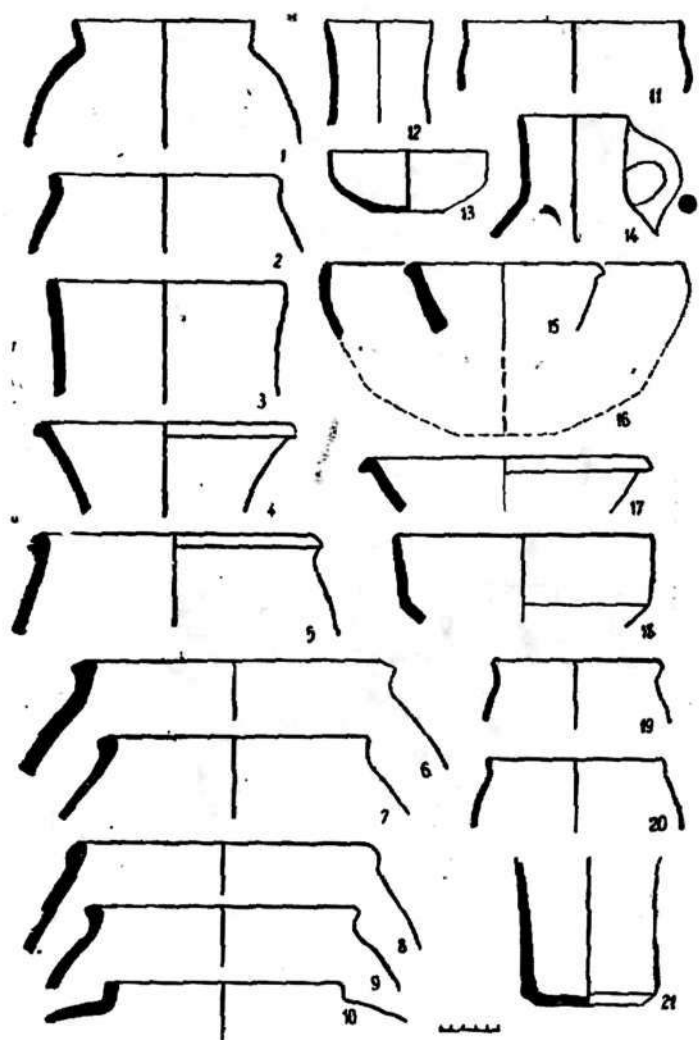


Рис. 5. Холм № 1. Керамика верхнего слоя.

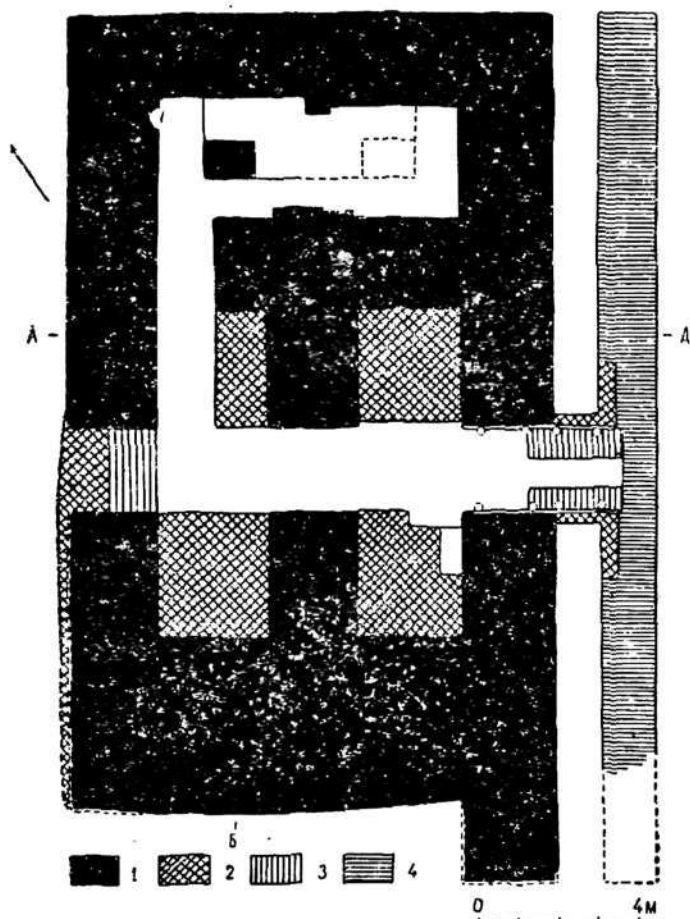


Рис. 6. Холм № 2. План здания первого периода обживания;
1 — стены первоначального здания; 2 — перестройки
второго этапа; 3 — перестройки третьего этапа; 4 — пере-
стройки четвертого этапа.

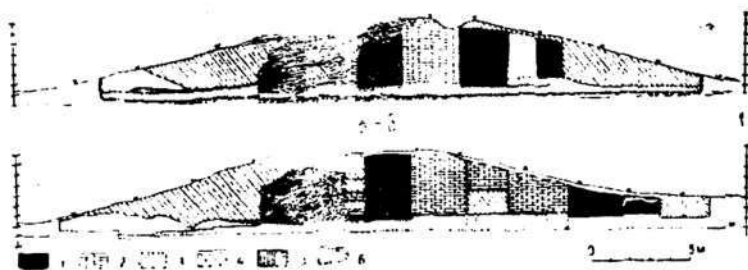


Рис. 7. Холм № 2. Разрезы;
1 — стены первоначального здания; 2 — закладки из сырцового
кирпича; 3 — завал; 4 — культурный слой со следами пожара;
5 — плотная глина; 6 — песок.

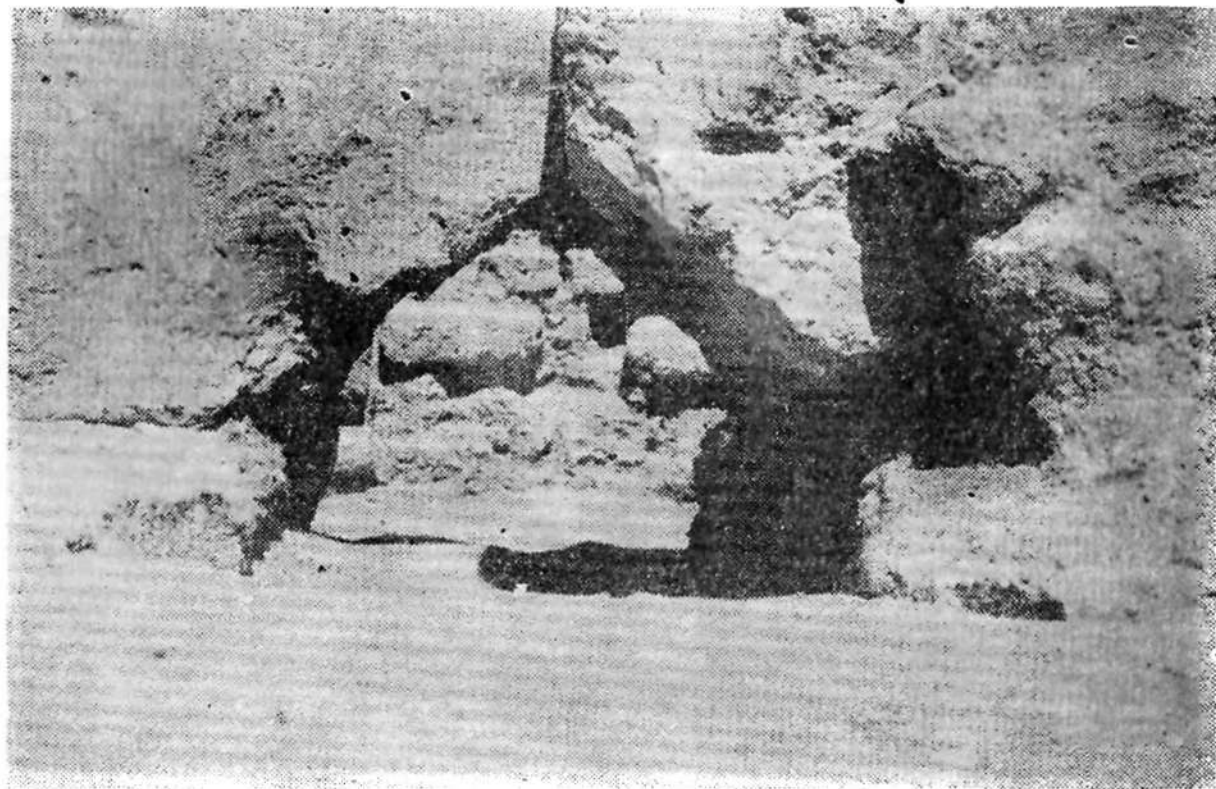


Рис. 8. Холм № 2. Остатки прохода в юго-восточной части коридора.

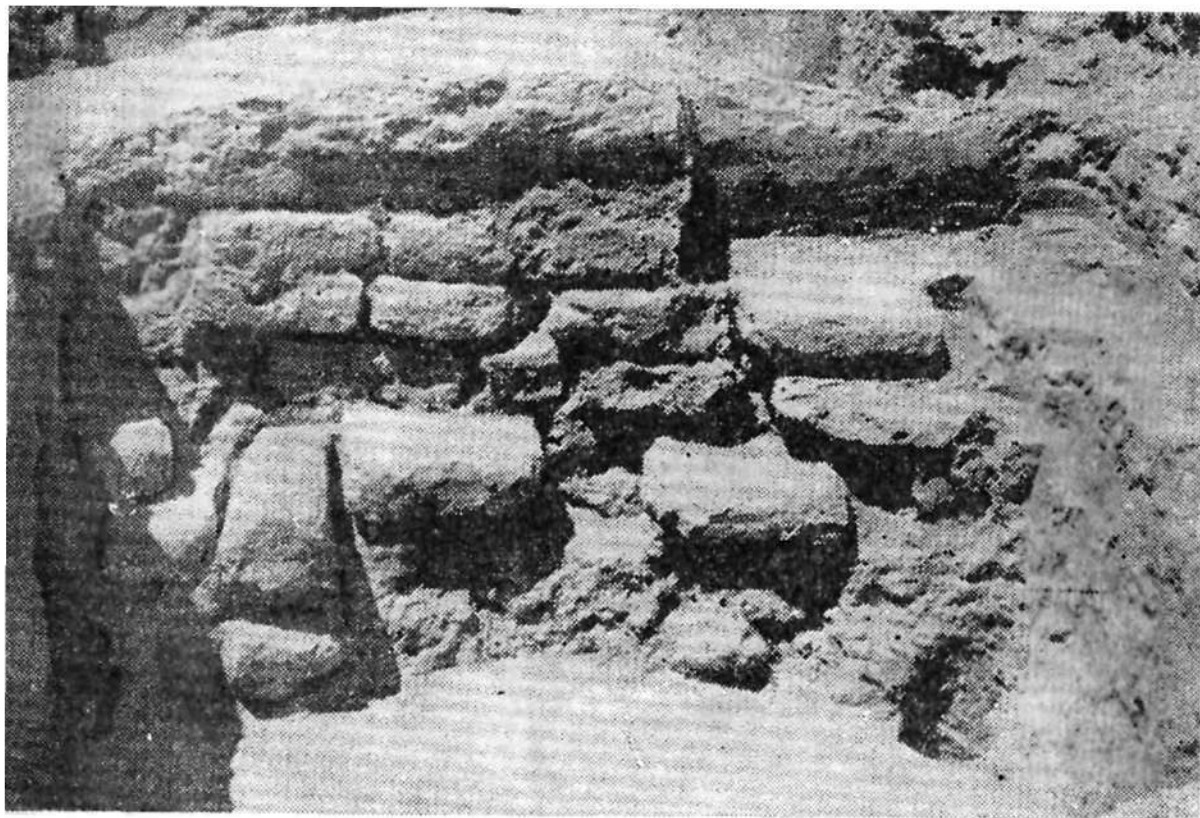


Рис. 9. Холм № 2. Следы стоек и поздние закладки в коридоре.

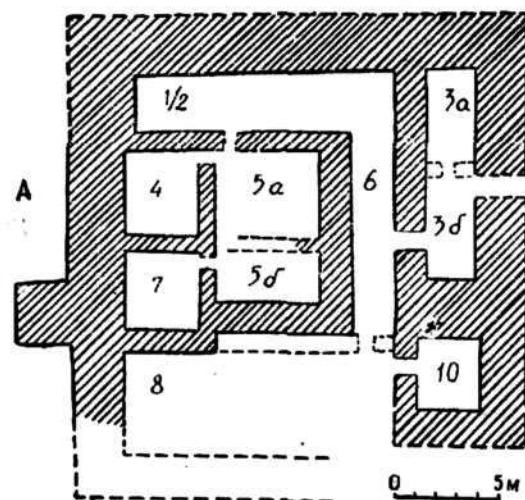
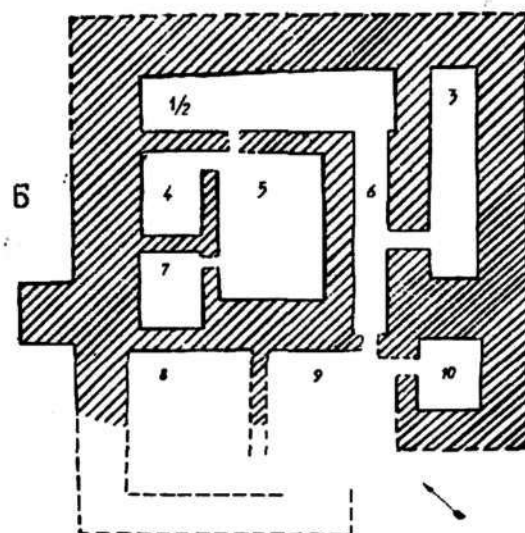


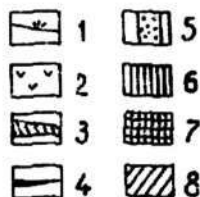
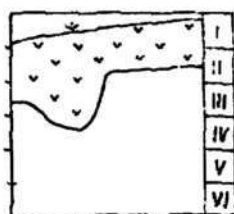
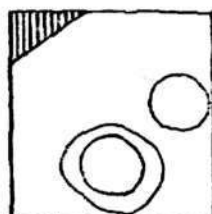
Рис. 10. Холм № 3. План здания на II (А) и III (Б) периодах обживания.

ХОЛМ 4



ПЛАН

РАЗРЕЗ С-Ю



0 2М

ХОЛМ 5



ХОЛМ 14

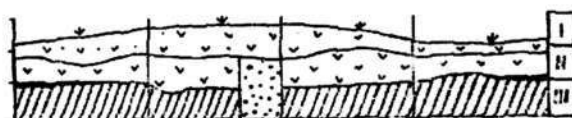


Рис. 11. Шурфы на холмах № 4, 5, 14;
 I — «пушонка»; 2 — рыхлый культурный слой; 3 — мусорный слой; 4 — зола; 5 — яма, заполненная гравием; 6 — глинобитная структура; 7 — остатки стен; 8 — суглинок (материк).

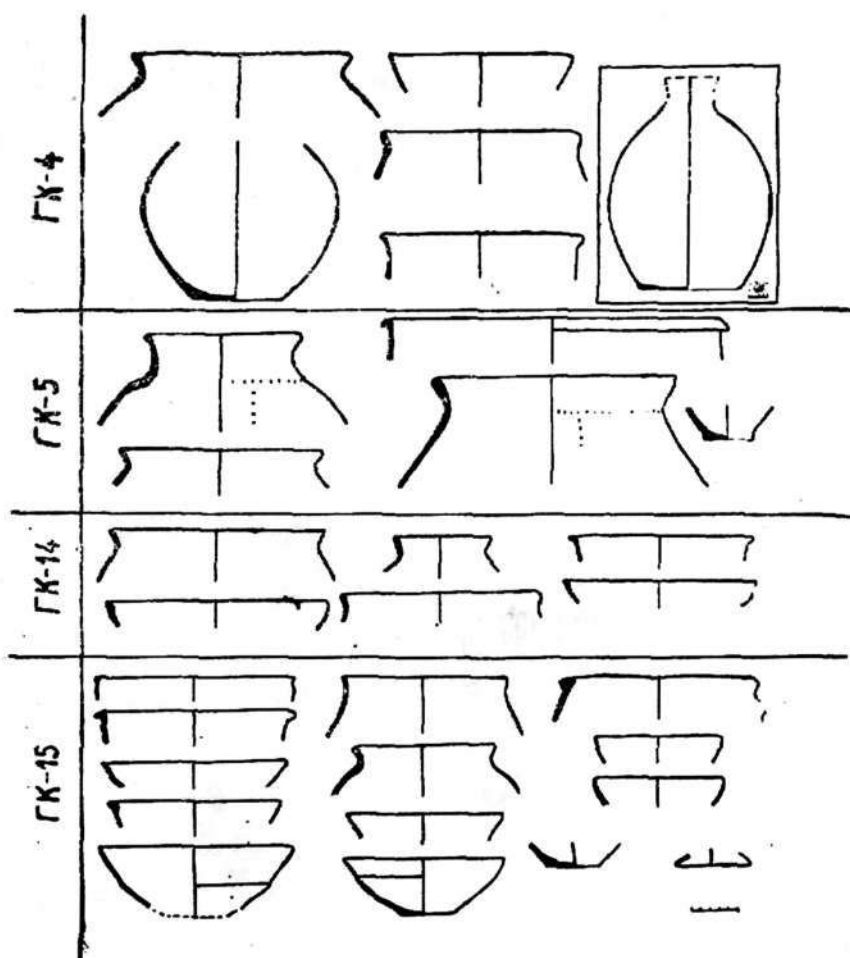


Рис. 12. Керамика из шурфов на холмах № 4, 5, 14, 15.

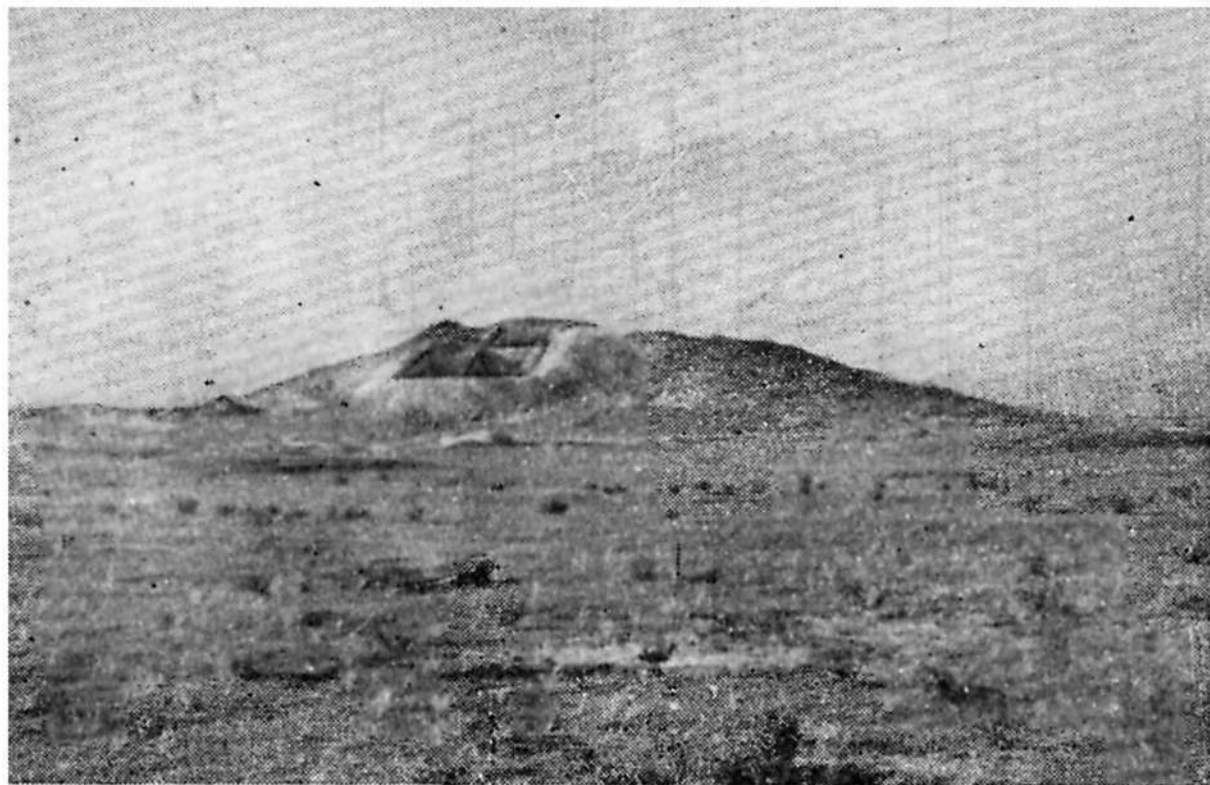


Рис. 13. Холм № 7. Вид с севера. Виден стратиграфический раскоп.

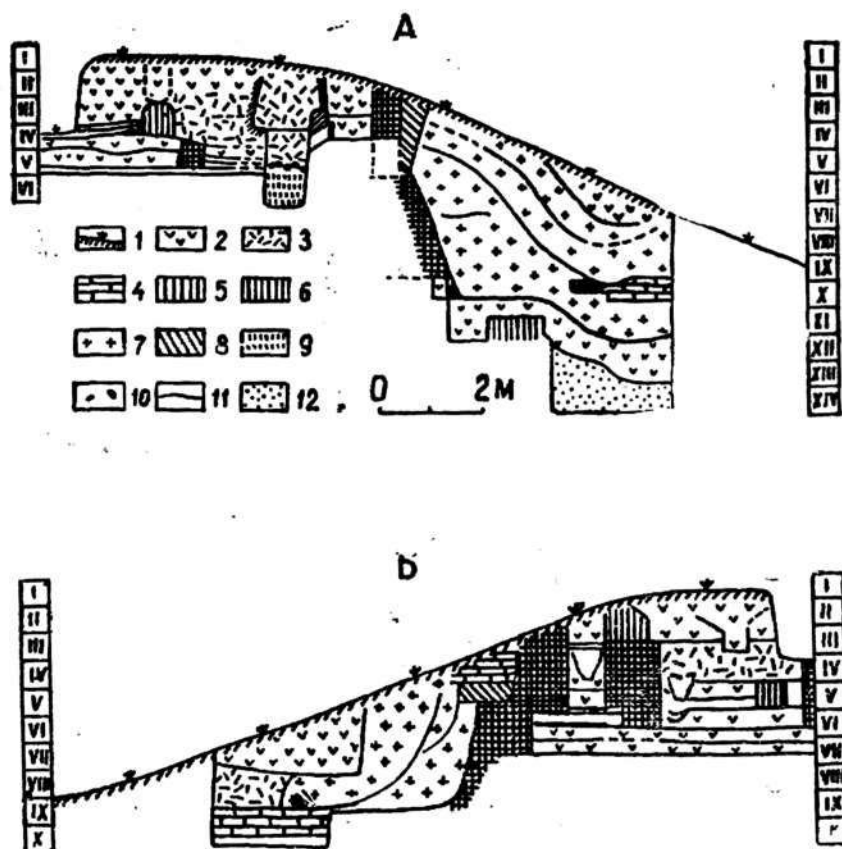


Рис. 14. Холм № 7. Боковые стенки стратиграфического раскопа.
 А — западная стенка, Б — восточная: 1 — «пушонка»; 2 — рылый культурный слой; 3 — завал; 4 — сырец; 5—6 — стены; 7—8 — пахса; 9—пепел; 10—камни; 11—зольные прослойки и уровни полов; 12—песок.

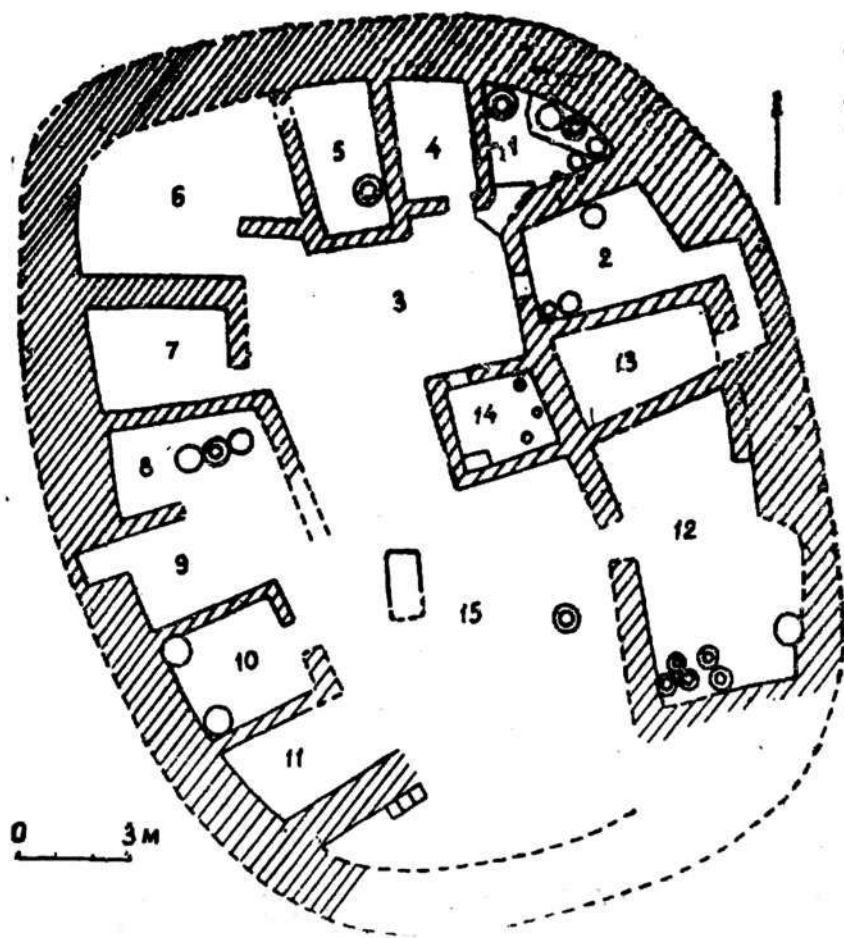


Рис. 15. Холм № 7. План здания III периода обживания. Кружками обозначены хумы.

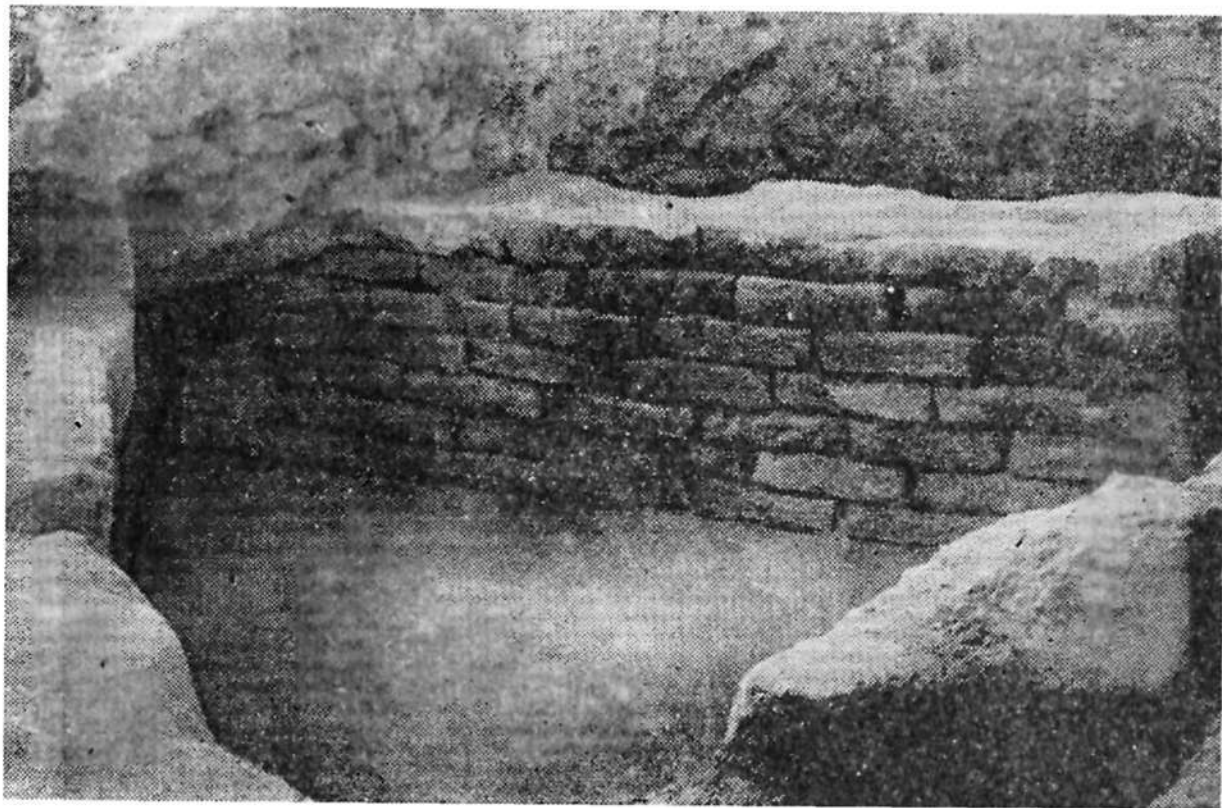


Рис. 16. Холм № 7. Помещение 1.

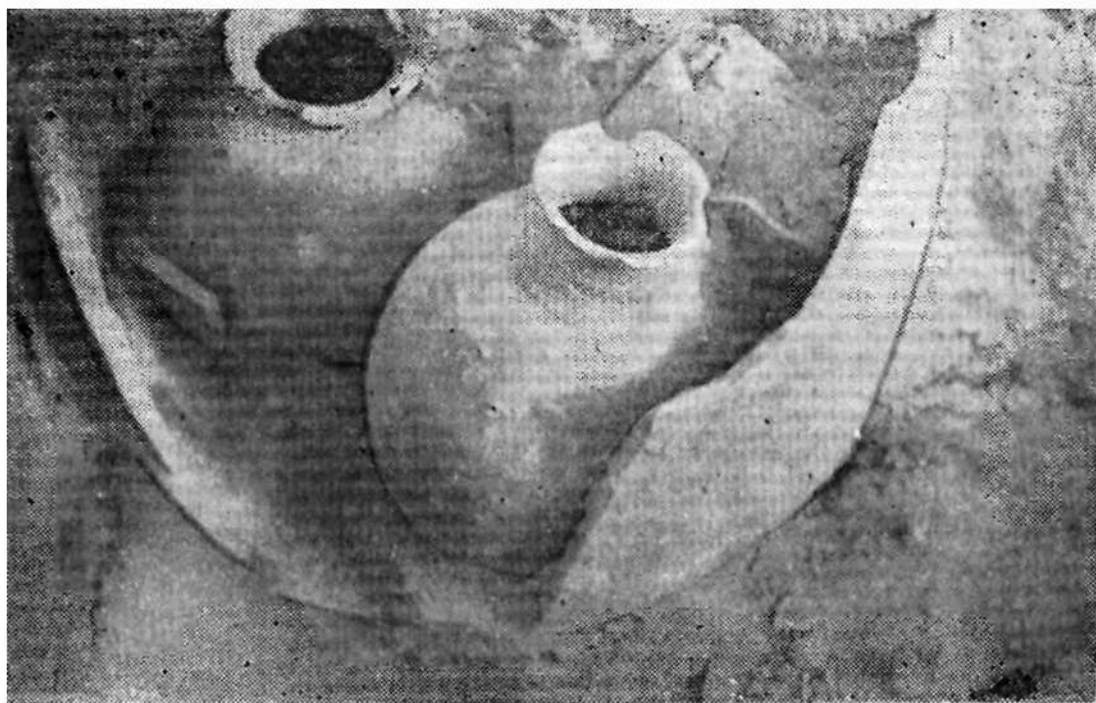


Рис. 17. Холм № 7. Хум с сосудами.

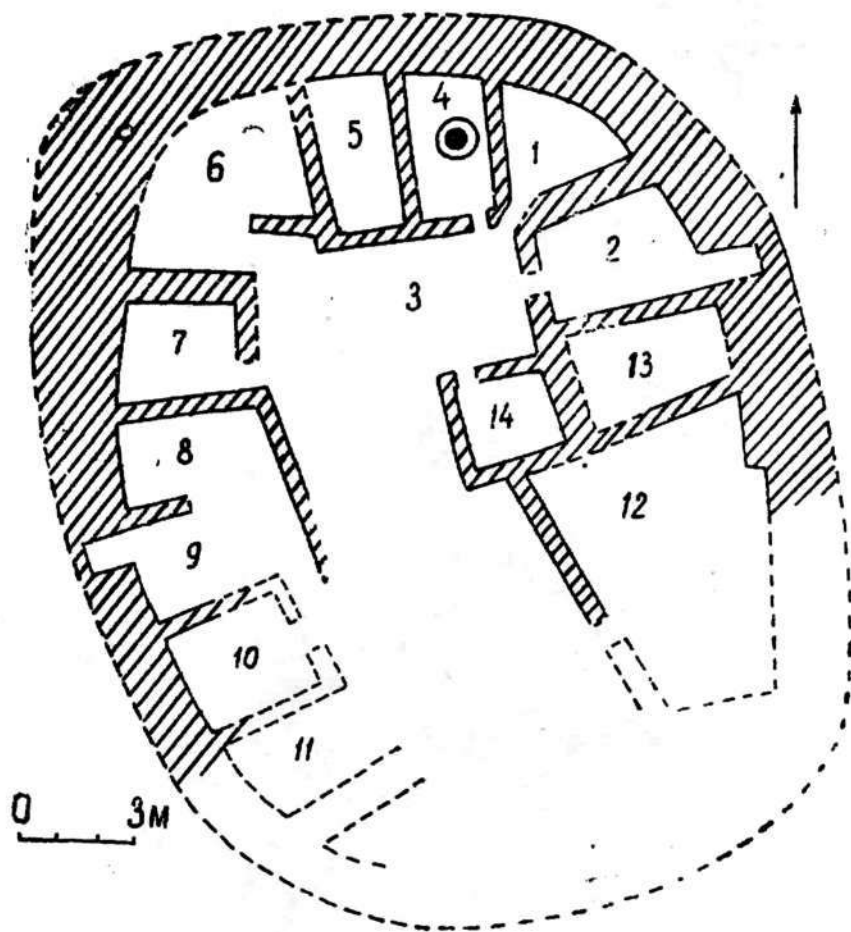


Рис. 18. Холм № 7. План здания при уровне полов — 160 см.



Рис. 19. Холм № 7. Печь в помещении 4.

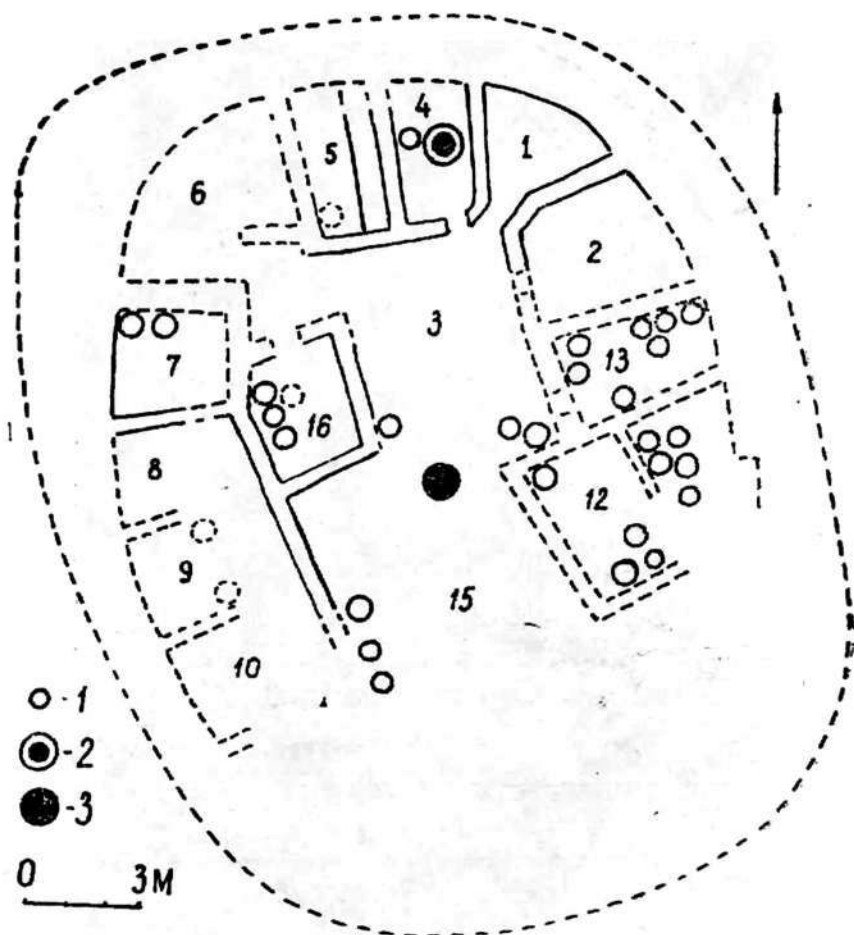


Рис. 20. Холм № 7. Остатки построек IV периода:
1 — хум; 2 — печь; 3 — колодец.

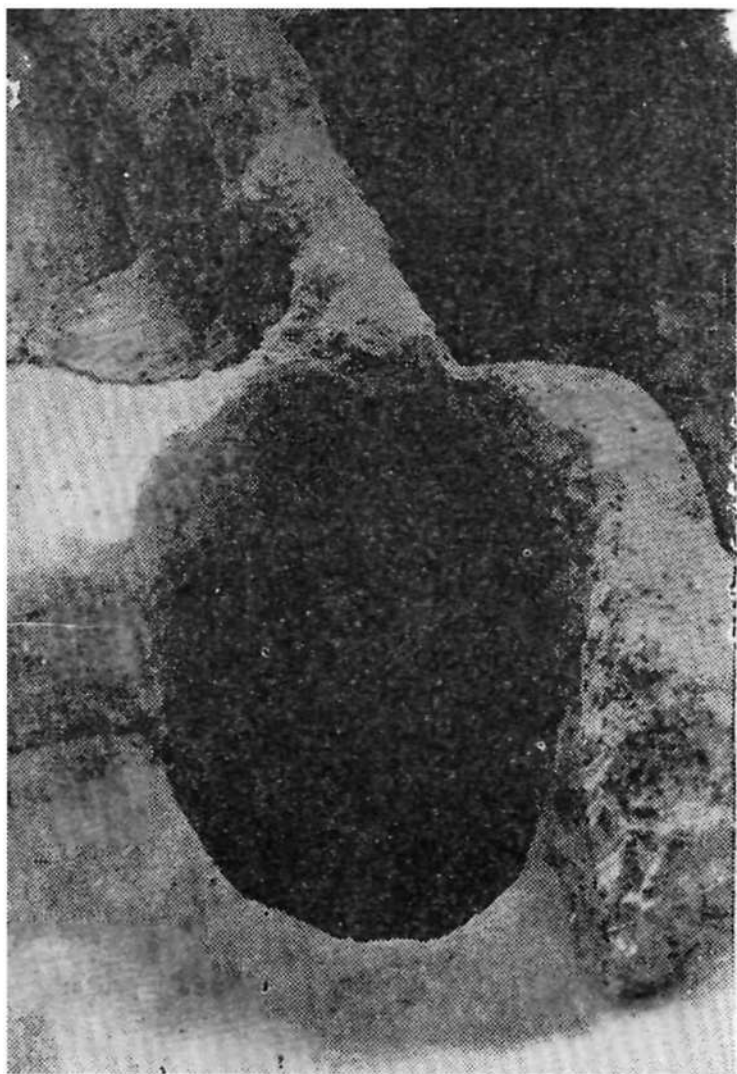


Рис. 21. Холм № 7. Колодец.

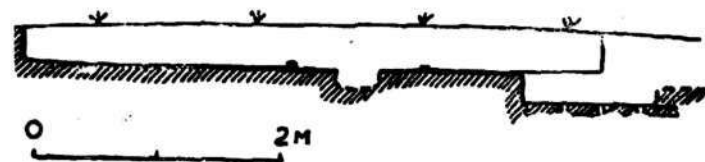
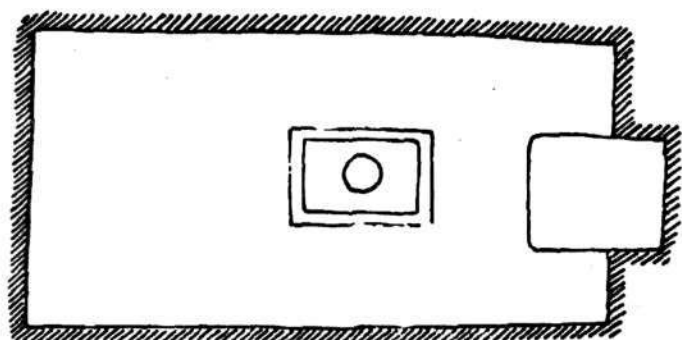


Рис. 22. Холм № 11. Худжра.

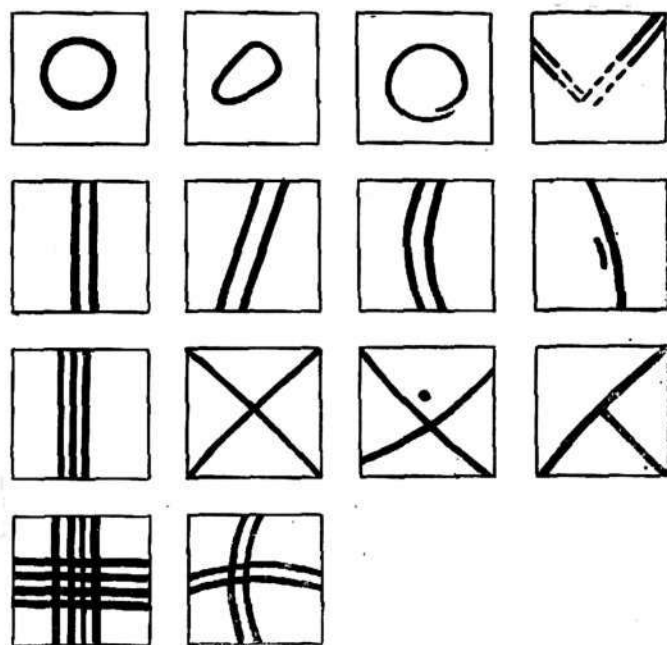


Рис. 23. Холм № 7. Кирпичи с клеймами.

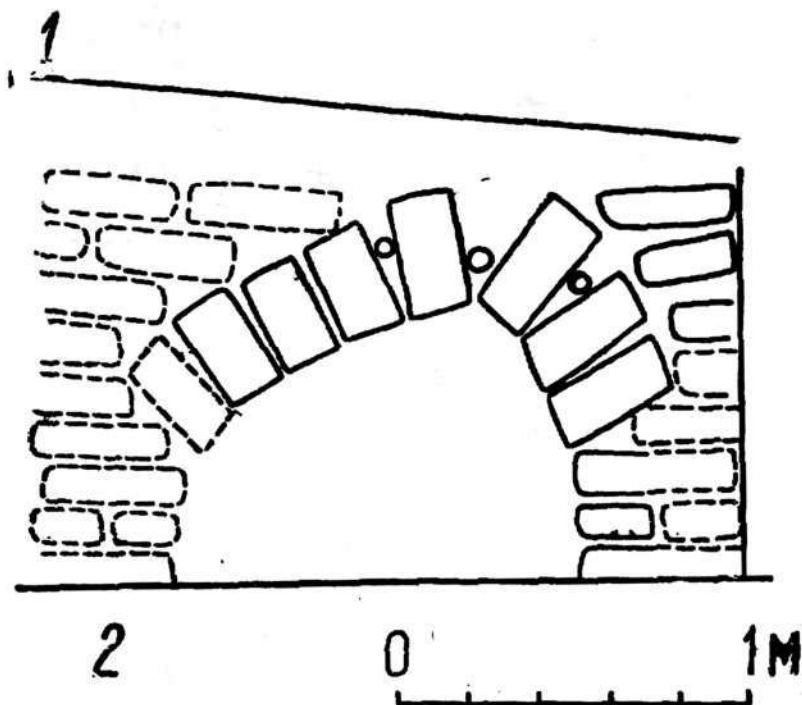
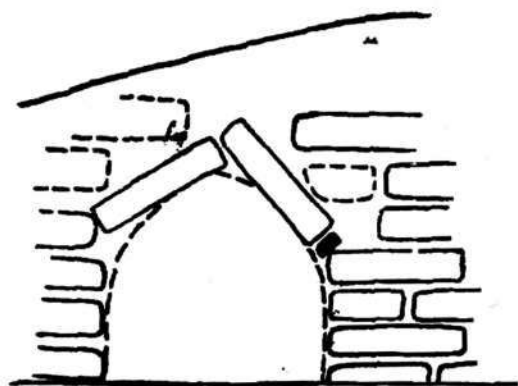


Рис. 24. Своды.

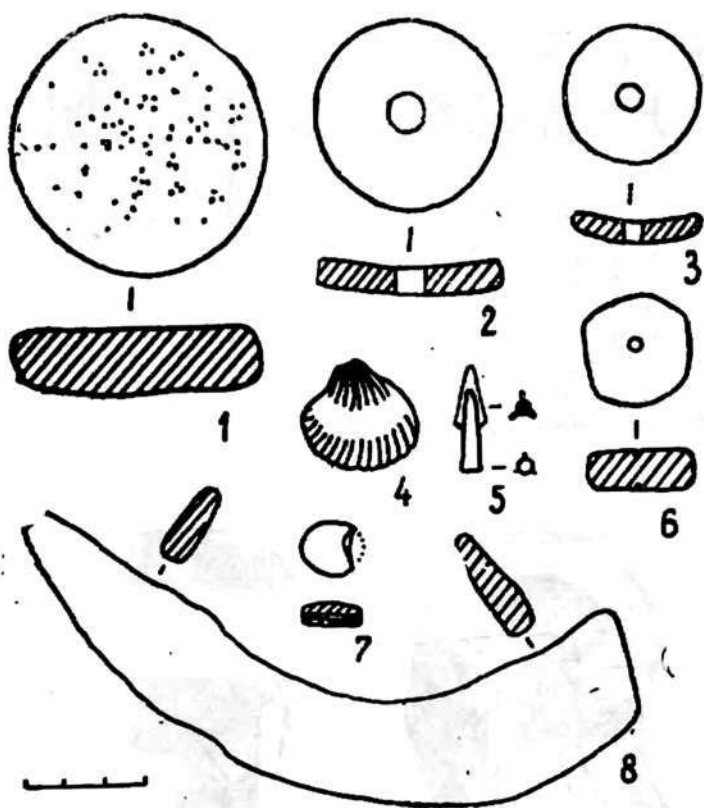


Рис. 25. Холм № 7. Мелкие находки.



Рис. 26. Холм № 7. Железные орудия труда.

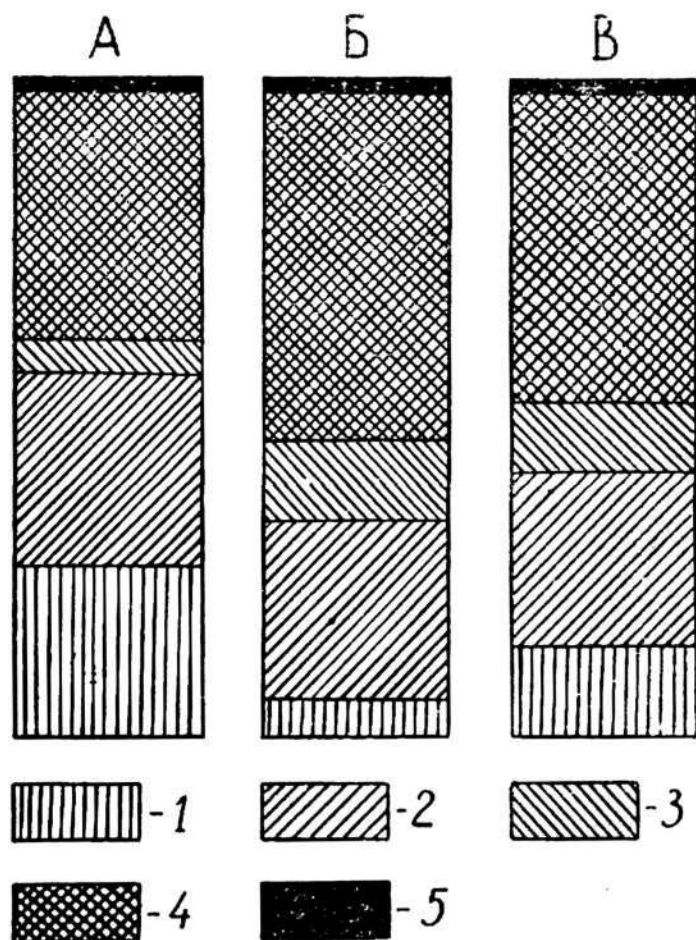


Рис. 27. Соотношение костных остатков домашних животных.

А — холм № 3; Б — холм № 7; В — целое по селению:

1 — крупный рогатый скот; 2 — овцы; 3 — козы; 4 — мелкий рогатый скот, ближе не определимый; 5 — лошадь, свинья, осел.

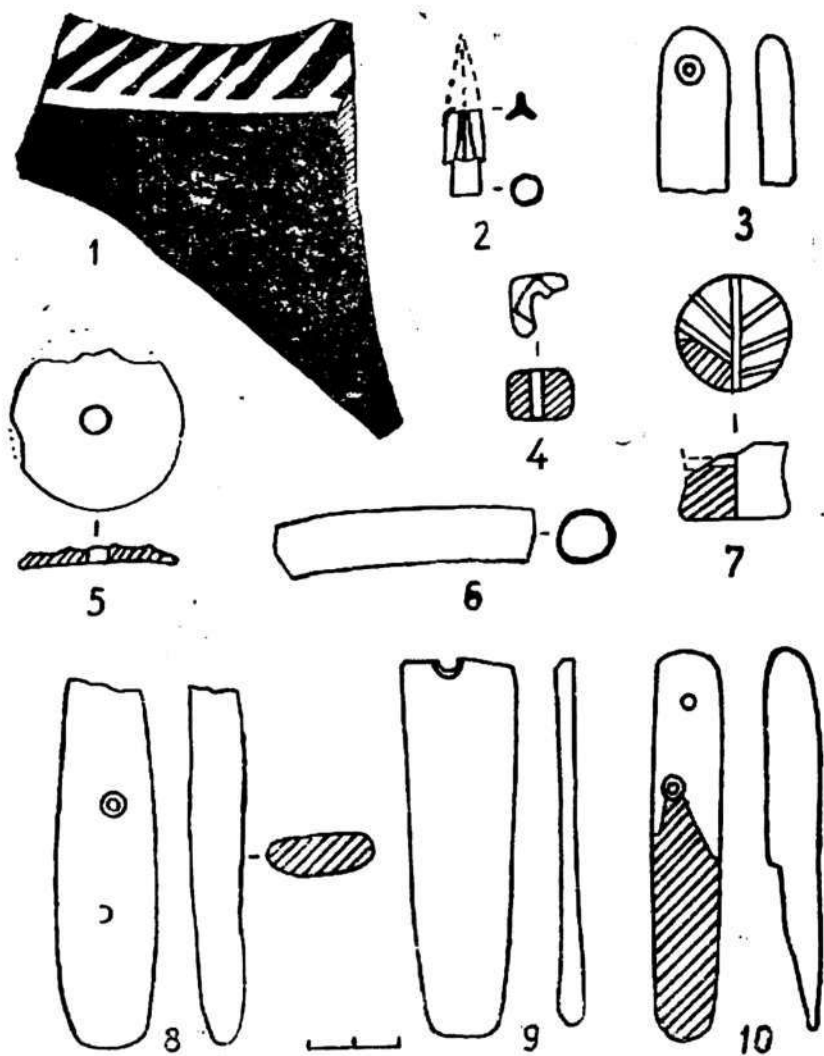


Рис. 28. Холм № 3. Мелкие находки.

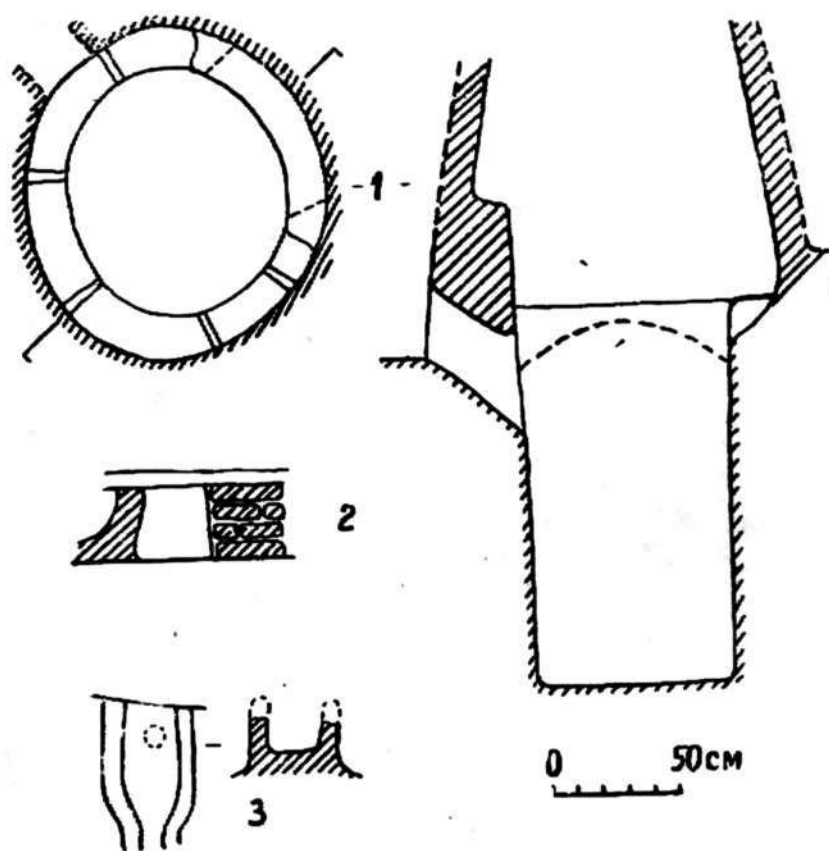


Рис. 29. Печь и очаги.

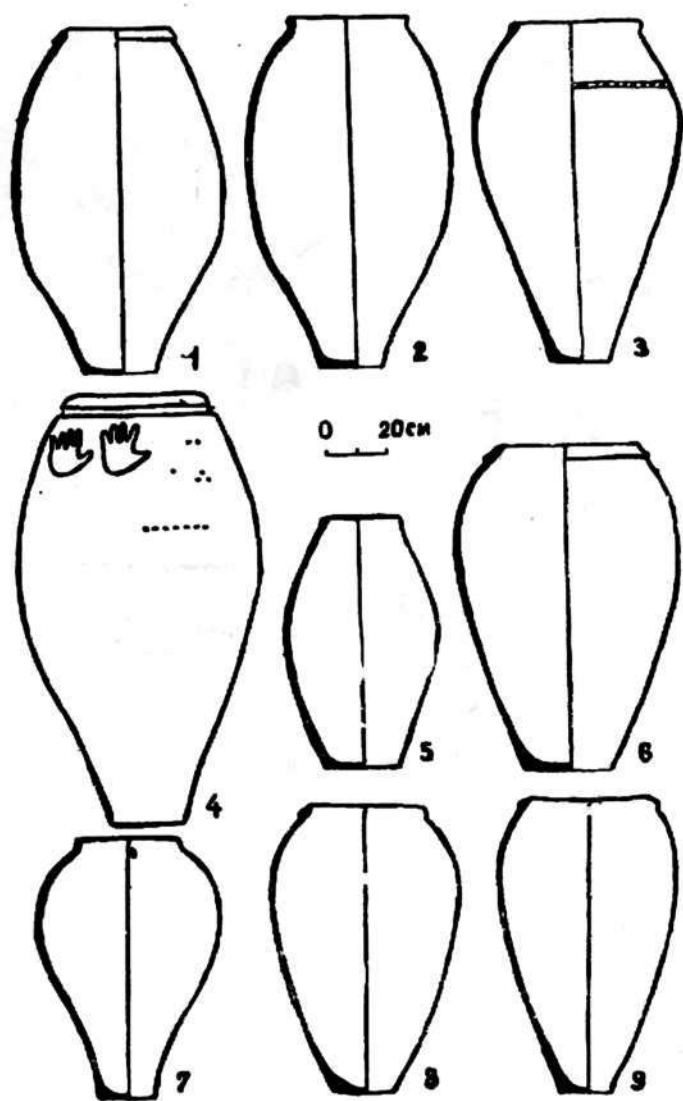


Рис. 30. Хумы.

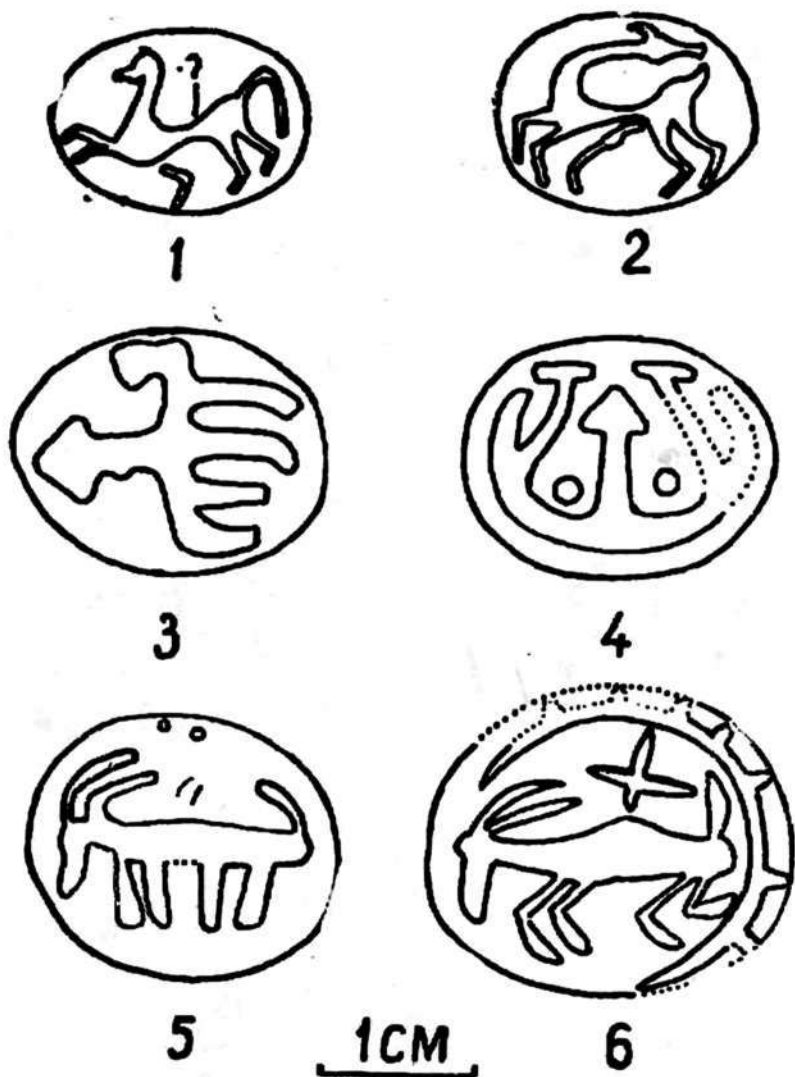


Рис. 31. Отгиски печатей.

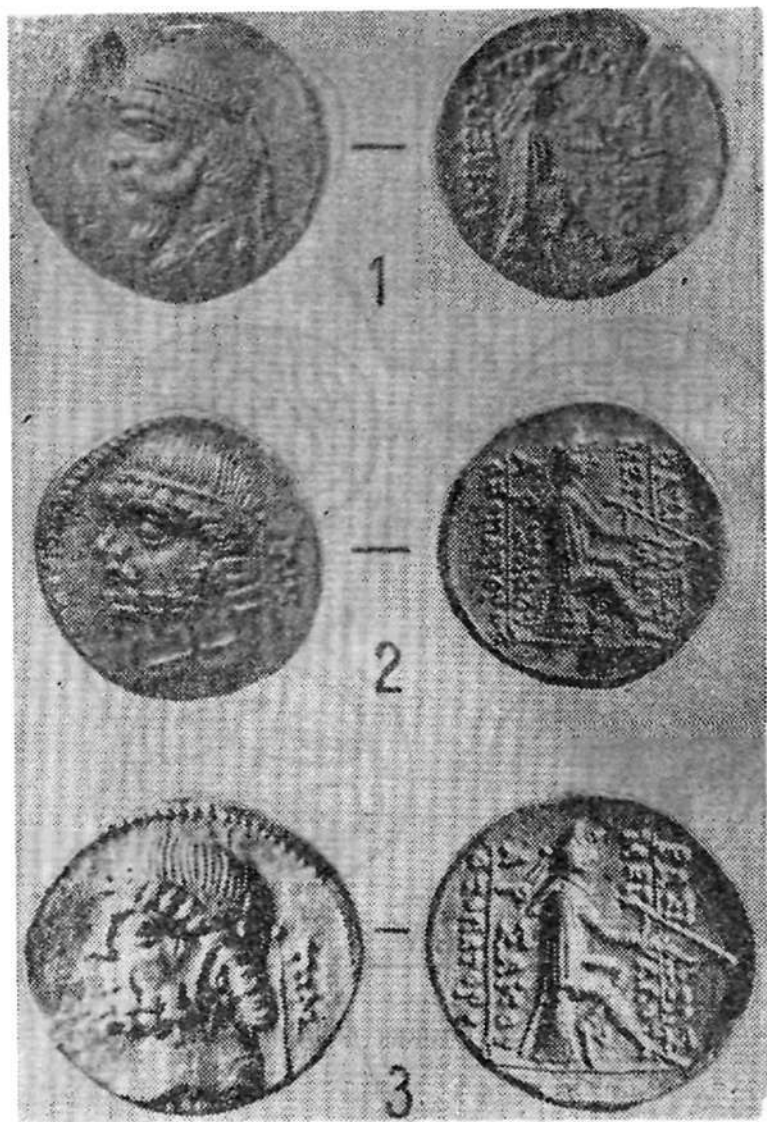


Рис. 32. Монеты.



Рис. 33. Монеты.

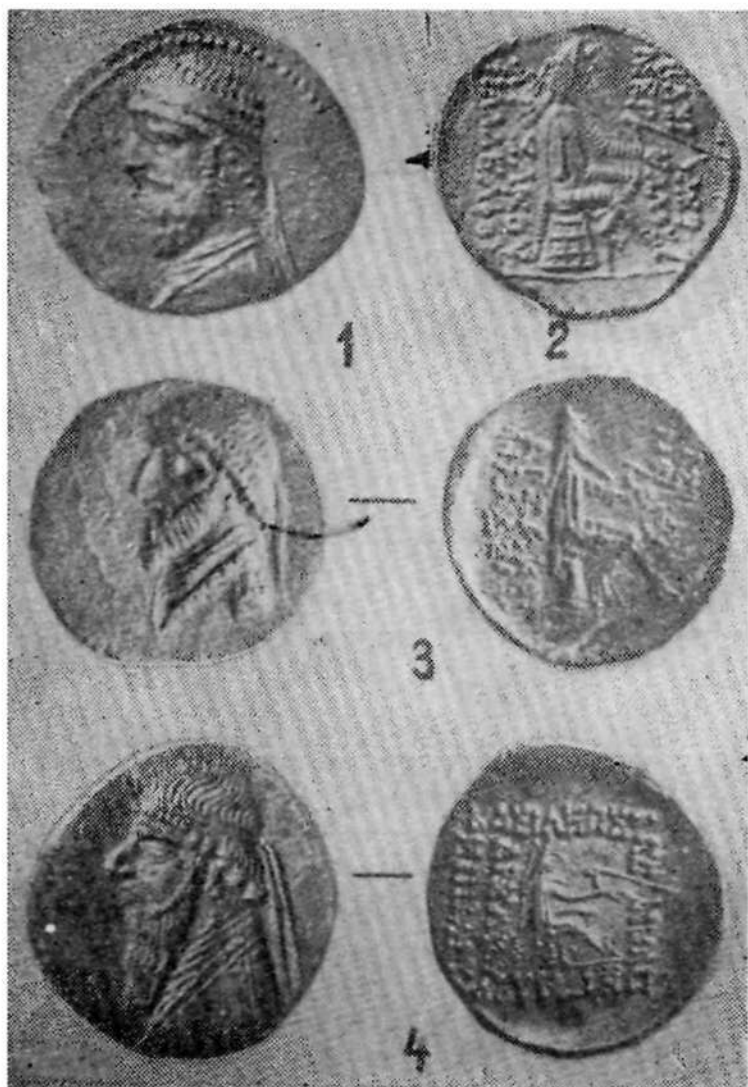


Рис. 34. Монеты.

ВИД		ХУМЫ								ГОРШКИ													КУВШИНЫ						ФЛЯГИ			
ТИП		1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	1	2	3	4	5		1	2	3	
ХОЛМ 7	IV																															
	III																															
	II																															
ХОЛМ 3	IV																															
	III																															
	II																															
ХОЛМ 2																																

ВИД	МЯСКИ				ЧАШИ													БОКАЛЫ		КОТЛЫ							ЖАРОВНИ			
	1	2	3	4	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	1	2	1	2	3	4	5	6	7	1	
ХОЛМ 7	IV																													
	III																													
	II																													
ХОЛМ 3	IV																													
	III																													
	II																													
ХОЛМ 2																														

20 CM

1

2

3

20 см

1

2

3

Рис. 35. Сводная таблица керамики:
1 — 1-3 сосуда; 2 — 4-10 сосудов; 3 — свыше 10 сосудов.

72 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЫЛЫМ» ♦ АШХАБАД—1975